

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Чжан Хаопэн

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРУКТУРЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО
КИТАЯ**

Научная специальность 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и
процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Скворцов Николай Генрихович

Санкт-Петербург

2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава 1. Исторические предпосылки, факторы и этапы формирования социальной стратификации современного китайского общества.....	
18	18
1.1. Социальная стратификация и методологические основы ее изучения в китайской социологии.....	18
1.2. Периодизация системной трансформации социальной стратификации КНР (1949 - 1956 гг. и 1956 -1978 гг.)	32
1.3. Реформы Дэн Сяопина и формирование новой структуры социальной стратификации китайского общества.....	44
1.4. Последствия влияния реформ на социально-классовую структуру и социальную стратификацию китайского общества	58
1.5. Выводы по главе 1.....	70
Глава 2. Концептуализация решения проблемы образовательного неравенства в современном Китае.....	
74	74
2.1. Образование как институциональный фактор трансформации социальной стратификации.....	74
2.2. Современное состояние образовательного неравенства в КНР в контексте географических (региональных) различий, разницы в доходах и различий университетов.....	90
2.3. Социальные барьеры в системе образования и образовательной политике Китая.....	116
2.4. Социальные ресурсы решения проблемы образовательного неравенства в современном китайском обществе.....	126
2.5. Выводы по главе 2.....	140
Заключение.....	145
Список литературы.....	148

Введение

Актуальность темы исследования. Социальное неравенство является одной из наиболее острых проблем современного общества - как на глобальном, так и на локальном уровнях. Среди различных форм и видов неравенства особо выделяется проблема образовательного неравенства, ставшая одной из важных исследовательских тем современной социологии. Образование является одним из важных измерений социальной стратификации, и изучение образовательного неравенства необходимо не только для глубокого понимания динамики социальных изменений и изменений в развитии образования, но и для формулирования прогностических сценариев развития системы образования, на основе которых можно принимать важные управленческие решения в области политики, экономики, культурного капитала и развития человеческих ресурсов. Это чрезвычайно важно для современного Китая, где быстрое экономическое и политическое развитие сопровождается определенным прогрессом в сфере образования, но при этом необходимо решить проблему образовательного неравенства, возникшую в процессе социального развития.

С момента основания Нового Китая его национальная система образования пережила ряд реформ: создание системы вступительных экзаменов в учреждения высшего образования (1955 г.), возобновление практики вступительных экзаменов в вузы (1977 г.) в период преодоления негативных последствий Культурной революции, введение девятилетнего обязательного образования в годы после проведения реформ и открытости, достижение всеобщего среднего образования в начале XXI века, а также процесс достижения всеобщего высшего образования, который продолжается с 2019 года по настоящее время. Все это убедительно свидетельствует о том, что система образования Китая совершила качественный скачок одновременно с бурным экономическим развитием страны. Однако не стоит забывать, что в этом процессе - из-за дисбаланса, существующего между городским и сельским развитием, а также по причине региональных различий в инвестиционной политике – в сфере образования возникло серьезное неравенство в плане доступа к образовательным ресурсам, качестве образовательных услуг и обеспечении социальной мобильности после завершения обучения. Эти проблемы

не только наносят ущерб развитию образования в Китае, но и влияют на рационализацию структуры социальной стратификации.

Данная тема чрезвычайно актуальна для современного Китая. Тема неравенства в образовании занимает важное место в китайской социологии, поскольку изучение образовательного неравенства в стратификационной системе китайского общества способствует пониманию специфики изменений, происходящих в социальной структуре и системе образования Китая. Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, и главным социальным противоречием на данном этапе является противоречие между растущими потребностями людей в лучшей жизни и несбалансированным и недостаточным развитием. Поскольку практически все социальные противоречия и конфликты связаны с проблемой неравенства, изучение проблемы неравенства в процессе общественного развития, несомненно, является одним из важнейших способов эффективного решения социальных проблем. Кроме того, изучение китайской системы образования дает возможность проанализировать ее влияние на социальные преобразования и социальное расслоение. Поэтому есть все основания полагать, что изучение образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного Китая будет способствовать рационализации социальной структуры и устранению социальной несправедливости.

Можно также предположить, что тема образовательного неравенства в Китае представляет интерес и для российских исследователей и специалистов. В условиях интенсивного развития экономического, политического и культурного сотрудничества двух стран, изучение этой проблемы создает возможности для использования опыта ее решения в КНР для практики реформирования российской системы образования.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование социального неравенства имеет долгую традицию в истории мировой общественной мысли. С древних времен философов интересовали вопросы строения социума, происхождения и форм собственности, отношений классов, справедливого устройства и т.п. (Платон [см.: 89], Аристотель [см.: 2] и др.). В эпоху Возрождения (Н. Макиавелли [см.: 80]), в Новое время (Т. Гоббс [см.: 20], Дж. Локк [см.: 65], Ж.-Ж. Руссо [см.: 95], Г. Гегель [см.: 17], А. Смит [см.: 98], А. Сен-Симон [см.: 97],

позднее - К. Маркс и Ф. Энгельс [см.: 83], О. Конт [см.: 44]) глубоко изучали проблемы социального неравенства. Особая роль в разработке этой темы принадлежит выдающему российскому социологу П.А. Сорокину, которые ввел в научный лексикон понятие социальной стратификации, определив ее основу и сущность как «неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличие или отсутствие социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [99; с.302].

Вопросам социальной стратификации и неравенства посвящены работы известных социологов - Р. Дарендорфа [см.: 25], Э. Райта [см.: 92] Ф. Паркина [см.: 87], К. Дэвиса и У. Мура [см.: 28], Т. Парсонса [см.: 88], Д. Грусски [см.: 148], Г. Ленски [см.: 149] и др. Эти темы разрабатываются в трудах современных российских авторов - М.К. Горшкова [см.: 22, 94], З.Т. Голенковой [см.: 21; 43], П.М. Козыревой [см.: 43], М.Ф. Черныша [см.: 120], В.В. Радаева [см.: 90], О.И. Шкаратана [см.: 90], Н.Е. Тихоновой [см.: 107] и др. Проблемы социальной стратификации и неравенства в КНР исследуются китайскими учеными, среди которых - Бянь Яньцзе [см.: 64], Сун Липин [см.: 106], Лу Сюеи [см.: 66, 67, 68], Ли Лулу [см.: 49, 50, 51], Ли Цян [см.: 56, 57, 58, 151], Ли Пейлин [см.: 52, 94, 150], Ли Чунлинь [см.: 43, 59, 60, 61, 62, 63] и др.

Среди проблем, связанных с социальной стратификацией особо выделяется тема образовательного неравенства. Образование является одним из измерений стратификации наряду с доходом, властью, престижем. В условиях усиливающегося социального расслоения эта форма неравенства требует особого внимания. Вопрос заключается в том, можно ли разумно распределить ограниченные образовательные ресурсы, гарантировать и сделать более равными права граждан на образование. Государства должны содействовать обеспечению равного доступа к образованию, поскольку это поддерживает социальную стабильность и обеспечивает прогрессивное поступательное движение.

В современной социологии существуют различные точки зрения на проблему образовательного неравенства. Так, С. Боулз и Г. Гинтис, представители неомарксизма в социологии образования, в своей работе «Школьное образование в капиталистической Америке: Образовательная реформа и противоречия экономической жизни» выдвинули теорию классового воспроизводства [см.: 146]. Они считают, что школы являются продуктом классового конфликта и что роль

школьного образования в капиталистическом обществе заключается в поддержании социального неравенства и воспроизводстве неравноправных производственных отношений и классовых структур. По их мнению, доминирующей культурой в школах является культура господствующей группы высшего класса, где представители правящего класса контролируют цели образования, стандарты оценки и передают группам низшего класса стили поведения, культурное сознание и ценности высшего класса, воспроизводя неравные социальные отношения. Они утверждают, что школьное образование, воспроизводящее социальное неравенство и различия в разделении труда, не может быть преобразующей силой социальной справедливости, и что только распространив демократическую систему на все сферы общественной жизни, «школа сможет достичь трех своих целей: способствовать социальному равенству, всестороннему развитию творческого потенциала молодежи и интеграции нового поколения в социальный порядок.

П. Бурдьё анализировал проблему равенства в образовании с точки зрения культурного воспроизводства. Его идеи изложены в работе «Воспроизводство: элементы теории системы образования» написанной совместно с Ж.-К. Пассроном [см.: 5]. Он утверждал, что шансы на успех в школе определяются семейной и классовой культурой ученика, а классовая культура, передаваемая школой в процессе культурного воспроизводства, известна как «культурный капитал». Культурный капитал является важным фактором, наряду с экономическим капиталом, в определении социального класса индивида. Этот вид культурного капитала имеет три формы: физикализованный культурный капитал, включающий речь, манеры, стиль владения инструментом, хобби и культивирование; объективированный культурный капитал, включающий музыку, картины, инструменты и так далее; и институционализованный культурный капитал, включающий образование и квалификацию. По его мнению, богатство культурного капитала семьи играет решающую роль в шансах детей на успешное обучение в школе: капиталистическая школа - это процесс «символического насилия», которому правящий класс подвергает низшие классы через систему образования и цели, предписанные культурной гегемонией. Иными словами, неравенство коренится в различиях культурного фона семей в классовом обществе и в неравном отношении к классовой культуре в школьном образовании, что оказывает

значительное влияние на образование детей из разных классов. Это культурный подход к проблеме равенства в образовании, который фокусируется на классовой структуре, культурном капитале и т.д.

В российской социологии проблема образовательного неравенства разрабатывается в трудах Д.Л. Константиновского [см.: 42, 43], Г.А. Ключарева [см.: 38], Ю.Б. Епихиной [см.: 31,32], Г.Е. Зборовского, П.А. Амбарово́й [см.: 34, 35] и др. Справедливость в образовании рассматривается на двух уровнях: на макроуровне, на котором образование выступает частью институциональной системы (в этом случае образование выступает как часть институциональной системы и оценка его как института становится частью оценки справедливости общества в целом); на микроуровне оценка справедливости в образовании анализируется как часть социального опыта индивида

В китайской социологии социальная структура, социальная стратификация, образовательное неравенство являются одними из наиболее активно разрабатываемых научных тем. При этом, начиная со времени первого социалистического правительства вплоть до экономической реформы 1978 года ученые в основном обосновывали идею о социальной структуре китайского общества в форме «два класса плюс одна прослойка» (рабочий класс, крестьянство и интеллигенция). Только в период проведения реформ китайские социологи обратились к обсуждению разнообразия форм хозяйственной деятельности. Это внесло значительный вклад в анализ новой социальной структуры китайского общества и возврат к экономической классификации. В этом процессе ведущую роль сыграли Лу Сюэи [см.: 66, 67, 68], Ли Цян [см.: 56, 57, 58, 151], Ли Чуньлинь [см.: 59, 60, 61, 62, 63], Ли Пейлин [см.: 52, 94, 150] и др. В то время как социальная структура и социальные классы динамично развиваются и меняются, исследование образовательного равенства/неравенства становится все более важным. При этом, проанализировав теорию культурного воспроизводства П. Бурдьё в качестве влиятельного и разделяемого западными социологами теоретико-методологического подхода, китайские исследователи Ян Чуньхуа [см.: 145], Ху Сюлун [см.: 112], Чжан Ваньли [см.: 122], Ван Чжаосинь [см.: 11]) и др. пришли к выводу, что она не может быть в полной мере применена к ситуации в Китае.

Ли Чуньлин в своем исследовании образовательного равенства между различными социальными классами пришла к выводу, что «в настоящее время в Китае создана самая большая система образования в мире, и система образования продолжает развиваться и расти, сохраняя способность к устойчивому развитию, однако развитие системы образования не устранило образовательное неравенство между городскими и сельскими районами, между различными социальными группами и между различными социальными классами. Образовательное неравенство стало одним из факторов, влияющих на чувство социальной справедливости людей, и оказалось в центре внимания китайских СМИ. Это свидетельствует о том, что люди больше не удовлетворены существующим положением. Они стали обращать внимание на справедливость образовательной системы. Справедливость в образовании, которую требуют люди, - это не только справедливое распределение образовательных возможностей, но и справедливость доступа к качественному образованию. Поэтому обеспечение сбалансированного и справедливого доступа к образованию для городского и сельского населения, а также для различных социальных слоев является важным вопросом для социального развития Китая [см.: 60, 62].

В целом современное научное сообщество Китая разработало широкую теоретическую и эмпирическую базу для изучения проблемы образовательного неравенства в процессе социальной стратификации. На этой основе стало возможным проведение социологического анализа проблематики образовательного неравенства и определение основных ориентиров диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования является образовательное неравенство в структуре социальной стратификации современного китайского общества.

Предмет исследования – исторические предпосылки, причины, факторы и этапы формирования образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного китайского общества.

Цель исследования – изучение и выявление исторических предпосылок, причин, факторов и этапов возникновения и формирования образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного китайского общества в условиях поступательного экономического, социального и культурного развития.

Для достижения данной цели сформулированы *следующие задачи*:

- 1) раскрыть содержание основных теоретических подходов к изучению социальной стратификации в Китае;
- 2) рассмотреть этапы системной трансформации и изменения в структуре социальной стратификации в Китае от образования КНР до «эпохи реформ и открытости» и после 1978 г. в контексте исторических предпосылок, причин, факторов и этапов возникновения и формирования образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного китайского общества;
- 3) проанализировать влияние образования на социально-классовую структуру китайского общества и выявить факторы, формирующие образовательное неравенство в существующей системе стратификации;
- 4) провести анализ современного состояния образовательной системы в Китае в контексте географических различий, разницы в доходах и региональной специфики с целью выявления основных факторов и уровня влияния каждого из них на образовательное неравенство;
- 5) исследовать механизмы и влияние неравномерного распределения образовательных ресурсов на динамику социального неравенства в различных регионах страны;
- 6) на основании выявленных причин и факторов, при учете как социальных, так и культурно-исторических аспектов проблемы, разработать предложения по снижению уровня образовательного неравенства в различных социальных группах в структуре социальной стратификации современного китайского общества.

Соответствие тематики диссертационного исследования требованиям Паспорта специальностей ВАК: диссертация выполнена в рамках научной специальности 5.4.4 – «Социальная структура, социальные институты и процессы» и соответствует следующим пунктам паспорта данной специальности:

1. Социальная структура и социальная стратификация. Критерии социального расслоения.
5. Социальное неравенство, основные типы, показатели, факторы и тенденции.

Новые формы неравенства в современных обществах и подходы к его изучению.

Исследовательская гипотеза: автор исходит из предположения о том, что в современном Китае динамика социальной стратификации неразрывно связана с развитием системы образования, в которой присутствуют элементы неравенства и дисбаланса. Образовательное неравенство проявляется на разных уровнях, в различных формах и в следующих основных аспектах: различиях в семейном (культурном) капитале, неравенстве между географическими регионами, неравенстве в доходах населения и неравенстве в распределении образовательных ресурсов как на макро-, так и на микроуровне.

Теоретико-методологической основой исследования является прежде всего марксистская материалистическая методология, основанная на классовом подходе к анализу социальной реальности. В диссертации использовались также методологические положения теории культурного капитала П. Бурдьё, включая современные концептуальные разработки китайских специалистов. Так, анализ проблемы образовательного неравенства в Китае был осуществлен на основе обобщения результатов исследовательских проектов китайских социологов (Лу Сюэи, Лю Цяньмин, Ли Чуньлин, Ли Пейлин и др.). Также был учтен и использован анализ указанной тематики в работах современных российских авторов (М.К. Горшков, М.Ф. Черныш, Д.Л. Константиновский, Г.Е. Зборовский, П.А.Амбарова, Ю.Б. Епихина, Е.М. Сорокина и др).

Эмпирической базой исследования послужили статистические данные Государственного статистического управления и Национального бюро статистики Китая, а также вторичный анализ данных социальных исследований, проведенных рядом социологических исследовательских центров и институтов КНР.

Достоверность полученных результатов исследования определяется использованием в работе классических трудов по социологии, обращением к обширной базе современных научных публикаций по теме исследования, применением верифицированных методов социологического анализа, а также точностью и непротиворечивостью полученных результатов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что сформулированные автором обобщающие положения, основанные на марксистской материалистической методологии исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения проблем образовательного неравенства в структуре

социальной стратификации китайского общества. Выводы диссертации вносят вклад в изучение развития современного института высшего образования в условиях социально-экономических преобразований, происходящих в Китае, и позволяют оценить направления решения проблемы образовательного неравенства в китайском обществе. В работе не только ставятся проблемы образовательного неравенства в структуре стратификации современного китайского общества, но и выявляются их причины, а также формулируются предложения по их решению и преодолению.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные автором результаты изучения неравенства в образовательной сфере могут послужить основой для дальнейших исследований в данной области. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке базовых и специальных учебных курсов по социологии образования, вопросам социальной стратификации, проблемам социального неравенства и т.д.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- выявлены социальные барьеры, препятствующие обеспечению равных возможностей доступа к качественному образованию в структуре стратификации современного китайского общества;
- в контексте проблемы образовательного неравенства проанализированы актуальные для китайской социологии проблемы образования и воспитания «благородных детей из скромных семей» в сочетании с вопросами образования в сельской местности;
- обосновано, что различия в культурном капитале китайской семьи влияют на доступ, возможности и формирование установок на получение высшего образования;
- в качестве важной причины и измерения существующего образовательного неравенства в Китае определены региональные и ресурсные различия между учебными заведениями и показаны их особенности;
- на основании статистических данных проанализирована эффективность существующей практики распределения образовательных ресурсов, предложены меры по снижению уровня образовательного неравенства.

Апробация полученных результатов. Основные положения, результаты и выводы, содержащиеся в ВКР, отражены в опубликованных научных трудах автора, в том

числе в 7 статьях в журналах, входящих в Перечень ВАК, рекомендованный Министерством науки и высшего образования РФ.

Основные положения диссертационного исследования были также доложены автором на Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения – 2022» в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 17-19 ноября 2022 г.); на Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2022» (Санкт-Петербург, 21 ноября 2022 г.); на Российско-китайской социологической конференции «Современные города и социальное управление в России и Китае», организованной Российско-китайским центром сравнительных социальных, экономических и политических исследований СПбГУ (Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2023 г.); на Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения – 2023» в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2023 г.).

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы из 167 наименований.

Основные результаты проведенного исследования, отражающие авторский вклад в приращение социологического знания по проблемам образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного китайского общества, состоят в следующих положениях:

- изучены и выявлены исторические предпосылки, причины, факторы и выделены основные этапы возникновения и формирования образовательного неравенства в структуре социальной стратификации современного китайского общества, которая в условиях поступательного экономического, социального и культурного развития КНР представляет собой закономерный порядок взаиморасположения всех социальных классов и других страт в их непрерывном взаимодействии друг с другом и реальной взаимосвязи (см.: 125. Чжан Хаопэн. Структура модели социальной стратификации китайского общества // *Социология*. 2022. №6. – С. 109-113; см.: 131. Чжан Хаопэн. Тенденции изменения социальной стратификации населения Китая в период до реформы открытости (1949-1978 годы) // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. №1. – С. 64-66);

- разработан авторский методологический подход к изучению процесса развития социальной структуры и социальной стратификации в Китае в контексте китайских национальных особенностей, который помогает определить ключевые направления и тенденции их развития в современном китайском обществе (см.: 130. Чжан Хаопэн. Эволюция социальной роли регистрации домохозяйств Китая («Хукоу») // *Социология. № 1. 2023. - С. 174-178*);

- выявлено влияние традиционной китайской системы регистрации домохозяйств на социальную стратификацию и образовательное неравенство, которое имеет важное значение для понимания происходящих в Китае процессов социальных изменений (см.: 126. Чжан Хаопэн. Гендерные аспекты социальной стратификации населения Китая // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 1. 2023. – С. 68-70*);

- основываясь на теории и методологии социальной стратификации П. А. Сорокина и теории культурного воспроизводства П. Бурдьё, в диссертации раскрыты важнейшие факторы, влияющие на социальную стратификацию в образовании с точки зрения их взаимосвязи и взаимодействия друг с другом (см.: 127. Чжан Хаопэн. Воздействие уровня образования на состояние социальной стратификации населения Китая // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 1. 2023. – С. 62-64*);

- на основе анализа различных теоретических подходов было сфокусировано внимание на образовании как факторе, влияющем на социальное расслоение, и выявлено воздействие неравенства на развитие образования в социальной структуре современного Китая, включая влияние таких трёх основных факторов, как: географическое неравенство между регионами, различия между богатыми и бедными семьями, различия между университетами, а также роль таких социальных проблем, как дефицит семейного культурного капитала, дисбаланс между развитием городов и сельской местностью, неравенство в доходах (см.: 129. Чжан Хаопэн. Дифференциация уровня жизни городского и сельского населения Китая: аспекты социальной стратификации // *Социально-гуманитарные знания. № 1. 2023. – С. 46-49*);

- показано, что в условиях влияния образовательного неравенства на структуру социальной стратификации современного Китая приоритетной причиной этого

является не столько недостатками самой системы образования, сколько то, что в современной социальной структуре Китая недостаточно сочетается баланс политических, экономических и других средств. Изучение образовательного неравенства открывает возможности не только для изучения, но и для решения проблем социального неравенства (см.: 128. Чжан Хаопэн. Реализация инструментов сокращения социального неравенства в экономическом, политическом и культурной сферах общества // *Социология*, № 1. 2023. – С. 154-158).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социологи использовали разработанные ими идеи, модели и концепции для описания тонкостей социальной стратификации в обществе на протяжении всей истории. Можно выделить следующие методологические подходы к изучению социальной стратификации: (материалистический) марксизм, веберизм (понимающая социология), нео- и пост-марксизм, нео-веберизм, а также теоретические подходы, представленные в работах П.А. Сорокина, О. Дункана, Дж. Келли, Дж. Голдторпа, Г. Браверманна и др. Суть авторского (или мультидисциплинарного) интегрированного подхода и новых моделей состоит в сложении объясняющих потенциалов перечисленных подходов в изучении и раскрытии социодинамики сложных процессов в структуре социальной стратификации китайского общества. Наряду с марксистским подходом китайские социологи (Бянь Яньцзе, Сун Липин, Лу Сюеи, Ли Лулу, Ли Цян, Ли Пейлин, Ли Чунлинь т.д.) используют методологические положения современной конфликтологии, структурно-функциональную методологию и другие парадигмы. При этом, политические сдвиги и общественные трансформации в Китае влияют на развитие идей социальной стратификации. Эти методы лучше отражают динамическую природу сложных социальных процессов, тесно связанных с социально-экономической реальностью и изменениями в Китае.

2. За годы, прошедшие между созданием Нового Китая (1949) и эпохой реформ и открытости, эволюция структуры социальной стратификации прошла два этапа развития: 1949-1956 гг., 1956-1978 гг. После этих этапов с началом системных реформ ДЭН Сяопином в 1978 г. особенность основных моделей китайских исследований социальной стратификации выразилась в комплексном подходе к изучению данной проблематики. В частности, произошло выделение «десяти

основных социальных страт» и модели «перевернутой Т-образной формы», которые показали, что, во-первых, распределение общественных ресурсов на основе рыночной экономики стало неравномерным, и, во-вторых, что эта неравномерность постоянно усиливается и увеличивает масштабы социального неравенства (особенно в сравнении с положением в начале экономических реформ). Анализ исторической динамики и особенностей социальной структуры Китая также показал, что с момента основания КНР китайская социальная стратификация и социальная структура прошли через несколько этапов динамичного роста. Социальные различия на каждом уровне были связаны с происходящими политическими и историческими событиями. Так, исследования показали, что специальная схема регистрации домохозяйств в Китае (*хукоу*) ныне делит страну на две подсистемы, создавая различия между городскими и сельскими районами в различных аспектах. После 1978 года, в результате реформ Дэн Сяопина социальная структура Китая претерпела значительные изменения в плане, демографической и семейной трансформации, регионального структурного развития, а также владения гражданами материальными благами, развития всех форм и уровней образования.

3. За полвека после эпохи реформ Дэн Сяопина социальная сфера Китая претерпела значительные изменения и достигла замечательных успехов в сфере среднего и высшего образования. Речь идёт о введении обязательного девятилетнего образования, создании ключевых национальных университетов, в результате чего уровень охвата абитуриентов и студентов колледжами и университетами вырос с 12,5 % в 2000 году до 51,6 % в 2019 году и т.д. Но при этом только менее 20 % студентов, обучающихся в китайских университетах, являются выходцами из сельских и менее развитых районов страны. Это свидетельствует о наличии социального неравенстве в рамках нынешнем китайском институте высшего образования. Сложность образовательного процесса и неопределенность, а также неравный доступ к образованию для разных групп населения объективно способствовали тенденциям усиления социального расслоения. Таким образом, *образование во многом стало фактором воспроизводства социального расслоения и социального неравенства.*

4. Проблема образовательного неравенства в Китае проявляется в трех основных областях: *в неравенстве между регионами, в неравенстве в образовании из-за*

неравенства доходов, в неравенстве в распределении образовательных ресурсов. Что касается *регионального неравенства*, то оно в основном основано на неравенстве в образовании между городом и деревней и неравенстве в доступе к образованию между развитыми и менее развитыми регионами. *Неравенство в доходах*, с другой стороны, приводит к неравенству в доступе к образованию между детьми из бедных и богатых семей. И, даже после получения образования практически одинакового качества, достичь восходящей социально-классовой мобильности или, по крайней мере, избежать нисходящей мобильности первоначального класса, представителям бедных слоев общества удастся далеко не всегда. *Дисбаланс* в распределении ресурсов между различными университетами Китая в основном отражается в государственных расходах на образование для разных университетов в различных регионах страны, а также в качестве преподавания, строительстве базовых учебных заведений и уровне подготовки преподавателей этих разных вузов.

5. Основными факторами образовательного неравенства в Китае являются различия в семейном культурном капитале и дисбаланс в распределении социального капитала и образовательных ресурсов. Во-первых, в семьях, которые по происхождению относятся к низшим слоям, с одной стороны, родители не уделяют особого внимания образованию своих детей. С другой стороны, в условиях очень жесткой конкуренции за качественные образовательные ресурсы студенты из бедных семей не имеют изначального преимущества в получении образования, равного тому, на которое могут рассчитывать дети из зажиточных семей. Во-вторых, дисбаланс в распределении образовательных ресурсов между различными регионами и университетами, несправедливая практика приема и отбора талантов в рамках вступительных экзаменов в колледжи, а также неравенство образовательного и научного потенциала вузов уменьшают шансы на получение качественного образования студентами из низших и даже средних слоев общества.

6. При поиске решений существующей проблемы образовательного неравенства в Китае следует учитывать следующие обстоятельства: во-первых, необходимость усиления пропаганды важности образования, включая качественное улучшение образования детей из бедных семей, восполнение недостатка культурного капитала в семье и прерывание передачи образовательной бедности от поколения к поколению. Во-вторых, необходимость усилить политический контроль и участие

государства, чтобы расширить рамки мобильности высококачественных образовательных ресурсов, изменить существующую структуру распределения образовательных ресурсов и устранить существующее региональное неравенство и неравенство между городом и деревней. В-третьих, потребность в укреплении механизма «интеграции производства и профессионального обучения» и усилении позиции профессионального образования в образовательной системе Китая, включая преподавание новых учебных дисциплин, отвечающих запросам сегодняшнего развития страны.

Глава 1. Исторические предпосылки, факторы и этапы формирования социальной стратификации современного китайского общества

1.1. Социальная стратификация и методологические основы ее изучения в китайской социологии

Основоположник теории социальной стратификации П.А. Сорокин дал следующее определение этому понятию: «Социальная стратификация – это дифференциация некой совокупности людей на классы в иерархически-субординированном ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [99; с. 302].

По мысли другого классика современной социологии Э. Гидденса, «социальная стратификация может быть определена как «структурированные различия между группами людей. Общества состоят из слоев, расположенных в иерархическом порядке, причем привилегированные находятся ближе к вершине, а непривилегированные внизу» [18; с. 151]. Подобное определение дает и П. Штомпка, определяя социальную стратификацию (расслоение) как «иерархию социальных групп, имеющих больший ли меньший доступ к какому-либо общественно ценному благу: к богатству, власти, престижу, образованию» [139; с. 39].

Социальная стратификация - одно из важнейших социологических понятий, которое отражает не просто расслоение общества (от лат. *stratum* – слой) и различия в социальном положении людей, но *реальную дифференциацию* некой совокупности людей на классы и другие страты в иерархически-субординированном ранге, выражающуюся в неравномерном распределении между ними собственности, доходов, власти влияния, образования и других материальных и нематериальных благ. Страту образуют члены социума, объединенные одним и более стратификационным критерием, а также общими статусными характеристиками. В результате этой дифференциации появляются элементарные, кумулятивные и конгломеративные страты. Стратификация, означающая послойное строение любого общества и является основой существующего социального неравенства. В

этом смысле стратификация может рассматриваться как структурированная система социального неравенства.

Социологи объясняют существование и причины социальной стратификации по-разному, рассматривая ее как многогранную, иерархически организованную социальную среду. Например, Дж. Хоманс в своей теории социального обмена объяснял общественное неравенство неэквивалентным характером обмена результатами человеческой деятельности [см.: 147]. Предлагается использовать различные факторы и стандарты для определения принадлежности человека к определенному социально-экономическому слою. П.А. Сорокин выделил три категории критериев социальной стратификации: 1) политические (влияние и власть), 2) экономические (деньги и богатство) и 3) профессиональные (навыки, профессиональные таланты, занятие социальных позиций) [см.: 100; с. 102]. Т. Парсонс указывал на три группы признаков социальной стратификации: «качественные характеристики членов общества, которыми они обладают от рождения (происхождение, родственные связи, половозрастные особенности, личные качества, врожденные особенности и т.д.), ролевые характеристики, определяемые набором ролей, которые индивид выполняет в обществе (образование, профессия, должность, квалификация, различные виды трудовой деятельности и т.д.), характеристики, связанные с владением материальными и духовными ценностями (богатство, собственность, произведения искусства, социальные привилегии, возможность влиять на других людей и т.д.)» [см.: 88; с. 599-632].

Исходя из вышеупомянутых критериев, современная социология выделяет следующие основные аспекты (измерения) социальной стратификации: владение материальными благами (доход, богатство), власть, образование, престиж [см., напр.: 139, с. 348-354]. Наиболее значимым показателем социальной стратификации является общее социально-экономическое положение группы, на которое влияет целый ряд факторов. Социологи разработали множество критериев для разграничения социальных страт. Так, Б. Барбер выделил шесть показателей: «1. престиж, профессия, власть и могущество, 2. доход или богатство, 3. образование или знание, 4. религиозная или ритуальная чистота, 5. положение родственников, 6. этничность (этническая принадлежность» [см.: 84; с. 256]. Другой точки зрения придерживался А. Турен, который считал, что «в настоящее время ранжирование

социальных позиций проводится не столько по отношению к собственности, престижу, власти, этнической общности, сколько по доступу к информации в связи с чем господствующее положение ныне занимает тот, кто владеет наибольшим объемом знаний и информации» [см.: 47; с. 112].

В современной социологии существует несколько классификационных схем, используемых для выделения фундаментальных или структурных элементов социальной стратификации. Средний класс составляет 60-80 % населения промышленно развитых цивилизаций, низший класс - 13-35 %, а элита - около 5-7 %. Представителями высшего класса считаются люди, находящиеся на вершине социальной шкалы по уровню богатства, влияния, престижа, образования и т. д. К ним относятся видные представители интеллектуального и творческого сообщества, влиятельные общественные лидеры и политики, представители высших слоев вооруженных сил, известные бизнесмены, банкиры, руководители известных корпораций.

К среднему классу относят владельцев средних и малых предприятий, менеджеров, государственных служащих, военнослужащих, финансовых специалистов, врачей, адвокатов, педагогов, ученых, техников, высококвалифицированных рабочих, фермеров и ряд других групп. Большинство социологов считают, что средний класс выступает своего рода социальной опорой общества, поддерживающей его жизнеспособность и стабильность. Так, А. Тойнби отмечал, что «современная западная цивилизация — это прежде всего цивилизация среднего класса: западное общество стало современным после того, как ему удалось создать многочисленный и компетентный средний класс» [цит. по: 13; с. 112].

Низший класс состоит из различных групп населения, включая бездомных, нищих и безработных, а также низкооплачиваемых работников, выполняющих преимущественно неквалифицированный, физически тяжелый ручной труд.

Нередко социологи проводят более тонкое деление внутри каждого класса социальных страт. Американский социолог и антрополог У. Л. Уорнер в своем пятитомном исследовании «Янки-Сити» выделил шесть классов:

«- верхний высший класс (элита общества, люди имеющие очень высокий доход, унаследованное богатство, качественное образование);

- нижний высший класс (нужно переписать, профессионалы, получающие очень высокий доход от своей деятельности);
- верхний средний класс (профессионалы, менеджеры, бизнесмены, служащие, имеющие достаточно высокий уровень дохода);
- нижний средний класс («белые воротнички» клерки, госчиновники среднего и низшего звена, квалифицированные рабочие);
- верхний низший класс (рабочие, занятые преимущественно физическим трудом);
- нижний низший класс (хронические безработные, не имеющие среднего образования и постоянного дохода, деклассированные элементы)» [См.: 3; с. 86-97].

Существуют различные схемы социальной стратификации. Например, социологи могут считать, что рабочий класс - это отдельный социальный класс, расположенный между средним и низшим классами. Некоторые относят высококвалифицированных работников к низшему слою среднего класса. Некоторые утверждают, что рабочий класс делится на две страты: высшую и низшую, а средний класс - на три страты: среднюю, высшую и низшую. Несмотря на множество вариантов, все они в конечном итоге сводятся к одному и тому же: неосновные классы состоят из страт или слоев внутри одного из трех основных социально-экономических классов современной эпохи: богатых, бедных или обеспеченных.

Таким образом, социальная стратификация создает границы между людьми, которые проявляются в их социальной жизни как ранжирование их статусных позиций в иерархически-подчиненном порядке в рамках различных видов деятельности. Подобное ранжирование объективно необходимо для того, чтобы мотивировать индивидов на более успешное выполнение своих общественных обязанностей.

В исследованиях социальной стратификации Китая, проводимых китайскими социологами, наиболее распространенным методом, а также методологической основой является *классовая теория марксизма*. Хотя сам К. Маркс никогда не употреблял термина «стратификация», его идеи о классовом строении общества и социальных классах сыграли огромную роль для формирования современных представлений о системе социальной стратификации.

Марксистская социология исходит из того, что основной функцией социальной организации является удовлетворение основных потребностей человека в еде, одежде и жилье. Следовательно, производственная система является ядром, вокруг которого организуются другие элементы общества. Марксистское определение социального класса вытекает из положения о примате материального производства, в рамках которого большие группы представителей физического и других видов труда имеют тождественное отношение к средствам производства (владеют или не владеют ими), занимают качественно определенное место в системе общественного производства и играют специфическую роль в организации труда и обеспечении процессов обмена его результатами. Поэтому социальный класс образуется в рамках любой совокупности лиц, играющих одинаковую роль в производственных процессах. Помимо этого, Маркс рассматривал класс как объективно, так и субъективно. Выполнение объективных условий само по себе не дает права рассматривать любую социальную группу как социальный класс. Только тогда, когда группа развивает *für-sich* отношение или классовое сознание, она становится по-настоящему социальным классом. Таким образом, как отмечают исследователи: «Маркс основывал свое определение класса на двух критериях: (а) экономическое положение и (б) классовое сознание среди тех, кто принадлежит к тому же или близкому экономическому статусу» [4; с. 57].

Согласно классическому марксизму, сменявшие друг друга на протяжении исторической эволюции человечества рабовладельческая, античная, азиатская феодальная и капиталистическая (предпринимательская) общественно-экономические формации не только порождали множество разнообразных социальных классов и других страт, но и обязательно создавали два основных антагонистических класса – господствующий класс эксплуататоров (рабовладельцев, феодалов, буржуазии и др.) и угнетенные классы эксплуатируемых (рабов, крепостных, пролетариев и др.), которые непрерывно находись в классовой борьбе друг с другом. Кроме них существовали и неосновные классы – это, как правило, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне и т.д., то есть те, кто производят только для себя, не используя другой рабочей силы, кроме своей собственной.

Исходным и основополагающим критерием дифференциации общества для К. Маркса являлось владение собственностью. Поэтому приоритетная социально-

классовая структура общества сводилась к двум классам-антагонистам: владеющим средствами производства (рабовладельцы, феодалы, буржуазия) и не владеющей такой собственностью (рабы, крепостные, пролетарии). Другие социальные группы (например, интеллигенция, бюрократы и так далее) рассматривались как промежуточные уровни (страты) между классами или в качестве внутриклассовых социальных групп.

Итак, понятие социального класса стало активно использоваться в теориях общества в XVIII - XIX вв., т.е. в период становления современной индустриальной цивилизации в странах Западной Европы. Впервые Маркс встретил это слово в трудах философов эпохи Реставрации, таких как Ф. Гизо и О. Минье, которые использовали его для характеристики борьбы различных социальных классов во время Великой французской революции. Маркс провел различие между растущими классами нового общественного строя и прояснил экономическую основу классовых противоречий, что и делает его столь ценным.

Марксистское представление о социальных классах как несущей конструкции социального устройства общества оспаривается в немарксистской западной социальной науке различными гипотезами социального расслоения. Их создатели утверждают, что идея классов вполне релевантна для рассмотрения социального дизайна социальных порядков прошлого, включая современное капиталистическое общество. Однако она не работает в современной постмодернистской социальной системе на том основании, что в этом обществе, ввиду широкой корпоратизации, отношения собственности стали неясными и потеряли свою определенность. Поэтому, с точки зрения представителей неомарксизма, «идея "класса" должна быть вытеснена идеей "слоев", а гипотеза социально-классового построения общества должна быть вытеснена теорией социальной стратификации» [83; с. 82].

Сильное влияние классовой теории марксизма на исследования социальной стратификации Китая объясняется обусловленностью экономической ситуации классовой принадлежностью. При этом экономическая ситуация в большинстве случаев определяется уровнем доходов и количеством имущества, а не только владением средствами производства. Именно данную обусловленность китайские ученые исследуют особенно внимательно и масштабно. Помимо этого, на исследование социальной стратификации в Китае, наряду с марксистской классовой

теорией, значительное влияние оказали и другие социологические концепции и методы, среди которых М.К. Горшков и Ли Пэйлинь выделили следующие:

- «1. Традиционный метод выделения статусных групп М. Вебера;
2. Измерение социально-экономического положения (О. Дункан, Дж. Келли);
3. Теория социальной стратификации профессиональной квалификации (Дж. Голдторп);
4. Концепция социальной стратификации «Нового марксизма» (Э.О. Райта);
5. Новая теория рыночного перехода (И. Селеньи, М. Буравой);
6. Теория общественного воспроизводства (П. Бурдьё)» [см.: 96; с. 28-33].

1. Традиционный метод выделения статусных групп М. Вебера. В анализе Вебера все люди со схожими экономическими интересами и экономической властью принадлежат к одному и тому же классу. Его позиция близка представлениям Маркса, но не во всех отношениях. Под экономическим фактором Вебер понимал не только производственные отношения, но и отношения, складывающиеся на рынке. Таким образом, он расширил концепцию Маркса: «его модель стратификации состояла из более чем двух антагонистических экономических классов. При этом он показал, что экономические антагонизмы между классами не обязательно должны иметь фатальные последствия для одного конкретного класса (в отличие от точки зрения Маркса)» [47; с. 97]. М. Вебер не принимал марксистскую концепцию двух классов, разделенных на тех, кто владеет средствами производства, и тех, кто не владеет. Вместо этого он проанализировал с экономической точки зрения средства, с помощью которых можно было получить экономическую власть. Например, владение средствами производства может привести к монополии или контролю над продажей экономических товаров, а также над их производством. Таким образом, этот вид собственности становится своего рода экономической властью. Собственность также может привести к накоплению имущества. Кроме того, собственность может также означать возможность воспользоваться образованием для повышения своего экономического и социального положения. Вебер считал, что каждый из этих аспектов в идеале можно ранжировать с точки зрения власти, которую каждый из них дает, и что можно определить классовую структуру общества.

Подход М. Вебера к стратификации основывался на двух идеях. Во-первых, он начал с ситуации, которую обозначил Маркс, а именно: социальная стратификация есть организованное проявление неравной власти в обществе. Во-вторых, хотя это обобщение является универсальным, он, как и Маркс, сосредоточил внимание на индустриальных обществах и капитализме, в частности для анализа социальной стратификации. Вебер ограничил свой анализ институционализированной властью, то есть властью, которая может осуществляться законным и регулярным образом. Это исключает из обсуждения любую незаконную силу, такую как уголовное преследование и пиратство, или любое злоупотребление властью незаконными средствами. Для аналитических целей Вебер разделяет институционализированную власть на три сферы деятельности — экономическую, социальную и политическую. Внутри этих трех сфер власть выражается в терминах класса, статуса и партии соответственно. Затем он проанализировал характеристики власти в каждой из этих сфер, описав систему стратификации. Следует отметить, что указанная выше классификация, данная Вебером, не является статичной: между выделенными сферами существует взаимодействие и напряжение.

Вебер был пессимистичнее Маркса в отношении вероятности победы одного экономического класса (пролетариата) над другим (буржуазией). Маркс предполагал, что рыночная природа капитализма может обеспечить необходимые предпосылки, сознание и организацию для социального движения. Вебер утверждал, что это невозможно, потому что рынок создает лишь временные союзы, которые распадаются, как только достигается непосредственная экономическая выгода. Классы могли найти основу для общих действий; но эта основа не могла быть просто экономической. Вебер считал, «что ошибка Маркса заключалась в его предположении, что экономические силы более или менее автоматически превращаются в социальные силы» [82; с. 43].

Вторая, наряду с экономической, сфера власти — социальная. Вебер использовал термин «статус» для обозначения различных слоев в этой сфере. Все лица, пользующиеся в глазах общества одинаковым почетом или престижем и ведущие одинаковый образ жизни, обычно принадлежат к одной и той же статусной группе. Таким образом, о статусе судят по стандартам, принятым в сообществе. В то время как класс является формой безличного экономического положения, статус связан с

личными оценками. В дополнение к образу жизни и образцам вкуса и потребления, в качестве основы для оценки статуса людей в обществе также используются уровни образования, родства и рода занятий. Обычно существует корреляция этих различных типов ранжирования, чтобы установить результирующий статус человека. Таким образом, Вебер, в отличие от Маркса, придерживался многомерного подхода к стратификации. Можно с полным основанием утверждать, «что часть оценки состояния зависит от экономических критериев. Поддержание образа жизни, очевидно, зависит от денег» [82; с. 60]. Однако есть преимущества в том, чтобы разделять класс и статус, поскольку различие между ними может прояснить ситуацию. Например, нувориши — это те, кто разбогател совсем недавно, но чьи стремления к высокому статусу не сразу реализуются. С другой стороны, есть элита с высоким статусом, которой может не хватать денег или экономической власти, как в случае с разорившимися аристократами или высококастовыми браминами с очень низкими доходами. Другими словами, два измерения класса (измеряемого только с экономической точки зрения) и статуса действительно измеряют разные аспекты стратификации.

Политическая власть - последнее из трех измерений, предлагаемых М. Вебером. Этот аспект стратифицированной власти он развил меньше всего и трактовал его главным образом как остаточную категорию. Политическая власть может отражать социальную и экономическую власть, существует четкая тенденция индивидов конвертировать свою власть в одной сфере в соизмеримую власть в других сферах. Таким образом, богатые люди стремятся к статусу и политической власти. Те, кто занимает высокие посты, стремятся оказывать политическое влияние. Политики тоже заинтересованы в статусе и экономической власти. Однако есть преимущества в аналитическом разделении этих трех сфер. В качестве иллюстрации можно рассмотреть случай, когда три сферы существуют в напряжении. В период раннего капитализма каждая из трех сфер власти располагалась в отдельном слое населения. Потомкам прежней феодальной аристократии удалось сохранить свою статусную власть. В переходном обществе, когда все другие традиции были отброшены, статус традиции, казалось, оставался более или менее нетронутым. Экономическая власть была сосредоточена в руках новой буржуазии, получившей, говоря марксистским языком, «право собственности на новые средства производства. Однако

политическая власть была менее локализована и более рассредоточена, поскольку ее делили между старой аристократией и новыми претендентами на власть. По мере развития капитализма разделение этих трех сфер власти создавало напряженность» [83; с. 303]. Например, бизнес не мог вестись независимо от правительства, которое стало основным фактором в экономической сфере. Поэтому экономическим элитам пришлось более тесно сотрудничать с политическими элитами. Более того, среди людей существовала тенденция переводить свое положение в одной властной иерархии на сопоставимое положение в другой властной иерархии. Таким образом, экономическая и политическая элиты стремились реализовать сопоставимое положение в статусной иерархии. Таким образом, установилась тенденция к слиянию трех элитных групп.

Сопоставление «экономических классов» (Маркс) и «статусных групп» Вебер) показывает следующее. Основа социального класса бесспорно экономическая. Это характерные группы индустриальных обществ, которые развивались с XVII века. Трудности возникают, однако, при попытке указать число социальных классов или точно определить их принадлежность. Тем не менее, большинство социологов признают существование высшего класса (владеющего или контролирующего большую часть ресурсов общества), рабочего класса (представляющего собой промышленных наемных работников, занятых в рабочих профессиях) и «среднего класса». В современных индустриальных обществах нельзя различать социальные классы только по экономическим признакам. Картина социальной стратификации усложняется наличием статусных групп наряду с социальными классами. Статусные группы различаются, среди прочего, по «стилю жизни» людей, составляющих эти группы, тогда как социальные классы различаются по их отношению к производству и приобретению благ. Трудность в составлении целостной картины социального расслоения в западных индустриальных обществах возникает из-за того, что в этих обществах произошло реальное ослабление, хотя и не исчезновение, классовых различий и классовых конфликтов. Поскольку индустриализация существенно улучшила экономическое положение рабочего класса, резкое различие между «имущими» и «неимущими» утратило свое значение в западных обществах в том смысле, что «неимущие» имеют доступ ко многим благам жизни, чего не было в доиндустриальный период, а именно: к хорошей еде, приличной одежде,

возможностям школьного и высшего образования, медицинского обслуживания и т. д. В этом контексте различия между социальными классами основываются прежде всего на «образе жизни» людей, определяемом несколькими критериями, которые общество считает символами чести и престижа. Эти социальные классы уместнее называть статусными группами. Характерной чертой этих статусных групп является то, что отношения между ними являются отношениями конкуренции и соперничества, а не конфликта, как предполагал К. Маркс.

Китайские социологи, применяющие теорию М. Вебера о статусных группах к исследованию социальной стратификации в Китае, полагают, что Хотя собственность, богатство и владение средствами производства, несомненно, являются важными критериями при определении социального ранга человека, они не являются единственными, если рассматривать различные институциональные и организационные структуры. Значимость экономической составляющей в определении социального ранга индивида варьируется. В Китае до и даже после 1978 года существовало множество других элементов, определявших социальное положение людей, поскольку в стране практически отсутствовали доходы от частного капитала и была незначительной дифференциация трудовых доходов. Например, административный уровень, статус собственника, место проживания (сельская или городская местность) - все это имеет существенное значение для организационной структуры Китая. Авторитет, статус, власть, доход, уровень образования и другие факторы стали наиболее влиятельными при анализе взаимосвязи факторов, влияющих на характеристики девяти статусных групп в Китае в конце 1980-х годов. С помощью этих факторов можно определить свой социальный статус с точностью до 70 %. Кроме того, коэффициенты корреляции авторитета, статуса и власти превышают 0,62.

2. *Измерение социально-экономического положения:* При сравнении опыта нескольких государств с относительно стабильной социальной структурой наблюдается определенная корреляция между факторами, влияющими на положение человека в обществе, поэтому для удобства система оценки может быть валидирована с помощью ряда показателей значимости. Социальный статус оценивается по профессиональному престижу, доходу и уровню образования. Система социально-экономических показателей О. Дункана (SEI) и Международная

шкала социально-экономических измерений Дж. Келли (ISESS) - два примера систем, использующих эту технику сочетания объективных и субъективных показателей. Д. Трейман особо выделяет показатель профессионального статуса. Он представил результаты исследования, в котором сравнивались 60 государств мира. Исследование дало результаты, которые с коэффициентом сходства от 0,8 до 0,9 были сопоставимы с результатами сложного анализа социально-экономических переменных, проведенного Дунканом и Келли. В 1993 году Китайская академия социальных наук провела исследование, известное как «Исследование городских и сельских домашних хозяйств Китая», в ходе которого было опрошено 3000 зарегистрированных жителей из десяти различных городов и уездов Китая. Административный уровень и статус собственности оказывают значительное влияние на рейтинг престижности профессий, однако между рейтингом престижности и рейтингом доходов существует значительное расхождение, согласно результатам четвертого исследования классификации китайских профессиональных стандартов и межнационального сравнения классификаций профессий, приведенных в таблице рейтингов.

3. Теория социальной стратификации по профессиональной квалификации также пользуется популярностью среди ряда исследователей, изучающих стратификационную систему китайского социума. Ее создатель Дж. Голдторп придерживался точки зрения, «что вслед за социальным развитием роль профессиональной квалификации в социальной стратификации становится все более важной» [27; с. 394]. Во второй половине XX века в профессиональной структуре самых развитых западных государств появилась тенденция к усилению стратификации, потому что снижается доля лиц, занимающихся физическим трудом, а доля занимающихся умственным трудом растет. Ученый считает, «что анализ структуры социальной стратификации заключается в выяснении места, занимаемого людьми на рынке труда и в производственных единицах, то есть выяснении их трудовых отношений, и место трудовых отношений в изучении социальной стратификации чрезвычайно важно» [27; с. 394]. Он классифицировал всех работников на семь классов, используя данные исследований, проведенных в период с середины 1970-х до конца 1980-х годов: класс сельскохозяйственных рабочих; класс мелкой буржуазии; класс работников сферы услуг; класс квалифицированных

рабочих; класс технических работников низшего звена; класс полуквалифицированных и неквалифицированных работников физического труда; класс работников, выполняющих рутинный нефизический труд. Используемый им термин «класс обслуживания» отличается от термина «работники сферы обслуживания». К нему относятся такие профессионалы, как менеджеры, супервайзеры, суперинтенданты, административный персонал и квалифицированные рабочие. Они вписываются в представление Голдторпа о высшем среднем классе. Затем он расширил классификацию до одиннадцати классов, основанных на семичленной структуре. «Первый класс — профессионалы высокого уровня, администраторы, руководители и крупные собственники; второй класс — профессионалы более низкого уровня квалификации, руководители среднего уровня, в подчинении которых находятся занятые нефизическим трудом наемные работники; третий (а) класс — работники рутинного нефизического труда высокого уровня; третий (б) — работники рутинного нефизического труда низкого уровня; четвертый (а) класс — мелкие частные собственники, использующие наемный труд; четвертый (б) — мелкие частные собственники, не использующие наемный труд; четвертый (в) — фермеры; пятый класс — рабочие, занятые физическим трудом; шестой класс — технические работники, занятые физическим трудом; седьмой: (а) класс — полуквалифицированные и неквалифицированные работники физического труда, не занятые в сельском хозяйстве; (б) класс — рабочие в сельском хозяйстве и добывающей промышленности» [27; с. 398].

4. *Теория социальной стратификации «нового марксизма»*. Ее автор Э.О. Райт - американский социолог, главный представитель школы нового (аналитического) марксизма в области западной социальной стратификации. Он считает «главным критерием выделения классов контроль за капиталом. Этот вид контроля над конкретными активами в торговых отношениях приводит людей к той или иной стратегии. Эти стратегии, в свою очередь, определяют результаты рыночных сделок. Собственники средств производства используют свои активы капиталов, не-собственники средств производства — организационные активы разной степени или технические/специализированные активы» [92; с. 338]. Райт делит работников на двенадцать классов: «капиталисты; мелкие предприниматели; мелкая буржуазия; эксперты-менеджеры; эксперты-управляющие; эксперты-не-управляющие

(экспертное сообщество); менеджеры, не имеющие полной аккредитации, т. е. официального признания и одобрения (в виде допуска или направления) их квалификации; управляющие, не имеющие полной аккредитации; рабочие, не имеющие полной квалификации; неаккредитованные менеджеры; управляющие, не имеющие аккредитации, и пролетарии» [92; с. 338]. Эти классы представляют собой своеобразную матричную модель. Вертикаль собственников показывает различия во владении средствами производства; вертикаль не-владельцев - различия в отношении к организационным средствам, а горизонталь не-владельцев демонстрирует различия в отношении к техническим специализированным активам. Основная идея Райта относительно стратификации китайского общества состоит в том, «что рождение рабочего класса — результат пролетаризации Китая, из-за этого часть людей среднего класса непрерывно поглощалась рабочим классом, а в структуре занятости любая тенденция к продвижению встречала препятствие» [92; с. 409]. Ряд китайских социологов используют теорию Райта для анализа опыта своей страны.

5. *«Новая теория перехода к рынку»*. Среди ученых этой школы -американский социолог И. Селеньи, который разработал теорию перехода к рынку, анализируя переход к рыночной системе в эпоху кардинальных перемен в бывшем СССР и Восточной Европе. Он попытался доказать, что влияние равноправного воздействия на рынок монополий может быть устранено на этапе социального перераспределения при переходе к рыночному обществу. Однако эта точка зрения натолкнулась на практические трудности. Среди многих сторонников этой идеи - неомарксист М. Буравой. По его мнению, значительные сдвиги в экономике стран Восточной Европы и бывшего СССР представляют собой *«вторую великую трансформацию»* с точки зрения тезиса К. Поланьи о *«великой трансформации»*. Некоторые ученые утверждают, что наложение двух крупных китайских революций, породивших рабочий класс, повлияло на общую социально-экономическую структуру страны.

6. *Теория общественного воспроизводства П. Бурдьё*. Выдающийся представитель французского постструктурализма, П. Бурдьё проводил различие между понятиями «страта» и «класс». На самом деле, по его мнению, не все зависит от финансового или профессионального положения человека. Потребительские

предпочтения — важный фактор социальной стратификации. Созданные людьми общественные отношения и культурные продукты являются объективной силой, обуславливающей человеческое поведение и приводящей к тому, «что социально-культурное производство становится процессом, превосходящим индивидуальные ожидания, выборы и мнения» [5; с. 6]. Известна фраза «Классификатор классифицирует методом классификации», которая приписывается П. Бурдьё. Социолог, проанализировав предпочтения людей в еде, одежде, жилье, магазинах, клиниках, мебели, транспортных средствах и даже в пьесах, музыке, литературе, домашних животных, цветах и детских игрушках, пришел к выводу, что в основе системы социальной стратификации лежат вкусовые предпочтения. Люди считают, что идея о том, что образование способствует равенству в социальной структуре, неверна. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в системе образования. Представление о том, что «если отец богат, то и сын богат», продолжает оставаться краеугольным камнем социального воспроизводства во Франции. Китайские ученые также изучают социальную стратификацию через призму идеи социального воспроизводства, в частности, они исследуют образовательное неравенство [подробнее см. гл. 2 диссертации]. С начала XXI века исследования социальной стратификации в китайском обществе в основном опираются на общенациональную выборку, что связано с увеличением финансирования научных исследований китайского общества и развитием статистических методов. Тем не менее, основой для расшифровки и анализа результатов по-прежнему остаются качественные исследования.

1.2. Периодизация системной трансформации социальной стратификации КНР (1949-1956 гг. и 1956-1978 гг.)

Первого октября 1949 г. в истории Китая произошло знаменательное событие – образование Китайской Народной Республики. После господствовавшей на протяжении многих веков монархической формы правления в стране начались демократические реформы. К власти в Китае пришел новый лидер - Мао Цзэдун, который установил новую государственную и экономическую систему. «Так в стране начала действовать плановая экономика, которая была организована по советской модели, где власть была сосредоточена в государственном секторе, а экономика следовала пятилетнему плану развития. По своей природе китайское

общество представляло собой аграрное общество в процессе индустриализации. Этот характер определял идеологию Китая, а также оказывал влияние и на социальную стратификацию, социальную организацию, политику, экономику, урбанизацию, социальное обеспечение, образование, семью, социальную мобильность, население и окружающую среду, социальный контроль, социальные изменения, международный статус и внешнюю политику» [25; с. 29].

Вслед за экономической сферой, общественная сфера также претерпела определенные трансформации в этот период, как, например, переход к социалистической структуре. Ведущую позицию в социальной-политической иерархии занял Председатель народного совета, глава КПК и Правительства КНР Мао Цзэдун. Особо важную роль в жизни страны стала играть Коммунистическая партия Китая.

Мало кто сомневается в том, что появление новой власти и зарождение нового общественного строя окажут значительное влияние на организацию китайского общества. Таким образом, три этапа перехода к социальной стратификации и связанные с этим изменения произошли после создания Китайской Народной Республики.

1949 и 1956 годы составили *первый этап*. В течение короткого периода китайское общество состояло из четырех классов: национальной буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и рабочих. После окончания периода «коммунистического перевоспитания» в 1956 году в структуре китайского общества появляются два основных класса - рабочие и крестьяне как *единый* стратификационный слой. Эта система продолжала существовать вплоть до 1978 года - начала этапа реформ Дэн Сяопина. Китай официально вступил в третий этап открытости и структурных преобразований в обществе. Переход к рыночной экономике, индустриализация и урбанизация привели к формированию новой социально-классовой структуры и системы стратификации, состоящей из 10 основных слоев.

Таким образом, под руководством Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китайской Народной Республики в период с 1949 по 1956 год был достигнут значительный прогресс в установлении социализма. Произошедшие в этот период преобразования отразились на всех сферах деятельности, способствуя тем самым быстрому восстановлению экономики. В это же время произошло сближение Китая

с СССР, в результате чего в стране полностью изменился политический вектор, который стал ориентироваться прежде всего на советскую модель развития. Изменения политического курса выразились, во-первых, в укреплении директивной роли КПК в системе политической власти страны, во-вторых, в отказе от частной собственности и рыночной системы и, в-третьих, в огосударствлении собственности в городе и деревне.

Значительное влияние на изменение социально-экономических слоев в Китае оказала реформа в аграрном секторе. После ее проведения были ликвидированы землевладельцы и сельская буржуазия. Крестьяне, получив поместья богатых землевладельцев, хотя они и не доминировали в обществе того времени, все же составляли большинство. Наряду с национальной и мелкой буржуазией существовали и другие классы трудящихся. Китайское общество было структурировано национальным капиталистическим классом, рабочими, крестьянами и мелкой буржуазией [см.: 27; с. 56]. В эпоху социально-экономических потрясений национальный рабочий класс (включая государственных служащих) составлял 3,3 % населения, крестьянство - 88,1 %, а класс капиталистов - 0,4 %. Крестьянство, составлявшее менее 12 % от общей численности населения, составляло основу пирамидальной социально-экономической системы, в которой проживала основная масса людей. Такая социально-экономическая структура свидетельствовала о том, что национальная промышленность Китая находилась в стадии становления и в ней преобладали мелкие крестьянские хозяйства.

После создания Китайской Народной Республики Компартия провозгласила политический курс «Сочетать общественные и личные интересы». Рабочий класс КНР, который на данном этапе социально-экономического роста страны составлял основу правящей партии и занимал видное место в политике. Значительные изменения в общественном строе произошли благодаря рабочему классу КНР, который на данном этапе социально-экономического роста страны составлял основу правящей партии и обладал большим политическим авторитетом. Примечательно, что старая буржуазия резко понизила свое социальное положение, несмотря на то что обладала огромными финансовыми средствами. Аграрная реформа повысила социальное положение крестьян и дала им доступ к определенному количеству земли, что позволило им оказать политическую поддержку рабочему классу. Кроме

того, в это время произошло значительное оживление государственной экономики, а безработица была практически ликвидирована.

С созданием Нового Китая началась новая историческая эпоха в экономическом развитии страны благодаря таким инициативам, как массовое производство, кооперативы и масштабная земельная реформа. При этом люди не возлагали больших надежд на решение проблем, имевшихся в экономике и социальной жизни, поскольку экономическое развитие страны находилось на низком уровне из-за масштабных разрушений, вызванных войной. В это время Коммунистическая партия Китая уже установила определенные различия между классами, но еще не имела единого стандарта для разграничения различных социальных уровней. В экономическом плане партия и правительство определяли социальные классы в основном по уровню доходов. В культурном плане партия установила степень культурного разнообразия в качестве критерия для определения социального статуса на ранних этапах формирования нации. Чжан Ваньли пишет, что «с реформированием национальной экономической системы и внедрением системы сельского земельного подряда государство начало вносить определенные коррективы в жизнь различных социальных классов. Одной из самых важных реформ была отмена системы народных коммун и превращение всех фермеров страны в отдельные учетные единицы» [см.: 122; с. 27]. Из-за значительного числа кустарных и несельскохозяйственных работников в секторе сельскохозяйственного производства, государство изменило статус ремесленников или несельскохозяйственных рабочих, исключив их из сектора сельскохозяйственного производства и разделив социальные слои на три класса. У Пэн Сэнь отмечает, что «первый - городской промышленный и торговый класс, состоящий из людей, занятых в различных видах промышленной, торговой и другой обслуживающей деятельности. Эта группа не составляла большой доли от общей численности населения общества. Вторая группа - промышленные рабочие: эта группа состояла из промышленных рабочих, городских ремесленников и людей других неэкономических профессий, которые были заняты в различных видах производственной деятельности, промышленных и коммерческих операциях. Третья группа - это крестьянство: этот класс составлял наибольшую часть всего населения общества в первые годы основания Нового Китая» [108; с. 17].

Анализ трех упомянутых социальных слоев демонстрирует, что, несмотря на создание Нового Китая, в нем сохранялось значительное социальное разделение. Уровень организации социальных классов развивался. Степень и особенности социального разделения в это время проявлялись во многих сферах и измерениях, включая растущий экономический разрыв между зажиточными и бедными, резкое неравенство социальных классов, крайнее неравенство в культурном уровне, грамотности и т.д. После того как Китай начал широкомасштабное строительство социализма после 1950 года, неравенство между различными социальными группами стало еще более заметным. В это время социальная стратификация постепенно перешло в категоризацию, основанную на социальных отношениях, личном доходе и богатстве, а также занятости в различных местах. После значительного прогресса в государственном строительстве Китай вступил в новую эпоху, отмеченную изменением модели социальной стратификации.

В первые годы после создания Нового Китая отдельные люди и организации находились в относительно невыгодном положении из-за ряда обстоятельств, повлиявших на традиционную социальную структуру. В ответ на это Коммунистическая партия Китая решила поддержать социальное развитие в соответствии с ходом событий. После создания Нового Китая КПК развернула масштабную кампанию социалистических реформ и добилась заметных успехов в этой области. В стране началось масштабное развитие экономики. В этих исторических условиях люди стали уделять больше внимания собственным правам и интересам и предъявлять больше требований к материальной жизни и духовной культуре. Люди, особенно во времена «культурной революции¹», начали задаваться вопросом о соответствии их положения интересам общества в целом. Наряду с изменениями в социальной структуре в это же время усилилось социальное расслоение: «период между основанием Нового Китая и реформой был временем, когда китайское общество переходило от традиционных социальных отношений к современным, от закрытых к открытым, от традиционной культуры к современной, от сельскохозяйственной к индустриальной эпохе» [131; с. 64].

¹ «Культурная революция: известная как «Великая пролетарская культурная революция», происходила с мая 1966 г. по октябрь 1976 г. Это была гражданская смута, которую ошибочно начали руководители и использовали контрреволюционные группы, причинив серьезные бедствия партии, стране и народу всех национальностей, и оставив после себя крайне болезненные уроки». [см.: 26]

В эпоху маоизма проявились две отличительные черты социальной стратификации китайского общества: «первая: экономические и социальные различия внутри различных сфер стали более очевидны; вторая: социальная дифференциация в своем развитии проходила определенные этапы» [37; с. 357]. Разделение слоев во время правления Мао было четко выраженным. Возраст, уровень образования, пол и этническая принадлежность были характеристиками, обуславливающими классовую стратификацию. По возрасту людей делили на молодежь, средний возраст и старость; по уровню образования – на имеющих начальное, среднее и высшее (включая университетское), а также степень магистра и выше; по этнической принадлежности - на ханьцев и этнические меньшинства; по полу - на мужчин и женщин. При этом, следует отметить, что в этот период ярко проявились социально-демографические разрывы, одним из которых является низкий уровень участия женщин в производственной деятельности, поскольку «в силу традиционных культурных влияний, на рынке труда для женщин меньше возможностей трудоустройства, чем для мужчин» [126; 69].

Если говорить о фазах трансформации, которые протекают во времени, то выделяются ряд этапов: с 1950 по 1956 год - начальный этап социалистического строительства; с 1958 года - период «Большого скачка²» и «коммунизации народа³» (1958-1966); в 1952-1966 годах страна прошла период перехода к социализму, а в 1966-1977 годах произошли значительные изменения, известные как «Культурная революция», и ее завершение.

На *втором* из указанных ранее этапов (1956 - 1978 гг.) социальная структура Китая стала соответствовать социалистическому обществу. После ликвидации промышленной и торговой буржуазии сельские ремесленники и крестьяне создали народные коммуны, которые впоследствии вошли в состав крестьянства. Городские ремесленники влились в рабочий класс, их стали нанимать на государственные и коммунальные предприятия. В итоге сложилась социальная структура, в которой

² «Большой скачок вперед»: «относится к массовому движению, проводившемуся с 1958 по 1960 год для достижения высоких показателей промышленного и сельскохозяйственного производства при строительстве экономики страны. Это движение стало серьезной неудачей для партии в исследовании пути к социализму» [см.: 156].

³ «Коммунизация народа»: «Коммунизация народной коммуны была важным решением, принятым Коммунистической партией Китая в конце 1950-х годов для определения пути социалистического строительства в Китае как части общего социалистического строительства» [см.: 159].

важнейшее место занимали два класса – рабочие и крестьяне. Колхозы получили право на владение землей в ходе социалистической реформы 1956 года, однако новая система аграрного производства не повысила уровень жизни сельского населения. Была введена система пожизненной прописки, нормирования городского населения в зависимости от занятости или места жительства, а также законы, запрещающие переезд сельских жителей в город. «Внутри китайского крестьянства до 1978 г., - отмечает Ван Вехай, - не происходило никаких серьезных социальных сдвигов, хотя крестьяне составляли 67,4% населения страны» [6; с. 41]. Все это говорит о том, что, несмотря на резкий рост численности рабочего класса в 1950-е годы в период индустриализации, вплоть до эпохи реформ и открытости Китай оставался сельскохозяйственной страной. Доля рабочих в структуре населения выросла с 3,3 % в 1949 году до 19,8 % в 1978 году, а доля интеллигенции росла вместе с развитием науки и образования, достигнув пика в 3,5 % в 1978 году.

Анализируя социально-классовую структуру и социальную стратификацию, нельзя не сказать об особой системе регулирования социальных отношений в китайском обществе. Речь идет о «хукоу» - регистрации домохозяйств. под которой имеется в виду «политика управления населением, основанная на домохозяйствах» и проводимая Китайской Народной Республикой в отношении своих граждан. Ли Цюаньшэн пишет о ней как о «социальной системе, которая возникла с появлением государства и подразумевает изучение, регистрацию и декларирование населения домашних хозяйств в пределах его юрисдикции через органы власти всех уровней, а также установление, классификацию, зонирование и составление домашних хозяйств в соответствии с определенными принципами. Она была главной основой для того, чтобы правитель мог взимать и собирать налоги, осуществлять управление и обеспечивать соблюдение законов, а также важный способ морального воспитания крестьян и восстановления их личной свободы» [55; с. 62].

Значение «хукоу» значительно шире, чем просто системы регистрации домохозяйств. Это система социального управления в Китае, тесно связанная распределением ресурсов и льгот. Она регулирует многие аспекты повседневной жизни людей, включая доступ к пище, одежде, жилью, транспорту, медицинскому обслуживанию, возможностям трудоустройства и социальной защите. Система двойной идентификации, разделяющая жителей на сельскохозяйственные и

несельскохозяйственные хукоу, и строгое административное регулирование передачи хукоу между населенными пунктами в соответствии с идеей юрисдикции хукоу – это два основных ее компонента. «В Китае уже около 60 лет существует строгая система регистрации домохозяйств, что делает процесс урбанизации в этой стране совсем иным, чем в большинстве развитых стран. Вместо разового перетока крестьян в города, как в развитых странах, здесь наблюдается постоянное движение людей между городской и сельской местностью» [125; с. 111]. За время своего существования система «хукоу» претерпела ряд реформирований, в том числе - реформу «хукоу» в малых городах в середине 1980-х годов, пробное введение системы удостоверений личности резидентов, продажу «хукоу» в 1990-е гг. в целях «обращения крестьян в непостоянных жителей» регионов и т. д. Все большее число людей из сельских районов и небольших городов стали переезжать в крупные и средние города, особенно в условиях перехода к рынку. Там они работают как индивидуальные предприниматели, наемные работники, трудовые мигранты и временные рабочие. Они считают, что «хукоу» устарели, поскольку могут продолжать жить в городах, не меняя «хукоу» на законных основаниях. С другой стороны, поскольку местный хукоу необходим для доступа к этим институциональным ресурсам, есть случаи, когда хукоу имеет особое значение, начиная с карьерного роста и заканчивая зачислением детей в школу. Однако в современной китайской культуре обладание местным хукоу рассматривается скорее как препятствие, чем преимущество.

Китай имеет долгую историю использования системы регистрации домохозяйств в качестве социального институционального инструмента для социального контроля. В династии Ся и Шан впервые начали вести домашний учет на основе «лицзя» (хукоу). «В «Люй ши чунь цю» («Весенние и осенние анналы Лу») говорится, что «всех людей мира охраняли лицзя, и, если лицзя не входил, многие люди покидали свои дома» [77; с. 109]. Аналогичное утверждение содержится в «Гоюй»: «Тот, кто имеет лицзя в народе, не может управляться без великого чиновника» [8; с. 39]. Чтобы улучшить управление крестьянством, в эпоху Воюющих государств и в период Весны и Осени государство Цинь создало систему регистрации земель, основанную на «реестре домохозяйств». Домовая книга играла важнейшую роль в жизни общества благодаря сбору данных, обобщению статистики и анализу

информации на основе «реестров». После объединения Китая первый император династии Цинь издал ряд законов и правил, известных как «Шесть законов», в которых была изложена «система лицзя». При династии Хань была создана строгая система регистрации домохозяйств с конкретными правилами, касающимися целей, деталей и методов регистрации домохозяйств, которые разделяли жителей на военных и гражданских. Закон о чиновниках девятого класса был принят в период правления династии Восточная Хань, а система регистрации домохозяйств была внедрена в период Троецарствия (III в. н. э.). Регистрация и управление землями и жилищами, браками и семьями были введены при двух династиях Цзинь. При династии Суй были разработаны Закон о домохозяйстве и правила регистрации домохозяйств; при Северной и Южной династиях были изданы Закон о разном, Закон о домохозяйстве, а также указы и постановления, касающиеся управления домохозяйствами. При династии Тан были приняты законы, устанавливающие общенациональную систему регистрации домохозяйств. «Династия Мин под влиянием "восьминогого экзамена" провела ряд реформ, заменив традиционный императорский экзамен на судебный экзамен (также известный как "экзамен"), которым руководило министерство чиновников, уточнив содержание и процедуры экзамена. Экзамен также был строгим требованием при приеме на работу государственных служащих» [77; с. 63].

Являясь краеугольным камнем традиционного китайского общества, система регистрации домохозяйств в Китае в некотором смысле представляет собой проявление механизмов государственного контроля. До 1950-х годов в Китае существовала плановая экономика и иерархическая система управления, разделяющая сельские и городские районы. Институциональное разделение между городскими и сельскими районами было установлено в 1956 году с принятием «Положения Китайской Народной Республики о регистрации домохозяйств». Городские жители должны были обращаться в бюро общественной безопасности своего района или уезда для оформления необходимых документов, а сельские жители - в сельские районы для получения удостоверений личности, передачи регистрации домохозяйства и выполнения других обязанностей по управлению хукоу. Они должны были получить временный вид на жительство, если не могли сделать это место своим постоянным домом. В рамках этой системы передвижение

людей регулировалось и контролировалось: хукоу и удостоверение личности служили формами идентификации; «разрешение на временное проживание» служило юридическим документом, удостоверяющим личность для временного пребывания, «удостоверение личности» служило свидетельством регистрации домохозяйства, а «книга хукоу» содержала полную регистрацию каждого человека, включая дату его рождения, пол, род занятий и место происхождения. «Хукоу» создает объективное социальное расслоение, ограничивая свободу передвижения многих городских жителей и привязывая крестьян к своей земле. Проблемы мобильности между городом и деревней и социального обеспечения лежат в основе многих вопросов, порожденных системой регистрации домохозяйств, которая усугубляет социальную несправедливость и углубляет раскол между городскими и сельскими общинами.

В соответствии с этой системой люди относятся либо к городским, либо к сельским хукоу. Китайским крестьянам очень сложно продвигаться вверх или вниз по статусной лестнице хукоу и становиться членами других статусных групп. Городские и сельские районы Китая отделены друг от друга жесткой системой хукоу, что приводит к формированию дуалистической социальной структуры, в которой раскол между городом и деревней стал самым основным социальным расслоением. В итоге это приводит к неравенству статусов членов общества. «Это «статусная система», «система единиц» и «административная система», которые пересекаются друг с другом и сосуществуют в рамках определенной систематизации» [53; с. 61].

Институционализированная сегрегация всех членов общества по различным социальным категориям называется «системой статусов». Статусные правила четко определены, обычно не меняются индивидом в зависимости от его желаний или даже передаются по наследству и остаются неизменными на протяжении всей его жизни, за исключением исключительных ситуаций. Ее социальным воплощением являются три уникальные социальные идентичности, которыми обладают члены общества: «кадр (управленец)», «рабочий», «крестьянин». «Различия в приобретении каждым членом общества определенных характеристик в первую очередь отражаются в его статусе, что делает структуру социальной стратификации и реализацию статуса членов общества весьма “жесткой”» [7; с. 152]. Каждый член китайского общества имеет статус, зависящий в основном от того, как он относится

к различным уровням и типам единиц, в том числе от того, к какой единице он принадлежит, а также насколько едины ее члены.

«Унификация социального членства» означает организацию членов общества в «единицы» разной степени, унификацию общества в целом и унификацию распределения социальных ресурсов. Определенный набор социальных шансов и ресурсов можно разделить и получить, только став частью «единицы».

«Административная система» означает, что «административные отношения и административный статус становятся структурной основой социального статуса людей и их отношений в достаточно общем социальном контексте, так что власть становится одним из важных внешних признаков, обозначающих социальный статус людей» [51; с. 43]. Административные позиции и отношения распространились по всему обществу в качестве универсальных социальных взаимодействий. Преобладающая характеристика современной социальной иерархии и структуры – «разделения и стратификации власти в соответствии с функциями и должностями, а также системы управления и организации, в которой правила являются предметом управления» [49; с. 160].

Политическая и профессиональная стратификация - лишь два примера из нескольких аспектов, составляющих идею социальной стратификации. Межклассовая мобильность тесно связана с каждым из этих элементов. К сожалению, в течение долгого времени в китайских исследованиях на эти темы практически не учитывался важнейший компонент - существование в обществе системы регистрации семей "хукоу" - в пользу того, чтобы сосредоточиться только на изучении экономического и социального роста. Очевидно, что социальный класс человека оказывает значительное влияние на его положение. Важное значение для статуса имеет уровень полученного индивидом образования. Но наряду с этим нельзя забывать о влиянии такого фактора, как «хукоу»: «система регистрации домохозяйств, по сути, является “неявным” социальным разделением труда с сильным дискриминационным подтекстом» [113; с. 459]. Система «хукоу» не только ограничивает свободу выбора, но и детерминирует статус и образ жизни гражданина в рамках его социального класса.

Ван Вэйхай отмечает, что «после 1970-х годов, по мере ускорения реформ и открытости Китая и темпов развития социалистической рыночной экономики,

разрыв между городом и деревней постепенно сокращался, и эта тенденция стала особенно очевидной после 1980-х годов» [цит. по: 6; с. 37]. Таким образом, низкая заработная плата и неравное владение собственностью - две основные причины экономического неравенства, существующего в Китае между городскими и сельскими районами, а также между другими социальными классами. Как инструмент социального контроля, система регистрации домохозяйств помогает продвигать социальное равенство и регулировать неравенство в благосостоянии людей. Система регистрации домохозяйств в Китае повлияла на неравенство в уровне доходов в различных секторах и местах, и, как следствие, на имущественное неравенство и неравенство в доходах между различными классами.

Система хукоу существенно повлияла на образ жизни городских жителей по трем причинам: во-первых, существует значительная разница между городскими и сельскими жителями, причем сельскохозяйственные хукоу дискриминируются и в значительной степени ограничиваются; во-вторых, существует значительная разница в доступе к социальному обеспечению, здравоохранению и образованию между городскими и сельскими районами; в-третьих, большинство традиционного населения Китая составляют городские жители и крестьяне, которые имеют собственное жилье и финансовые средства и не теряют этих преимуществ в результате получения хукоу. Тем не менее, необходимо признать, что китайская система хукоу является устоявшимся и своеобразным методом социального контроля.

Обсуждая реформы и развитие современных политических и социальных систем Китая, невозможно отрицать, что система регистрации домохозяйств оказала большое влияние на изменения в структуре социальной стратификации, а также на изменения в социальной стратификации Китая. Социальная стратификация была создана дуалистической системой «город-село», а затем закреплена системой хукоу.

Система регистрации домохозяйств в Китае служила основой для многих аспектов государственного управления, включая сбор дани, регулирование питания, поощрение военной службы и организацию армии. Она также служила общим хранилищем демографических данных. Название и содержание реестра домохозяйств менялись с течением времени, но его основные качества оставались неизменными: он создавался государством (правителем), домохозяйство (включая

конкретную организацию, семью или отдельного человека) выступало в качестве основной единицы, а население или его часть - в качестве основного содержания. В некоторые периоды оно также охватывало землю и имущество, и часто имело широкий спектр других коннотаций и целей, относящихся к дому и человеку. С точки зрения институциональной экономики, китайская система регистрации домохозяйств - это не только способ отслеживания государством рождений, браков, смертей и других демографических данных в рамках «встроенной» институциональной структуры; она также часто используется в сочетании с земельной системой и системой иерархии для закрепления определенных прав и обязанностей за конкретными домовыми регистрами, а также за конкретными лицами или группами внутри домовых регистров. Это своего рода институциональная организация и структура, которая регулирует отдельных лиц, их права и возможности использования ресурсов, среди прочего. Таким образом, система хукоу служит основным центром взаимодействия социального контроля и индивидуальных прав, а изменения в системе регистрации домохозяйств частично отражают логику развития этих двух концепций во времени. Многолетняя китайская система регистрации домохозяйств продолжает оказывать значительное влияние на повседневную жизнь людей и их индивидуальные права даже спустя тысячи лет существования. Учитывая ее долгую историю как одного из наиболее значимых институтов в Китае, она, вероятно, продолжит оказывать влияние на развитие китайского общества в будущем.

1.3. Реформы Дэн Сяопина и формирование новой структуры социальной стратификации китайского общества

Оценивая реформы Дэн Сяопина, начавшиеся в КНР в 1978 г., Жун Нин отмечает, что они «ускорили процесс урбанизации и способствовали трансформации общества в разных направлениях: экономика из плановой становится рыночной, общество из аграрного превращается в индустриальное» [33; с. 2]. Эти процессы обеспечили как горизонтальную, так и вертикальную мобильность, привели к появлению новых социальных слоев, таких как частные предприниматели и индивидуальные производители. В результате возникла новая структура социальной стратификации. Процесс ее появления прошел *три этапа*.

1. В деревне уже в 1978 году была введена система семейного подряда, при которой оплата труда рабочих зависела от их производительности. Заработок крестьян резко увеличился одновременно с ростом объемов сельскохозяйственной продукции. Согласно данным, чистый доход сельских жителей с 1978 по 1984 год вырос на 165,9 %. В результате реформы крестьяне получили доступ к различным видам сельскохозяйственной деятельности, и в итоге они стали основным источником нового капитала для отдельных слоев торговцев и производителей. Экономика в этот период базировалась на государственной и коллективной формах собственности, поскольку в городе еще не начались значительные преобразования.

2. В 1985 - 1991 гг. ушла в прошлое пирамидальная модель стратификации общества (вершина представляет высший или наиболее богатый слой населения, а основание – большинство населения, относящее к социальным низам)⁴, появились новые социальные слои, вырос разрыв в доходах между ними. В городских государственных организациях в 1985 году была введена контрактная система. Новые законы о трудовых договорах изменили статус рабочих и руководителей: рабочие стали наемными работниками, а руководители государственных предприятий получили самостоятельность и статус менеджеров. Развитие различных видов частной собственности привело к формированию слоя владельцев предприятий, управленцев, специалистов и технического персонала. В сельской местности в результате роста волостных предприятий появилось значительное число крестьян-рабочих и предпринимателей. В отличие от первого этапа реформ, на этом этапе возросла степень экономического неравенства: доходы негосударственных работников превысили доходы бюджетников, доходы в государственном секторе стали отставать от доходов в высокотехнологичном секторе, а в 1991 году разрыв в доходах между городскими и сельскими жителями достиг уровня в 2,5 раза. Представления о несправедливости социального распределения денег начало распространяться в общественном мнении.

3. В период с 1992 по 1999 год увеличилось неравенство в доходах и ускорился процесс формирования неравновесной социальной экономики. На смену старой

⁴ Помимо пирамидальной модели стратификации, общество также может быть структурировано с помощью ромбовидной модели, в которой средний слой представляет большинство людей, а высшие и низшие социальные слои - меньшинство.

системе социальной стратификации, критерием которой служили власть, человеческий капитал и экономические ресурсы, пришла новая. В марте 1992 года произошли два события: во-первых, после посещения особых экономических зон на юге Китая Дэн Сяопин заявил, что «бессмысленно втягиваться в теоретические и концептуальные споры о характере реформ, в частности о том, какой путь выбрать - капитализм или социализм» [29; с. 204]; во-вторых, состоялся XIV съезд КПК, на котором была обоснована идея развития социалистической рыночной экономики, реализация которой привела к перераспределению ресурсов и нормализации социальных взаимодействий. Реформы в государственном секторе также изменили социально-экономическое положение трудящихся. Система пожизненного найма и льгот была отменена в 1995 году с введением трудового договора. Акцент на повышении производительности труда и сокращении рабочих мест способствовал росту безработицы, пополнив ряды городской бедноты и усилив напряженность в отношениях между работодателями и работниками. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в период с 1993 по 1999 год количество трудовых исков росло на 47,5 % в год [см.: 140; с. 32]. На распределение ресурсов между регионами существенно повлияли экономические и финансовые меры, которые правительство принимало в целях укрепления центральной власти. Руководство уезда и волости стало владеть гораздо меньшими ресурсами, чем руководство центра, провинции и крупных городов. Все это приводило к падению доходов и уровня жизни крестьян, а также к серьезному расхождению экономических показателей города и деревни («в 1992-1999 гг. доходы городского населения в 2,5-2,8 раз превышали доходы сельского» [см.: 69; с. 27]).

Анализ и сравнение доходов населения позволили ряду китайских исследователей предложить модель стратификации общества, в основе которой в качестве маркирующего признака или индикатора находится уровень дохода. На основании размера дохода как важнейшего признака, а также учитывая род профессиональных занятий, социальное положение и репутацию представителей различных слоев населения Я. Сюшэн разделил китайское общество на пять страт:

«1. Высший слой, включающий высших правительственных чиновников, ответственных должностных лиц государственных банков или иных

государственных учреждений центрального уровня, владельцев крупных промышленных предприятий.

2. Верхний средний слой, включающий часть интеллигенции, владельцев средних и мелких предприятий, наемных работников на иностранных предприятиях, а также служащих предприятий базовых отраслей промышленности.

3. Средний слой, в который входят профессиональные технические и научные работники, юристы, преподаватели вузов, работники сферы искусства и журналистики, служащие государственных предприятий, низшие слои служащих негосударственных предприятий, слой владельцев средних мелких предприятий, а также индивидуальных торговцев и предпринимателей.

4. Низший средний слой, в который вошли крестьяне, работники по найму, в городе и деревне и рабочие.

5. Низший слой, включающий крестьян, не имеющих землю, безработных и людей, потерявших работу» [см.: 167].

Однако наиболее принятой и разделяемой большинством китайских исследователей является более подробная классификация социальной структуры, выделяющая в китайском обществе десять социальных страт:

- «1) государственные и общественные руководители;
- 2) управленческие работники;
- 3) частные предприниматели;
- 4) специалисты и технические персонал;
- 5) офисные служащие;
- 6) индивидуальные промышленники и торговцы;
- 7) работники сферы торговли и обслуживания;
- 8) производственные рабочие;
- 9) работники сельского хозяйства;
- 10) незанятые, безработные и полубезработные в городе и деревне» [см.: 151].

Первый слой составляют руководители и высшие чиновники правительства, лидеры политических партий, главы комиссий и министерств, руководители общественных органов, занимающихся управлением (включая провинциальные, местные, региональные и высшие органы власти), а также главы городов центрального подчинения. Ли Цян отмечает, что «Китайская социальная политика

определяет этот слой как самый высокий в стратификационной структуре, как авангард и организатор развития социальной и рыночной экономики» [151; с. 252].

Менеджеры среднего и высшего звена, работающие на средних и крупных предприятиях, составляют *второй слой*, включающий три основные категории управленческого персонала: (1) менеджеры среднего и высшего звена фирм со смешанным и иностранным капиталом; (2) бывшие учредители или владельцы крупных частных предприятий (наем начался в конце 1990-х годов, когда происходило все большее разделение собственности и управления). (3) работники административно-управленческого аппарата государственных и коллективных предприятий, которые в конце 1990-х годов повысили свой профессиональный уровень и стали профессиональными менеджерами.

Третий слой составляют частные предприниматели, получающие доход от капиталовложений. Этот слой, который был одной из самых передовых производственных сил и движущей силой социалистической рыночной экономики, развивался параллельно с социалистической рыночной экономикой и возник в результате реформ открытия.

Основу *четвертой страты* составляют профессиональные и технические эксперты из разных организаций, в том числе - государственных учреждений, политических партий, национальных корпораций, негосударственных предприятий и организаций. Большинство профессионалов имеют высшее техническое или гуманитарное образование, и их знания и опыт отвечают требованиям специализированного разделения труда в современном общественном производстве. Большинство из них живет в городах. Поначалу это был незначительный компонент стратификационной структуры, но по мере модернизации и развития науки, образования и технологий эта прослойка все более укреплялась. В настоящее время она составляет 5,1% населения, однако эта цифра сильно колеблется между сельскими и городскими районами и территориями с разными темпами экономического роста. В результате доля технических специалистов и экспертов составляет 1,5-3% в уездах и 10-20% в крупных и средних городах.

Пятый слой составляют работники среднего и низового уровней управления в государственных и партийных организациях, а также менеджеры низового звена и офисные работники в компаниях с различной структурой собственности. Этот слой

является важным компонентом социальной мобильности, поскольку представляет собой кадровый резерв является резерв системы управления (менеджеры, эксперты-профессионалы, общественные деятели и т.д.). Продвигаться по социальной лестнице через этот промежуточный слой могут рабочие и крестьяне, и в этом его чрезвычайно важная функция. Хотя в целом он составляет 4,8 % современного китайского общества, в метрополии он достигает 10-15 %, а в уездах - 2-6 %. Есть основания полагать, что в результате промышленного подъема и дальнейшего развития рыночной экономики в ближайшие десять лет его доля значительно увеличится.

Индивидуальные промышленники и торговцы, получающие доход за счет производства, торговли на фондовом рынке и трейдинга, составляют *шестую страту*. Она включает владельцев недвижимости, мелких биржевых спекулянтов, торговцев, у которых достаточно денег, чтобы нанять работников и вести бизнес, владельцы малых предприятий и т. д. До 1949 года большая часть независимых подрядчиков и ремесленников работали преимущественно на себя. Этот класс был ликвидирован в ходе торгово-промышленных реформ 1950-х годов, и в 1978 году в Китае насчитывалось всего 15 000 независимых торговцев и владельцев мелких предприятий. Но расширение системы семейных подрядов, политика открытости и масштабная миграция независимых подрядчиков и торговцев в сельскую местность после реформ способствовали широкому распространению этого слоя в городах. Таким образом, произошедшие экономические сдвиги стали основной причиной его возрождения и дальнейшего развития.

Люди, получившие профессиональную подготовку в сфере торговли и услуг, составляют *седьмую страту*, относящуюся к той же социально-экономической категории, что и работники. Занятые в торговле и оказании услуг все чаще оказываются в том же положении, что и офисные служащие в крупных городах. Несмотря на то, что сейчас этот слой составляет 12 % стратовой структуры, крайне важно учитывать различия между городскими и сельскими регионами, поскольку страты и степень урбанизации связаны между собой. Слой работников торговли и сферы услуг недостаточно представлен в социально-экономической структуре Китая по сравнению с богатыми странами. Это объясняется рядом причин, но главная из них - недостаточный уровень урбанизации, что препятствует развитию

третичного сектора экономики. Другой фактор, способствующий этому, - некачественные услуги, которые в настоящее время предлагает традиционная индустрия общественного питания. С развитием научных исследований, туризма, образования, досуга и социальных услуг этот слой будет быстро расширяться.

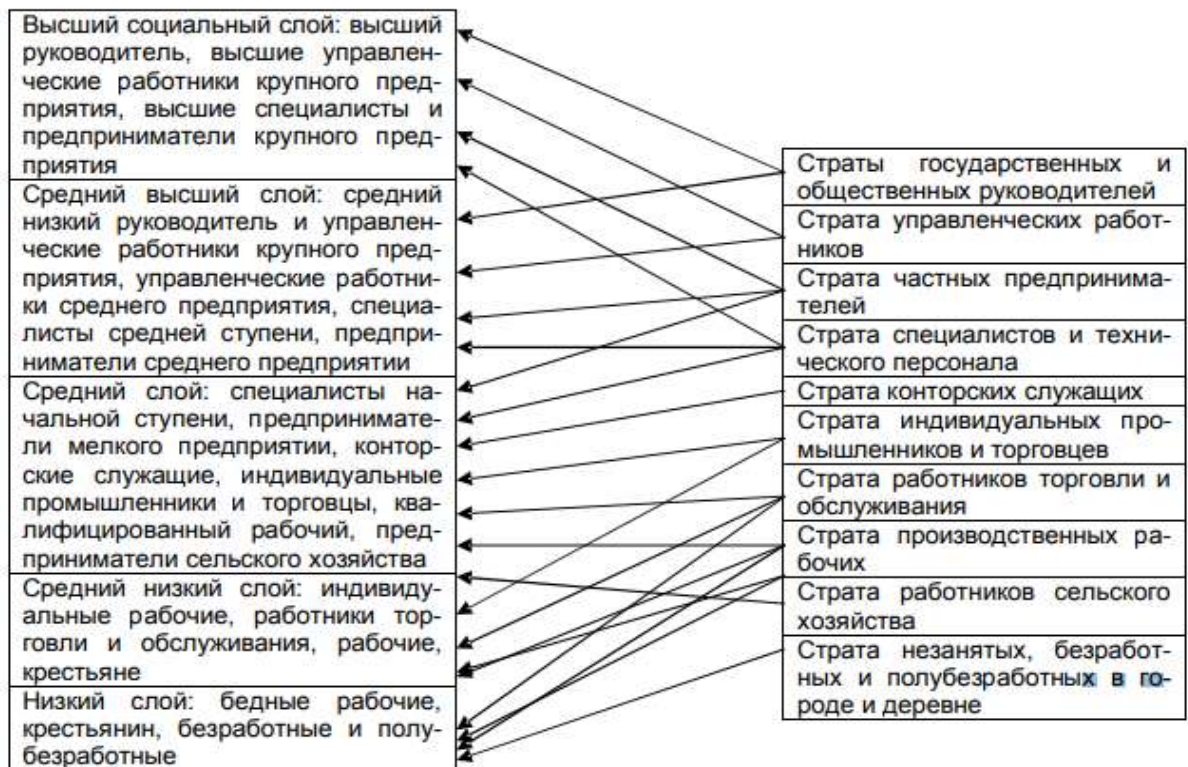
Большинство работников *восьмой страты* заняты в промышленности и строительстве. В связи с формированием регистрации резидентов и различных систем владения бизнесом доходы, социальные выплаты и статусные позиции этой страты в течение значительного времени существенно отличались друг от друга. В последнее время эти различия уменьшились в результате роста рыночной экономики и реструктуризации государственных предприятий, но проблемы прописки остались. Рабочие-крестьяне - относительно самостоятельный сегмент населения [см.: 102]. Хотя их род занятий схож с городскими рабочими, они классифицируются как крестьяне в силу своего социального происхождения и документов о месте прописки. Соответственно, они сталкиваются с проблемами заработной платы, охраны труда и социального обеспечения. В настоящее время рабочие-крестьяне занимают значительную часть стратификационной структуры, на их долю приходится 22,6 % от общего числа занятых. При этом между городом и селом, а также между городами с различными экономическими системами и селами с разным уровнем развития эти показатели значительно варьируются.

Самый многочисленный слой в китайской социальной структуре – работники сельского хозяйства - составляет *девятую страту*. Численность занятых в сельском хозяйстве КНР очень велика - 25 млн. чел. Это одна из существенных особенностей аграрного комплекса. При этом, статус этого слоя чрезвычайно низок из-за практически полного отсутствия организационных ресурсов, а также очень ограниченных культурных и экономических ресурсов по сравнению с другими стратами. Следствием этого являются низкие доходы и трудное социально-экономическое положение крестьянства.

И наконец, *десятый слой* составляют безработные, не полностью занятые или полубезработные граждане Китая, проживающие как в городских, так и в сельских районах (в основном безработные трудоспособного возраста, за исключением студентов). Многие рабочие, ремесленники и работники сферы услуг не имеют работы или заняты лишь частично в результате изменений в структуре производства

и государственной системе, вызванных нехваткой рабочих мест. Ли Цян утверждает: «На трудовом рынке сложилась ситуация, когда большое количество молодежи ищет работу, но из-за реквизиции земли крестьяне не могут заниматься сельским хозяйством и не могут найти подходящую работу в городах из-за недостатка рабочих мест» [151; с. 152]. Несмотря на значительное количество безработных, они имеют сопоставимое социально-экономическое происхождение - крестьяне молодого и среднего возраста, бывшие работники государственных и общественных предприятий и др.

Рис. 1: Социальная структура и социальная стратификация современного китайского общества [см.: 151].

Важно отметить, что в современном китайском обществе существуют значительные различия в классовой структуре городских и сельских районов. (см.: рис.2)

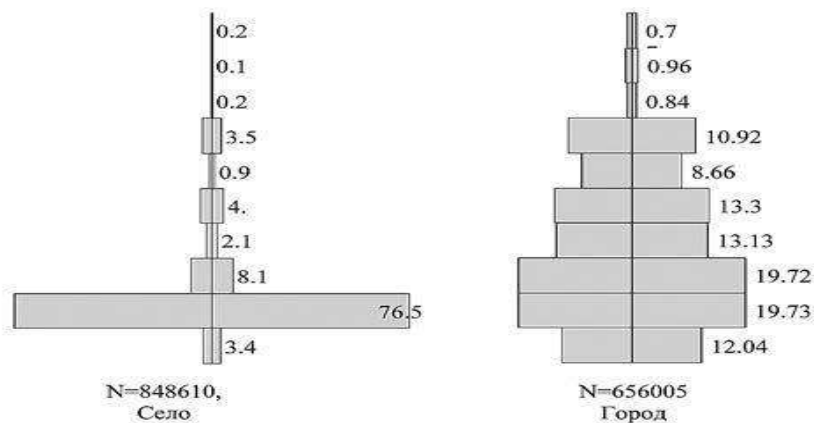

Рис. 2. Классовая структура китайского общества

(Строки рис.

2 сверху вниз: руководители государственных и федеральных органов власти, директора, владельцы частных компаний, техники, клерки, владельцы малых предприятий, торговцы и обслуживающий персонал, промышленные рабочие, крестьяне и те, кто не имеет работы или частично безработные).

С относительно большим объемом в нижнем слое («пирамида») и меньшим объемом в промежуточном слое классовая структура *деревни* имеет форму пирамиды. Классовое деление в форме «оливки» определяет характерно для *города*.

Дуалистическое разделение территорий на городские и сельские районы связано с социальной структурой Китая. Термин «дуализм городских и сельских районов» в Китае означает множественные социальные и экономические структуры городских и сельских районов, которые также представляют собой двойственность отношений между городом и деревней, в которых сельские районы находятся в подчинении у метрополий. Основой этой системы является система регистрации городских и сельских домохозяйств, которая позволяет государству проводить различие между жилыми районами, классифицируемыми как сельскохозяйственные и несельскохозяйственные. На этой системе построено множество других институциональных механизмов, включая трудовую систему, систему социального обеспечения, а также системы снабжения продовольствием и нефтью. Предоставляя несельскохозяйственным хукоу различные права и преимущества и искусственно разделяя городские и сельские районы, эти институциональные механизмы создают дихотомическую экономическую и социальную структуру неравенства между городом и деревней. Поэтому Лю Баожун и Цю Е отмечают, что дихотомия между городской и сельской структурами в Китае – «это не только разница в естественной

пространственной структуре, но и разница в промышленной и экономической структуре, а также и разница в институциональном устройстве, находящемся под доминированием государственной политики» [70; с. 47]. В эпоху плановой экономики еще не была ликвидирована система раскола между городом и деревней. Из-за того, что и городской, и сельский рабочие классы в то время имели доступ к собственным социальным ресурсам, между ними существовало соперничество в сфере производственных интересов и предпринимательства. «Дуалистическая» система сформировалась в результате развития и реформирования рыночной экономики. Городские рабочие стали пополнять ряды трудовых мигрантов, а крестьяне стали отказываться от земли как источника дохода и уходить на заработки, открывать бизнес, что создавало различия и напряженность между городскими и сельскими сообществами.

При прежней дуалистической системе существовал социальный разрыв между сельскими и городскими районами. По мере развития реформ и открытости и вхождения Китая в рыночную экономику некоторые крестьяне становились «городскими жителями», работали или занимались бизнесом. Вторая группа вновь прибывших крестьян в то же время стала работать на некоторых государственных предприятиях в городе. Социальные различия стали следствием сдвигов в сельской экономике: одни крестьяне наживались на земельных доходах, другие переводили избыточную рабочую силу в города. Вследствие ряда противоречий и конфликтов в развитии городских и сельских социальных структур этот процесс привел к росту различий между сельской и городской местностью, а также к дуалистической экономической структуре. Это и увеличение разрыва в доходах между сельской и городской местностью, и отказ от сельскохозяйственного труда в городах, и вытеснение сельского населения городским. Эти противоречия и напряженность отразились на социальной жизни и благосостоянии как городских, так и сельских жителей. С одной стороны, трудящиеся-мигранты с трудом ассимилируются в жизни мегаполисов. Однако расстояние и неравенство в уровне благосостояния между трудовыми мигрантами и горожанами мешают им интегрироваться в гражданскую жизнь.

После реформ и открытости социальные структуры Китая в городской и сельской местности претерпели значительные изменения, которые оказали влияние на

социальное расслоение. Во-первых, Китай перешел от старой системы дуализма к социалистической системе рыночной экономики с точки зрения структуры связей между городом и деревней. Во-вторых, различные городские ресурсы перемещаются в сельскую местность и концентрируются в ней. В-третьих, становится ясно, что взаимодействие социальных интересов носит плюралистический характер. Несмотря на то что доходы фермеров в сельском обществе растут, все еще существует серьезная проблема роста неравенства доходов и разрыва между обеспеченными и бедными. Демографическая ситуация - самая серьезная проблема сельской социальной структуры. Под воздействием ряда социальных элементов, вызванных структурными изменениями в экономике, в Китае продолжается процесс индустриализации, что приводит к постепенному сокращению доли населения, проживающего в сельской местности. При этом уровень доходов крестьян не увеличился настолько, чтобы существенно сократить разрыв между городом и деревней. С точки зрения численности населения, городские жители, тем не менее, полностью захватили власть, но они не изменили двойственную структуру «город-село».

Экономическое развитие Китая перешло в новую фазу. Проблема неравенства между зажиточными и бедными слоями населения привлекает все большее внимание в связи с существованием разницы в доходах между китайскими фермерами и городскими жителями, эскалацией конфликта интересов и ростом напряженности между различными группами населения в сельских регионах. Возникли новые обстоятельства и проблемы, особенно в связи с ускорением экономического роста как в городах, так и в сельской местности, постоянным изменением социальных структур и нарастающим процессом деления людей на богатых и бедных. Например, в городах растет число безработных, значительно увеличилось количество и масштабы городской бедноты. В сельской местности происходят различные массовые инциденты, негативно влияющие на обстановку и настроения различных социальных групп. В городах еще больше усилилось деление между богатыми и бедными и вызванные этим конфликты интересов, а также деление и антагонизм между городскими и сельскими социальными классами.

В соответствии с надлежащим использованием трех различных видов ресурсов, стратификация современного китайского общества может быть охарактеризована четырьмя уникальными аспектами, рассмотрена с точки зрения стратификационного подхода:

1. Профессия и стратификация тесно связаны между собой. Социальное расслоение в современном Китае связано с усилением профессиональной составляющей, как и в большинстве промышленно развитых и развивающихся стран. Профессиональные факторы влияют на социальное расслоение следующим образом: во-первых, растет социально-экономический разрыв между работниками ручного труда и неручного труда; во-вторых, растет социально-экономический разрыв между менеджерами (руководителями) и неруководителями. Появление сегментированных организаций в индустриальных обществах и развитие технологий являются неизбежными причинами обеих этих проблем.

2. В современном китайском обществе несколько уникальных институциональных конфигураций продолжают оказывать значительное влияние на стратификацию. К ним относятся собственность на средства производства, системы унификации промышленности, регистрация домохозяйств и значительное влияние государства на распределение ресурсов.

3. Различия между собственниками также значительно расширились. Владение средствами производства является типичной характеристикой стран с рыночной экономикой и продолжает оставаться одним из ключевых элементов, способствующих расслоению современного общества. Очевидно, что в современном китайском социальном расслоении этот компонент имеет меньшее влияние, чем в современном капиталистическом обществе.

4. На расслоение общества также особенно сильно влияет переходная фаза экономического развития. Лу Сюэи пишет, что в ходе корректировки в переходный период доходы и уровень жизни «большинства людей будут постепенно повышаться, в то же время некоторые люди будут попадать в низшие слои общества из-за относительного снижения их доходов и уровня жизни, и в переходный период будут существовать маргинальные группы с неопределенным классовым положением» [67; с. 332].

Говоря об *институциональных изменениях*, следует отметить, что в первую очередь речь идет об унитарной системе, отношении между городом и деревней и других вопросах и т.д.

1. Модернизация и индустриализация происходили почти одновременно, но самым значительным последствием индустриализации стал распад сельскохозяйственного рабочего класса, в результате чего централизованная система производства в народных коммунах превратилась в «систему ответственности домашнего подряда», а миграция крестьян, особенно молодых и среднего возраста, из сельского хозяйства в другие сферы деятельности после 1980-х годов.

2. Изменилась система статуса «хукоу» и взаимоотношения между городскими и сельскими районами. Традиционная китайская система идентичности начала проявлять признаки угасания в результате быстрого развития индустриальной и рыночной экономики Китая в последние десятилетия. История большинства промышленно развитых стран показывает, что модернизация в конечном итоге влечет за собой превращение сельскохозяйственного населения в промышленное, и большинство стран в конце концов добились успеха в миграции своего населения из сельских районов в городские или пригородные. Однако Ван Ин пишет, что «такая страна, как Китай, с населением в 1,4 миллиарда человек, в мире является уникальной. До сих пор остается открытым вопрос, достигнет ли Китай урбанизации своего населения, и по какому пути пойдет» [7; с. 153]. Учитывая, что в Китае на протяжении последних 60 лет сохраняется жесткая система регистрации домохозяйств, процесс урбанизации в стране значительно отличается от большинства развитых государств. В отличие от промышленно развитых стран, где крестьяне переезжают в города разрозненными потоками, здесь наблюдается непрерывная миграция между сельскими и городскими районами. Фактически, эта группа людей, перемещающихся между городом и деревней, создала триадическую структуру поверх первоначальной дихотомии «город - село». Эта триадическая структура порождает ряд социальных вопросов, касающихся ценностей современного правового общества, а также многочисленных институциональных механизмов, в том числе конституционных.

Китайская цивилизация вступила в новую фазу, которая принесла с собой рост социально-экономического расслоения. В связи с уникальным историческим моментом, который переживает сейчас страна, происходят серьезные изменения в национальной экономике, традиционной культуре, традиционном образе жизни и правовых нормах. Продолжающиеся социально-экономические преобразования приводят к появлению множества новых явлений и парадоксов, что также вызывает определенные проблемы. Все это, тем не менее, в конечном итоге выведет рост Китая на новый уровень. По мере развития рыночной экономики и поддержки социалистической демократии и правовой системы будет меняться форма и характер социального расслоения. Создание рациональной, современной структуры социальной стратификации в современный период не является замкнутым процессом саморазвития для любой нации или региона. Общество должно в большей степени следовать глобальной тенденции роста, сохраняя при этом некоторые существенные аспекты своей нынешней структуры. Что касается социально-классовой системы, то общая мировая тенденция говорит о том, что урбанизация, индустриализация и постоянное развитие науки, техники и образования в конечном итоге приведут к созданию более рациональной, стабильной, открытой и динамичной системы классов, каждый из которых будет ставить во главу угла свои собственные интересы, и поэтому противоречия неизбежны. Однако существует и множество общих интересов, которые могут быть реализованы при условии совместной работы и компромисса. В ходе экономического и социального прогресса при такой классовой системе возможны взаимовыгодные результаты для всех классов.

С начала *проведения реформ и открытости* социально-экономическая политика Китая претерпела две существенные корректировки. Во-первых, было необходимо скорректировать политику социально-классового расслоения; во-вторых, возникла необходимость скорректировать политику распределения доходов. В результате в социальной структуре китайского общества произошли значительные изменения по целому ряду направлений и структур, включая численность населения, взаимоотношения между городом и деревней, работу, семью, распределение доходов и образ жизни. Все эти стратификационные сдвиги оказали

непосредственное влияние на начало реформ, переход китайской экономики на новые рельсы, эволюцию и прозрачность социально-экономической политики.

1.4. Последствия влияния реформ на социально-классовую структуру и социальную стратификацию китайского общества

Политика реформ и открытости ассоциируется с переходом к рыночной экономике. Начало этого процесса принято отсчитывать от перехода крестьянства на контрактную систему. Зимой 1978 г. в деревне Сяоган провинции Анхой 18 крестьян рискнули подписать первый в истории нового Китая контракт на пользование землей. Фактически же действительной точкой отсчета реформ стал отказ от проводившейся тогда партийной линии «классовой борьбы» и ориентация на «построение порядка из хаоса». При этом в основе анализа интересов классов и общественных слоев всегда лежали политика, принципы и партийная линия КПК.

Начиная с 1978 г., когда Китай начал входить в новую эру реформ и открытости, «отец китайских реформ» Дэн Сяопин выступил с рядом речей, в которых высказал несколько важнейших идей, оказавших глубокое влияние на китайскую классово-стратификационную структуру.

Во-первых, с его точки зрения, главная задача грядущей эпохи роста - преодолеть недостаточное развитие «производительных сил» и ту часть противоречий, которая мешала государству и его гражданам удовлетворять свои запросы. В этой связи крайне важно ориентироваться прежде всего на социалистическую модернизацию.

Во-вторых, в социалистическом обществе классовая борьба приобретает уникальные черты; диктатура должна применяться только в ответ на антисоциалистические элементы: «Мы выступаем против расширения классовой борьбы и не считаем, что в партии существует прослойка буржуазии, равно как и не считаем, что в социалистическом обществе буржуазия как класс или другие эксплуататорские классы могут существовать после ликвидации буржуазии и эксплуататорского класса» [цит. по: 94; с. 22].

В-третьих, для того чтобы люди действительно получали пользу от реформ и развития, необходимо продолжать двигаться вперед в направлении, соответствующем принципам марксизма о материальной заинтересованности. Для этого необходимо мобилизовать позитивные факторы и заручиться поддержкой всей

страны. «Чтобы это был не просто ничего не значащий социалистический лозунг»: «Бедность - это не социализм»».

В-четвертых, система всеобщего регионального разграничения должна быть уничтожена с самого начала реформы. Поощрение людей в каждом регионе к развитию путем упорных усилий необходимо для создания сильной, образцовой силы, способной двигать, подталкивать и помогать слаборазвитым регионам. Это «великая политика влияния и приведения в движение всей национальной экономики».

В-пятых, разрешение частной и индивидуальной экономической деятельности, а также деятельности иностранных фирм со стопроцентным иностранным капиталом и совместным капиталом имеет решающее значение, в дополнение к социалистической общественной собственности как основному требованию для роста. В результате будут устранены основные несоответствия между социализмом и рыночной экономикой. Плановая и рыночная экономика - это всего лишь техника: «критерием эффективности является то, дают ли эти методы положительные или отрицательные результаты с точки зрения развития производительных сил социалистического общества, способствуют ли они увеличению совокупной мощи государства, дают ли они повышение уровня жизни граждан».

В-шестых, крайне важно стремиться к общему богатству, поскольку это поможет сдерживать социальное неравенство. Таким образом, была разработана концепция общественного благосостояния, учитывающая особенности как развитых, так и медленно развивающихся регионов. В конечном итоге считалось, что развитие успешных регионов должно подстегнуть рост слаборазвитых, что приведет к всеобщему процветанию. Лу Сюэи пишет: «это позволит социалистической системе избавиться от противоречия двухклассовости, когда богатые становятся богаче, а бедные — беднее» [68; с. 89].

Чтобы изменить классовую политику и классовые отношения, на основе теорий Дэн Сяопина было проведено несколько значительных преобразований. Многие жертвы угнетения и несправедливости в прошлом были реабилитированы. Была восстановлена репутация миллионов людей, на которых повесили ярлыки «контрреволюционеров», «ревизионистов» и «преступных элементов» и т.п. Годы «культурной революции» привели к переосмыслению отношения к интеллигенции,

которая рассматривалась как принадлежность рабочего класса. Было реабилитировано значительное число членов партии, которых в 1957 году несправедливо причисляли к «правым». Людям, которых в прошлом причисляли к кулакам и землевладельцам, в 1979 году были предоставлены привилегии членства в коммунах. В это же время была введена в действие политика, касающаяся восстания Гоминьдана и тайваньских родственников, проживающих в материковом Китае. Работники уездных группировок, входивших в Гоминьдан во время конфликта, были освобождены. В начале 1980-х годов было провозглашено и установлено, что торговцы и промышленники являются трудящимися социалистического общества, после того как 700 000 из 860 000 из них были восстановлены в правовом положении трудящихся. В конечном итоге было объявлено, что все слои общества должны быть мобилизованы для участия в строительстве социализма и реформе открытости, чтобы «объединяться ради будущего» и осуществить значительную реформу отношений в классовой иерархии, расширив тем самым социальную базу реформ. Это означало, что классовый рост Китая был основан на политике реформ, проводимой после отказа от «культурной революции».

Результатом проведения экономических реформ стали значительные изменения в структуре интересов и социальной стратификации китайского общества. Расширение частной, а не коммунальной экономики привело к формированию новых слоев частных предпринимателей, включая управленческий и технический персонал иностранных и частных фирм. Это изначально повлияло на структуру собственности. Во-вторых, в результате урбанизации и индустриализации более 200 миллионов крестьян превратились в «новых рабочих». В-третьих, социальная мобильность облегчилась благодаря взрывному росту современной экономики и появлению среднего класса. Индустриализации и урбанизации ускорили переход от традиционной сельской и городской структуры к современным социальным сообществам. По масштабам, скорости и глубине такие изменения в социальной организации населения не имели прецедента в мировой истории. Сотни миллионов крестьян за короткое время перешли со своей земли на работу в промышленность и сферу услуг. Многочисленное бывшее сельское население сосредоточилось в городах. Преобразования в социальной структуре Китая стали мощной движущей

силой радикальных изменений в образе жизни людей, структуре занятости и во всем облике китайского общества.

Наиболее значимым направлением постреформенной социально-экономической политики Китая стала реформа системы распределения доходов. Она началась с отмены уравнительной системы, которая увеличивала разницу в доходах, способствовала развитию конкуренции и повышению эффективности распределения ресурсов. Изначально предполагалось, что новое распределение доходов устранил главное препятствие на пути к уравниловке. История показывает, что эгалитарная теория является существенным препятствием для применения принципа распределения по труду, как подчеркивали руководители ЦК КПК в 1984 году. Широкое внедрение эгалитарных ценностей грозило уничтожить творческие силы общества. Декларировалась политика «поощрять часть населения к накоплению капитала и собственности и переходу в класс богатых». Это рассматривалось как единственный реальный способ обеспечить процветание всего общества и соответствовало законам социалистического роста. «Стимулирование повышения эффективности - необходимое условие для воплощения социальной справедливости» в политике распределения, говорится в специальных докладах КПК за 1987 год. Эта политика была представлена как «баланс между эффективностью и справедливостью» на 14-м съезде КПК в 1992 году. «Баланс между эффективностью и справедливостью» - так он был охарактеризован на XV съезде КПК в 1997 году. Этот принцип был подтвержден на XVI съезде Коммунистической партии Китая в 2002 году, вместе с рекомендацией, что в дальнейшем приоритет должен отдаваться эффективности на начальном этапе распределения, а затем справедливости. Политика распределения внесла глубокие изменения в структуру интересов. Интересам регионов был отдан приоритет, местные администрации получили больше полномочий, постепенно внедрялась финансовая структура «неравного финансирования». Изменениям в государственном секторе способствовало появление частного бизнеса, предприятий с иностранным капиталом, сельских предприятий и других игроков в различных отраслях экономики. С введением «контрактной системы», «налога на прибыль», «выпуска займов» и «акционерных обществ» государственные предприятия претерпели значительные изменения. В результате этих и других преобразований

была создана в значительной степени автономная рыночная система. Ключевыми компонентами значительных изменений в составе и способах распределения доходов были капитал, технология и управление.

Кроме того, с 1980-х годов растет разрыв в доходах между городскими и сельскими районами, между регионами, между секторами экономики и между институтами. В некоторых случаях распределение доходов также стало неравномерным. Разрыв в доходах продолжал увеличиваться в условиях жесткой глобальной конкуренции во многих отраслях, а богатство быстро росло параллельно с развитием экономики. После коллективизации инвестиции в некоторые отрасли стали все более концентрированными. Низкие зарплаты поддерживали объем избыточного предложения и конкурентоспособность работников на одном уровне. На рост экономического неравенства также влияло наличие коррупции и нелегальных доходов. Государство включилось в процесс из-за острого недовольства в обществе, вызванного развитием социализма, рыночной экономики и ростом неравенства доходов. В 2003 году на 3-й сессии ЦК КПК 16-го созыва было выдвинуто предложение «упорядочить и стандартизировать процедуру распределения, активизировать усилия по регулированию распределения доходов и обратить особое внимание на проблему чрезмерных различий в доходах отдельных слоев общества». В 2004 году, когда 16-й Центральный комитет собрался вновь, было принято решение «принять практические меры для решения проблемы больших различий в доходах между различными регионами и членами общества». В 2005 году на 5-й сессии ЦК КПК 16-го созыва было принято решение «сделать главный акцент на социальной справедливости, чтобы граждане могли ощутить реальные результаты реформ и развития». Построение мирного социалистического общества и работа по «продвижению идеи социальной справедливости и честности» стали решениями, принятыми в 2006 году на 6-й сессии 16-го созыва. Идея о том, что «мы должны ускорить строительство, чтобы защитить равенство и справедливость, которые играют жизненно важную роль в общей системе общества», была выдвинута вместе с развитием гармоничного социалистического мировоззрения. Кроме того, были разработаны систематические руководящие принципы распределения доходов на «макроуровне», основанные на экономическом росте. Желательно, чтобы большее значение придавалось социальной

справедливости, что подразумевает сближение группы с низким доходом с группой со средним доходом с течением времени. Предлагалось ввести строгий запрет на получение доходов из незаконных источников, эффективно регулировать распределение неоправданно высоких доходов, а также способствовать всеобщему процветанию и благополучию. На 17-м съезде Коммунистической партии Китая было заявлено, что «самым важным является обеспечение и улучшение распределения по труду, сосуществование в общей системе распределения различных моделей, а труд, капитал, технологии, управление и другие факторы производства должны вносить свой вклад в систему распределения. Первичное распределение и перераспределение призваны надлежащим образом регулировать отношения между эффективностью и справедливостью, а при перераспределении необходимо больше внимания уделять общественной справедливости».

По сравнению с реформами экономической системы Китая, изменения социальной структуры являются более длительными, более устойчивыми и более всеобъемлющими. Наиболее значимыми из них являются следующие.

Курс на индустриализацию и урбанизацию. После проведения реформ, вызвавших бурный рост экономики, структура промышленности претерпела значительные изменения. Например, доля обрабатывающей промышленности с 1978 по 2022 год выросла с 45 % до 48 %, доля сферы услуг - с 24 % до 42 %, а доля добывающей промышленности в ВВП за тот же период сократилась с 31 % до 12 %. В настоящее время ведущие позиции в экономике КНР занимают такие отрасли, как автомобилестроение, электроника и бытовая техника. Доля сельского хозяйства в экономике страны сократилась благодаря значительному расширению сферы услуг и неуклонному росту промышленности. В настоящее время Китай переживает этап индустриализации, основанный на структуре промышленности.

Одновременно с этим росли темпы урбанизации Китая. Когда в 1949 году был образован новый Китай, в городах проживало 57 миллионов человек, а уровень урбанизации страны составлял 10,6 %, что на 3 % ниже общемирового показателя 1900 года. Китай был обычной сельскохозяйственной страной. В период с 1949 по 1978 год уровень урбанизации постепенно повышался, достигнув пика в 19,7 %, а затем поднявшись до 20 %. Быстрая индустриализация и реформы в стране ускорили развитие урбанизации. За 29 лет с 1949 по 1978 год уровень урбанизации вырос

более чем на 7 %, а за последующие 30 лет (1978-2008) - на 45,7 %. По данным переписи 2020 г. городское население составляет около 64%, сельское – 36 %. На 1 ноября 2020 года в стране насчитывалось 137 городов с населением в 1 миллиард 411 миллионов человек, на 2022 год - 1 миллиард 411 миллионов человек. В 108 из этих городов проживает более миллиона человек. Однако процесс урбанизации в Китае идет медленнее, чем индустриализация страны. Так, по данным на 2020 г., как уже отмечено, 36 % населения Китая, проживает в деревнях, а 25 % трудоспособного населения занято в сельском хозяйстве. При этом доля сельскохозяйственного производства в ВВП на сегодняшний день составляет около 8 % ВВП. В настоящее время городские домохозяйства зарабатывают на душу населения примерно в три раза больше, чем сельские. Люди, не работающие в сельском хозяйстве, имеют примерно в пять-шесть раз больше, чем те, кто работает. Это становится одним из главных объяснений того, что около 200 миллионов китайских крестьян уезжают на заработки в города.

Изменения в структуре населения и структуре семьи. В демографической структуре Китая уже произошли исторические сдвиги. Фаза, когда наблюдалась высокая рождаемость, низкая смертность и высокий естественный прирост, сменилась фазой низкой рождаемости, низкой смертности и низкого естественного прироста. В период с 1952 по 2020 год население Китая выросло с 570 миллионов до 1 миллиарда 411 миллионов человек. Коэффициент естественного прироста снизился с 20,00 до 5,08 %, коэффициент рождаемости - с 37,00 до 12,14 %, а коэффициент смертности - с 17,00 до 7,06. Основными причинами изменения структуры населения являются политика планирования рождаемости, социальные преобразования и экономическое развитие. Китай начал проводить политику планирования рождаемости в начале 1970-х годов XX века. С начала 1980-х годов она проводилась среди городского населения под лозунгом «Одна семья - один ребенок». Значительные изменения в демографической структуре произошли после того, как снизилась рождаемость. С примерно 6 до 1,3 в начале 1970-х годов - таков нынешний уровень рождаемости. Центральный комитет КПК принял решение разрешить гражданам иметь третьего ребенка в мае 2021 года в связи с тенденцией к снижению рождаемости. В 2021 году Государственное статистическое бюро КНР заявило, что в 2020 году в стране родилось 12 миллионов детей, что в 1,5 раза меньше,

чем в 2016 году. К концу 2022 года в стране проживало на 850 000 человек меньше, чем в конце 2021 года. Это первый спад за последние шестьдесят лет. Сокращение коэффициента социальной нагрузки в значительной степени способствовало социально-экономическому прогрессу страны. Однако менее чем за 30 лет население Китая превратилось из молодого и среднего возраста в пожилое. 12,9 % населения страны старше 60 лет, а 9,07 % - старше 65 лет, по данным выборочного опроса 2005 года, в котором участвовал 1 % всего населения. В ближайшие десятилетия можно будет выделить три возрастные группы: население трудоспособного возраста, население в целом и пожилое население.

Семейные и поколенческие системы развиваются параллельно с изменениями в составе населения. Число расширенных семей сокращается, нуклеарные семьи становятся все более распространенными, а структура семьи начинает приобретать нуклеарные черты. Средний размер семьи значительно сократился: с 4,41 человека в семье в 1982 году до 2,62 человека в семье в 2020 году. В ходе двух последних переписей населения, проведенных в 2010 и 2020 годах, средний размер семьи уменьшился на 0,48 человека за десять лет - с 3,10 до 2,62. Количество человек в каждом поколении меняется вместе со сдвигами в структуре поколений. В мегаполисах постепенно формируется структура поколений «4-2-1» - четыре бабушки и дедушки, два родителя и один ребенок, а в деревнях - «4-2-2». Традиционной китайской семье угрожают старение населения и уменьшение размера семьи.

Изменения в структуре регионального развития. Развитие Китая регионально не сбалансировано. Хотя такое неравенство существовало всегда, с началом реформ региональное развитие стало улучшаться. Физическая граница, проходящая от провинции Хэйлунцзян на севере до провинции Юньнань на юге, разделяет Китай. Распределение всех граждан Китая внутри страны определяется этой границей. 94 % населения страны проживает на 42,9 % юго-восточной территории, а 6 % - на 57,1 % северо-западной. На распределение населения на этой границе влияет экология, так как на северо-западе страны сухой климат, в то время как в Китае в среднем выпадает 400 мм осадков в год. Тем не менее, граница имеет и историческое значение, так как императорская династия на протяжении значительного времени управляла юго-востоком. После реформ пляжный регион на юго-востоке открывается, быстро

растет, а диспропорции в региональном развитии увеличиваются. Различия в развитии между восточной и центральной частями имеют тенденцию к увеличению, в то время как различия в развитии между центральными и западными регионами в целом уменьшаются.

Изменения в системе собственности. До реформ в Китае была централизованная плановая экономика. В вопросах собственности преобладала единая собственность, которая в дальнейшем подразделялась на коммунальную и государственную. В ходе реформ был ликвидирован единый государственный сектор экономики, а частный сектор быстро расширился, что привело к созданию малых частных предприятий, в которых работало более восьми человек. Создание новых секторов экономики, поддерживаемых иностранным бизнесом, последовало за открытием прибрежного региона страны и созданием особой экономической зоны. Государственный сектор экономики разделился на несколько промышленных, межхозяйственных, городских и региональных экономических организаций. В современную экономическую структуру включены государственный, коллективный, индивидуальный и частный секторы экономики, а также другие экономические формы. Разнообразие форм собственности и их новая структура возникли вместе с утверждением государственной собственности в качестве основного направления экономики. В результате изменений в структурах собственности и общественного труда изменились как структура рабочих мест, так и социально-классовая структура общества. Это проявляется в самых разных сферах, включая работу, социальное положение, престиж, условия жизни, доходы, культурный уровень, структуру расходов и динамику интимных отношений. Значительные изменения в составе профессиональных групп и социальных слоев произошли уже накануне реформ, и диверсификация нарастала. В настоящее время китайское общество состоит из профессиональных классов или групп, в которые входят руководители, рабочие, инженеры, фермеры, служащие, менеджеры, владельцы индивидуальных и частных предприятий. Многоуровневые интересы и желания возникли благодаря разделению социальных классов и разнообразию бизнеса. Всегда будут возникать вопросы о конфликте интересов и разрыве в потребностях. За время реформ китайское общество превратилось из общества с равномерным (выровненным) распределением доходов в общество, для которого характерна значительная разница в доходах.

Коэффициент Джини, который используется для измерения концентрации распределения доходов, уменьшился в первые годы после реформ и неуклонно растет с 1985 года, увеличившись с 0,25 до 0,47 в период с 1984 по 2021 год, согласно данным соответствующих ведомств и научных учреждений. В настоящее время 1% самых богатых граждан Китая владеют более 33% национального богатства, в то время как самые низкие 25% - всего 1%.

Изменения в организационных структурах. До изменений государственные и частные организации планировались и управлялись правительством. «Единая организационная система» включала в себя государственные ведомства, предприятия, коммуны для сельских жителей и некоммерческие организации. «Единая организационная система» регулировала социальные связи и выполняла функции управления обществом в дополнение к предоставлению рабочих мест. Все аспекты жизни члена общества, регулировались «единой системой организации». Работники полностью зависели от этого метода. Многочисленные несоответствия проявлялись в этом контексте, когда речь шла о социальных гарантиях, контроле социального поведения и регулировании социальных отношений. Такое смешение рабочей силы и ресурсов, а также жесткая централизация привели к практически полному отсутствию социальной мобильности и застою в обществе. В 1978 году, когда началась эпоха реформ, в Китае насчитывалось 400 миллионов рабочих. Только 0,4 % из них (около 150 000 человек в мегаполисах) были заняты вне «единой системы организации». К этой системе принадлежали более 74 миллионов рабочих в системе народной (государственной) собственности и более 20 миллионов рабочих в системе городской коллективной собственности, в которую входило большинство рабочих. Из 300 миллионов рабочих в сельских и деревенских районах, большинство принадлежали к коммунам. После реформ, в результате изменения структуры собственности, возникло множество организаций, отличных от «единой системы организации», и эта новая индустрия труда приняла рыночную (в том числе конкурсную) систему назначений. С распадом коммун и ликвидацией клановой системы назначения работники в сельской местности также практически полностью отошли от влияния «единой системы организации», а в городах в таких организациях занято более 60% населения. Кроме того, влияние «единой системы организации» резко сократилось в результате реструктуризации социальных систем и функций

государства, в частности, с введением рыночных систем занятости и логистики, свободы проживания и ориентированной системы социального обеспечения. Термин «единая организационная система» уступил место термину «социальная система» в фундаментальной структуре социального управления. Возросла потребность в муниципальных услугах. В результате модификации модели социального управления появились новые государственные и частные добровольные группы. По данным Министерства гражданской администрации, на последнем этапе реформ открытости в Китае было зарегистрировано чуть более 2 000 общественных организаций, к концу 2008 года их насчитывалось уже более 414 000, а к 2019 году - более 816 000. Гражданские ассоциации, трастовые фонды, промышленные группы и некоммерческие организации - вот примеры социальных организаций Китая. В настоящее время социальные организации в Китае продолжают развиваться и становятся все более значимыми.

Все эти изменения в своей совокупности оказали и продолжают оказывать существенное влияние на социально-классовую структуру и соответственно на систему стратификации китайского социума. Так, современное положение китайского рабочего класса отражает множество изменений, связанных с экономическим ростом и переходом от аграрной к индустриальной экономике. Рост производства и промышленности привел к созданию огромной рабочей силы, которая стала ключевым элементом экономической мощи Китая. Однако, вопреки этому, социальная мобильность внутри рабочего класса остается ограниченной из-за различных факторов, таких как неравные возможности в образовании, ограниченный доступ к высокооплачиваемым должностям и неравные условия труда в различных регионах страны. При изучении текущего положения и социальной мобильности рабочего класса, требуется учитывать динамику трудовых отношений, а также изменения в экономической и социальной сферах. Это связано с развитием промышленности, увеличением городского населения и влиянием глобальных экономических тенденций.

Крестьянство в Китае сталкивается с серьезными вызовами, такими как урбанизация, изменение земельной политики и экономические преобразования. В результате некоторые крестьянские семьи сталкиваются с трудностями в сохранении своих сельскохозяйственных угодий, а это может привести к

увеличению социального расслоения. Тем не менее, некоторые реформы, направленные на улучшение условий жизни в сельской местности и стимулирование сельскохозяйственного сектора, могут смягчить этот процесс. Кроме того, тенденции расслоения китайского крестьянства имеют прямое отношение к изменениям в сельскохозяйственном секторе страны и процессу урбанизации. Рост городского населения и постепенное проникновение современных технологий в сельское хозяйство продолжают менять социальное положение крестьян и их уровень достатка, создавая различные слои и группы крестьянского населения.

Средний класс в Китае быстро расширяется в результате экономического роста. Этот класс включает в себя людей с разнообразными профессиями, включая специалистов, бизнесменов, а также тех, кто работает в новых инновационных отраслях. Они имеют относительно стабильный доход и доступ к определенным привилегиям, таким как лучшие условия жизни, образование и здравоохранение. Однако, различия в уровне дохода и доступе к ресурсам между различными слоями среднего класса также приводят к внутренним неравенствам внутри этой социальной группы. Исследования среднего класса в современном Китае демонстрируют динамичный рост этой социальной группы в связи с ускоренным темпом экономического развития и увеличением урбанизации. Основываясь на анализе уровня дохода, образования и потребительского поведения, можно увидеть формирование новых социальных слоев и классов, таких как прогрессивная техническая интеллигенция, «белые воротнички», малый предпринимательский класс, и т.д. Средний класс играет важную роль в формировании динамичной экономики и социальной структуры Китая, а также влияет на происходящие политические процессы и общественные отношения.

Анализ современной социальной стратификации в Китае выявляет значительные изменения в положении различных социальных классов и слоев, их взаимодействие и влияние на общественную динамику. Эти изменения формируют ландшафт социальной структуры страны и представляются как вызовы, так и возможности для различных социальных групп. Понимание этих изменений и тенденций существенно важно для разработки социальных и экономических стратегий, направленных на преодоление вызовов и обеспечение устойчивого развития китайского общества.

Одним из важных измерений социальной стратификации является, как известно, образование. Подчеркнем, что «образование оказывает непосредственное влияние на направление социальной мобильности и социального продвижения образованных людей» [127; с. 62]. Расширение доступа к образованию после 1978 года содействовало возможности социальной мобильности. Однако при этом остаются серьезные проблемы в виде неравного доступа к высшему образованию и различному качеству образования (образовательных услуг). В то же время социальная стратификация влияет и на способ получения образования, качество образования и выбор образования людьми. Образование может способствовать изменению места индивида в системе социальной стратификации индивида за счет повышения уровня знаний, квалификации и т.д. Однако диспропорции в образовании могут и усугублять социальное расслоение, например, неравенство богатых и бедных в образовательных ресурсах может приводить к тому, что дети бедных не смогут получить качественное образование, что скажется на их дальнейшем развитии и социальном статусе. Таким образом, связь между образованием и социальной стратификацией носит диалектический характер взаимодействия и взаимовлияния.

Эти и другие вопросы связи образования с социальной стратификацией, а значит и с социальным неравенством, в современном китайском обществе мы рассмотрим во второй части диссертационной работы.

1.5. Выводы по главе 1

1. Многие социологи высказывали различные точки зрения на социальную стратификацию и давали собственные определения этому явлению. П.А. Сорокин, Э. Гидденс, П. Штомпка, Т. Парсонс, Г. Ленски и др. также подробно анализировали такие критерии социальной стратификации, как богатство, престиж, власть, образование, религия, этничность и др. Изучение социальной стратификации в *китайской социологии* основано на марксистской материалистической методологии и испытало значительное влияние других социологических концепций и подходов: метода выделения статусных групп М. Вебера; концепции социальной стратификации «Нового марксизма» (Э.О. Райт); теории общественного воспроизводства (П. Бурдьё), и др.

2. После основания Китайской Народной Республики в 1949 году в структуре социальной стратификации общества наблюдались три этапа изменений. На протяжении короткого периода времени, после основания Нового Китая в 1949 году, в китайском обществе сосуществовали четыре социальных класса - рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия и национальная буржуазия. Этот период длился с 1949 по 1956 год, а затем, в связи с завершением «коммунистического перевоспитания», два основных класса китайского общества - рабочие и крестьяне - на втором этапе (1956-1978 гг.) превратились в единый слой рабочих, занятых в государственном секторе экономики страны. Благодаря ориентации политической линии КПК на рыночную экономику, индустриализацию и урбанизацию, а также личному влиянию Дэн Сяопина Китай вступил в третий этап, который начался в 1978 году и ознаменовал собой вступление страны в период реформ и открытости. Это предопределило формирование новой социально-классовой структуры китайского общества и новую конфигурацию социальной стратификации.

3. На всех трех перечисленных этапах важную роль играли политические решения Коммунистической партии Китая и реформа экономической системы. На первом этапе базовый статус рабочего класса и крестьянства был закреплен путем проведения ряда земельных реформ и реструктуризации промышленного сектора. На втором этапе в Китае произошла социальная трансформация в новое социалистическое общество с китайской спецификой. Была установлена социальная иерархия, в которой рабочий класс и крестьянство составляли два основных класса как единый слой, а крестьянство имело более низкий статус. После начала ДЭН Сяопином политики реформ и открытости в 1978 году в китайском обществе начался третий переходный период, в ходе которого начался переход к новому рыночному социалистическому обществу с китайской спецификой, сформировалась новая социальная структура, включающая десять основных классов, и т.д. Однако нельзя не отметить значительное влияние на социальную стратификацию в Китае уникальной китайской системы регистрации домохозяйств хукоу, которая является дифференцированным инструментом социального контроля, и которая привела к изменениям в структуре социальной стратификации Китая. Влияние системы хукоу на социальный статус и развитие личности заключается не только в ограничении свободы выбора, но и в определении статуса и образа жизни граждан в рамках их

социального класса. Хотя система регистрации домохозяйств как механизм социального контроля способствовала сокращению неравенства доходов населения и укреплению социального равенства, она также оказала влияние на различия в доходах в разных районах и секторах экономики.

4. С 1978 года, с началом проведения Дэн Сяопином масштабных реформ, произошел переход страны к многоукладной рыночной экономике, индустриализации и урбанизации. При этом, социальная структура Китая претерпела весьма значительные изменения. В результате реформы экономической системы, которая перешла от плановой экономики к рыночной, появилось множество новых социальных классов. При этом первоначальная социальная структура Китая пирамидального типа трансформировалась в десять основных социальных классов, которые по критерию рода занятий подразделяются на следующие: 1) государственные и общественные руководители; 2) управленческий персонал; 3) частные предприниматели; 4) специалисты, эксперты, технический персонал; 5) офисные служащие; 6) индивидуальные промышленники и торговцы; 7) работники сферы торговли и обслуживания; 8) производственные (промышленные) рабочие; 9) работники сельского хозяйства; 10) незанятые, безработные и полубезработные в городе и деревне.

Однако существует и другой способ анализа социальной стратификации китайского общества, а именно: с точки зрения дуалистической системы «город - деревня», приведшей к дисбалансу развития городского и сельского населения. В деревнях классовая структура имеет форму пирамиды, с относительно большим числом социальных страт в нижней части и меньшим количеством страт в середине. В городах классовая структура имеет «оливковую» форму. В этом социальном контексте зародился такой новый класс с китайской спецификой, как «рабочие-мигранты». Развитие социальной стратификационной структуры Китая было сопряжено с противоречиями и конфликтами, вызванными увеличением разрыва в доходах между городом и деревней, отказом городов от сельскохозяйственного труда и отчуждением городского населения от сельского. Поскольку Китай переживает особый исторический период, в процессе непрерывных социально-экономических преобразований, постольку возникает множество новых явлений и конфликтов, что также привело к возникновению ряда актуальных социальных

проблем. В долгосрочной перспективе они будут успешно решены, Китай выйдет на новый уровень развития. С укреплением рыночной экономики, развитием социалистической демократии и совершенствованием правовой системы социальная стратификация также приобретет новые формы.

5. Под руководством Председателя КНР и КПК Си Цзиньпина в современном Китае произошли кардинальные изменения: ускорение темпов индустриализации и урбанизации; изменения в демографической и семейной структуре; изменения в структуре регионального развития; изменения в системе собственности и в организационных структурах, включая беспрецедентное повышение международного статуса КНР как одного из лидеров глобального преобразования установленного коллективным Западом и США однополярного мирового правопорядка в *полицентрическую систему*. В совокупности все эти реформы оказали и будут оказывать значительное влияние на структуру социальной стратификации китайского общества.

Политика реформ и открытости сыграла положительную роль не только в политике и экономике, но и способствовала развитию такого важнейшего социального института, как образование. Образование, выступая одним из факторов стратификации, имеет важное значение и существенно влияет на положение человека в системе социальной стратификации. При этом, диспропорции и дисбалансы, неизбежно возникающие в процессе развития образовательной системы, становятся причиной образовательного неравенства, которое проявляется и в современном китайском обществе.

Глава 2. Концептуализация решения проблемы образовательного неравенства в современном Китае

2.1. Образование как институциональный фактор трансформации социальной стратификации

Существенным компонентом общественной дифференциации и разделения труда является стратификация по уровню образования. Характеристики социального неравенства играют значительную роль в определении доступа к школьному образованию. В то же время социально-экономические различия все больше влияют на процесс отбора в школьном образовании. Китайское правительство без малого полвека назад изменило систему образования, переориентировав ее на рынок в процессе проведения политики реформ и открытости в стране. Классовое неравенство является результатом элитарного характера сегодняшней образовательной политики. Уровень дохода на рынке труда начинает все больше зависеть от уровня образования. Социально-экономический статус человека все больше определяется его культурным происхождением. Китайское правительство вкладывает значительные средства в образование. 9-летняя система образования стала обязательной, распространяется высшее образование, и доступность высшего образования быстро растет. Культурный уровень населения и рабочей силы постепенно повышается. Однако высшее образование по-прежнему является дефицитным ресурсом. Конкуренция в этой отрасли по-прежнему очень высока. В связи с этим в сфере высшего образования все еще существует неравенство.

Выше уже отмечалось, что исторически в развитии образования в Китае наблюдались два важнейших этапа. Первый из них (1949 – 1978 гг.) был периодом *возрождения образования* и начался сразу после создания КНР. На Политической консультативной конференции, состоявшейся в сентябре 1949 года, была принята Общая программа Китайской народной политической консультативной конференции, которая определила культурно-образовательную политику нового Китая, указав, что «образование в Китайской Народной Республике должно быть демократическим, развивающим национальную, научную и народную культуру». 1 октября 1951 года Государственный совет Центрального народного правительства обнародовал Постановление о реформе системы образования, установив первую

академическую систему Китайской Народной Республики, которая используется с тех пор. С июня по сентябрь 1952 года Центральное народное правительство провело масштабные изменения в создании факультетов и отделений высших учебных заведений по всей стране, преобразовав систему колледжей и университетов, которая до основания КНР строилась по британской и американской модели, в систему средних специальных учебных заведений, институтов и университетов по образцу Советского Союза.

Началось широкомасштабное обучение грамоте. В соответствии с Постановлением о ликвидации неграмотности, принятым ЦК КПК и Госсоветом 29 марта 1956 года, КПК и народное правительство приняли целый ряд мер по обучению грамоте огромного количества рабочих и крестьян. Результаты обучения грамоте были впечатляющими: только за десятилетие с 1949 по 1965 гг. около 100 миллионов молодых людей обрели грамотность, а уровень неграмотности, который в 1949 году составлял более 80%, снизился уже к 1965 году до 38,10 %.

За три десятилетия лет напряженной работы Китай создал относительно полную социалистическую систему образования и режим обучения, добился значительных успехов во всех сферах образования. Начальное образование стало практически всеобщим, а чистый коэффициент охвата детей младшего школьного возраста вырос с 49,2 % в 1952 году до 94 % в 1978 году. Среднее и высшее образование также восстанавливалось и развивалось относительно быстрыми темпами: число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, выросло со 117 000 в 1949 году до 2,28 миллиона в 1978 году, то есть почти в 20 раз. Валовой коэффициент охвата высшим образованием вырос с 1,56 процента в 1949 г. до 2,7 процента в 1958 г. Резко выросли инвестиции в образование: с 895 миллионов юаней в 1952 году до 6,56 млрд юаней в 1978 году и с 1,32 процента до 1,78 процента ВВП.

Следующим этапом поступательного развития китайского образования стал этап его *реформирования*, начавшийся по инициативе Дэн Сяопина в 1978 году и продолжающийся по сей день. В декабре 1978 г. был созван Третий пленум Одиннадцатого Центрального комитета КПК, открывший новые горизонты для развития рыночного социализма с китайской спецификой. Дэн Сяопин предложил ЦК КПК сосредоточиться на образовании, выдвинув требование, о том, что «дело образования должно быть совместимо с требованиями развития национальной

экономики». Китайское образование стало на путь развития социалистического образования с китайской спецификой.

Были возобновлены вступительные экзамены в колледжи, которые до того были приостановлены на семь лет. Дэн Сяопин сделал важные заявления о том, что «интеллигенция - это часть рабочего класса» и «наука и техника - это первые производительные силы». Всенародное обсуждение темы «практика - единственный критерий для проверки истины» и природы образования постепенно привело к новому пониманию образования как производительной силы, заложив идеологическую основу для проведения реформы и открытости в сфере образования.

Всеобщее девятилетнее обязательное образование обеспечило Китай достаточным количеством рабочей силы, чтобы всего за 40 лет превратиться в «мировую фабрику» и промышленную державу. В 1978 году охват населения всеобщим начальным образованием составил 94 %. В 1986 году началось введение всеобщего девятилетнего обязательного образования, занявшее в общей сложности за 25 лет. В 2017 году чистый коэффициент охвата начальным образованием достиг 99,91 %, а коэффициент закрепления девятилетнего обязательного образования - 93,8 %, что превысило или сравнялось со средним уровнем стран с высоким уровнем дохода. Неграмотность среди китайской молодежи практически ликвидирована; за 70 лет Китай ликвидировал неграмотность населения.

В течение более чем 40 последних лет Китай последовательно выдвигает стратегии приоритета образования, идеи развития страны через науку и инновации и т.д. В 1985 г. было обнародовано Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе системы образования. Оно положило начало реформе системы и механизмов образования в условиях социалистической системы рыночной экономики. Были созданы правовые основы системы социалистического образования с китайской спецификой, представленные Законом об обязательном образовании, Законом о высшем образовании, Законом о преподавателях и Законом о профессиональном образовании, Положением об ученых степенях.

В то же время полностью внедрено качественное образование, осуществляется мониторинг качества базового образования, что способствует качественному и сбалансированному развитию обязательного образования. Достигнута массовость

высшего образования, которое движется к универсализации, и постоянно повышается качество образования. По данным Министерства образования КНР, высшее образование в Китае сегодня имеют более 240 миллионов человек. В 2022 году в вузах обучались более 46 миллионов студентов. Уровень охвата высшим образованием в стране в 2022 году составил почти 60 процентов (для сравнения: в 2002 г. этот показатель равнялся 15%).

Трансформация и расширение китайской системы образования за последние 40 лет - это два наиболее значительных изменения. Система образования Китая изменилась в результате перехода к иной социально-экономической системе. Механизмы социальной дифференциации, рыночного роста и элитарности в системе образования пришли на смену планированию и парадигме государственного образования. Темпы развития в этой области также улучшили образовательные возможности. Оба элемента оказали влияние на стратификацию и неравенство в системе образования.

Одним из признаков начала экономических изменений стало возвращение экзаменационной системы в Китае в 1977 году. В результате в систему образования были внедрены критерии отбора, которые означали переход от модели массового образования к элитарной модели. Появление рыночной экономической системы также привело к внедрению рыночных концепций в систему образования, превратив образование в «отрасль экономики» и повысив как стоимость образования, так и диверсификацию образовательных инвестиций (т.е. платы за обучение).

До начала экономических реформ одной из особенностей китайской системы образования было влияние на нее идеологии Культурной революции. Так, была отменена идея равного доступа к образованию, была ликвидирована экзаменационная система, сокращены продолжительность образовательных программ и набор преподаваемых предметов. В 1978 году произошли изменения в образовательной политике государства в результате того, что правящая партия и руководство страны скорректировали свои цели. Основной целью правящей партии стала экономический рост. Социально-экономические различия между людьми стали реальностью, с которой нельзя было мириться. Устранение классовых различий и расширение образовательных возможностей для рабочих и крестьян стали двумя основными целями образования. Навыки, необходимые для

экономического развития, пользовались большим спросом (см.: «Реализация политики четырех модернизаций»). Была введена в действие политика, направленная на изменения и улучшения в области национальной безопасности, научных исследований, сельского хозяйства, промышленности и образования. Реформа образования привела к двум значительным событиям в условиях меняющихся экономических условий и идеологий.

Во-первых, парадигма элитного образования заменила модель массового образования. Изменения начались, когда в 1977 году были восстановлены вступительные экзамены в университеты. Вступительные испытания стали частью системы образования, что привело к процессу строгого отбора в высшие учебные заведения. Сложность преподаваемых предметов повышалась, как и уровень требований на экзаменах. В то же время начало формироваться различие между элитными школами и общеобразовательными учреждениями. Появились национальные ведущие школы, провинциальные ведущие школы, городские ведущие школы и районные ведущие школы. Таким образом, со временем сформировалась и «аристократическая» система образования. По словам Сорокина, система образования на всех уровнях «вела к аристократизации общества и стала механизмом стратификации» из-за все более сложной системы критериев тестирования и жесткого отбора учеников в элитные и рядовые школы. (Сорокин, 1927). Отбирались самые талантливые ученики (также известные как «талантливые ученики/студенты»), а менее способные отсеивались. Несомненно, рост элитарного образования способствует выявлению и поддержке элиты. Однако эта тенденция оказывает негативное влияние на детей из городских семей с низким уровнем дохода, сельских семей и детей, чьи родители практически не имеют образования. Эта группа детей становится объектом политики неравенства, что усиливает классовое расслоение в системе образования и увеличивает разницу между городской и сельской местностями в этой области.

Во-вторых, произошел переход от плановой системы к рыночной («образование как сектор экономики»). Диверсификация инвестиций в образование (или «множественность источников финансирования») является важнейшим аспектом преобразований. Ранее расходы на образование поступали в основном из фондов центрального правительства. В настоящее время существуют различные каналы

инвестирования. Лучшие академические институты в Китае - единственные, которые финансируются Министерством финансов. Большинство поддерживается региональными бюджетами. В результате более богатые города и поселки сегодня имеют доступ к большим ресурсам на образование, чем бедные города и поселки. Кроме того, часть платы за образование устанавливают сами учебные заведения. Таким образом, они могут «зарабатывать деньги на предоставлении услуг». Родители учеников несут ответственность за выплату этой части платы, что приводит к увеличению платы за образование и других расходов. Семьи с низким достатком не могут себе этого позволить. По этой причине некоторые учащиеся младших классов, средней школы и высших учебных заведений вынуждены приостановить свое обучение. В Китае с 2008 года действует программа бесплатного всеобщего девятилетнего образования. Участие в ней снижает нагрузку на семьи с низким уровнем дохода и помогает устранить экономические факторы, препятствующие доступу к образованию. В то же время, колледжи, начиная со второй половины 1990-х гг., перестали предлагать бесплатное образование. Плата за обучение, которая взимается университетами с 1994 г., ежегодно растет. В связи с этим у детей из малообеспеченных и сельских семей остается всё меньше возможностей поступить в вузы, что приводит к неравенству в доступе к образованию.

В 1999 году правительство Китая начало принимать меры по расширению доступа к высшему образованию. В результате появилось больше возможностей для получения высшего образования. В течение последующих пяти лет (в период проведения политики расширения возможностей поступления) количество студентов, поступающих в высшие учебные заведения, увеличивалось в среднем на 20% каждый год. В 2005 году (пик политики расширения возможностей поступления) студенты университетов составляли примерно 21% населения в этом возрастном диапазоне в целом: по сравнению с 1998 г. прием в университеты увеличился в 4,6 раза. С 2006 года прием в университеты снизился из-за трудностей с поиском работы для недавних выпускников, однако рост все равно составил 5%.

Если посмотреть динамику изменения количества обучающихся на различных образовательных программах с 2015 по 2022 гг., то, согласно официальным данным, опубликованным в *«Статистических ежегодниках Китая»*, то мы увидим

следующую картину. В 2015 году по программам общего бакалавриата всех вузов общее количество обучающихся составляло 26,253 млн., среди них количество новых обучающихся составляет 7,378 млн., общее количество выпускников составляло 6,809 млн. В системе среднего профессионального образования общее количество обучающихся составляло 16, 56 млн. Среди них количество новых обучающихся составляло 6,012 млн., и количество выпускников составляло 5,68 млн., а в общеобразовательной средней школе общее количество обучающихся составляло 23,744 млн. обучающихся, среди них количество новых обучающихся составляло 7,966 обучающихся, и количество выпускников составляло 7,976 млн., а коэффициент закрепления девятилетнего обязательного образования составил 93,0% [см.: 160] см.: диаграмма 1).

В 2018 году по программам общего бакалавриата всех вузов общее количество обучающихся составило 28,310 млн., среди них количество новых обучающихся - 7,910 млн., общее количество выпускников - 7,533 млн. В системе среднего профессионального образования общее количество обучающихся составляло 15,552 млн. Среди них количество новых обучающихся составило 5,57 млн., и количество выпускников - 4,873 млн., а в общеобразовательной средней школе общее количество обучающихся составило 23,754 млн. обучающихся, среди них количество новых обучающихся - 7,927 млн. обучающихся, и количество выпускников составило 7,792 млн., уровень консолидации девятилетнего обязательного образования составил 94,2% [см.: 161] (см.: диаграмма 2).

В 2022 году по программам общего бакалавриата всех вузов общее количество обучающихся составляет 36,594 млн., среди них количество новых обучающихся составляет 10,145 млн., общее количество выпускников составляет 9,673 млн. В системе среднего профессионального образования общее количество обучающихся составляет 17,847 млн. Среди них количество новых обучающихся составляет 6,507 млн., и количество выпускников составляет 5,192 млн., а в общеобразовательной средней школе общее количество обучающихся составляет 27,139 млн. обучающихся, среди них количество новых обучающихся составляет 9,475 млн. обучающихся, и количество выпускников составляет 8,241 млн [см.: 162] (см.: диаграмма 3).

Диаграмма 1. Прием на программы высшего, среднего профессионального и общего среднего образования, 2011-2015гг.

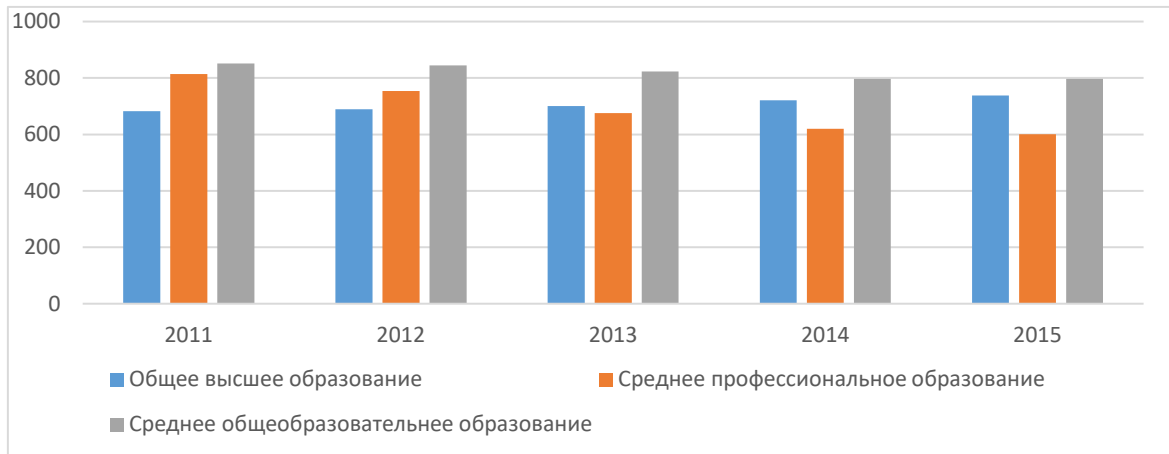

Диаграмма 2. Зачисление на программы высшего, среднего профессионального и общего среднего образования, 2014-2018 гг.

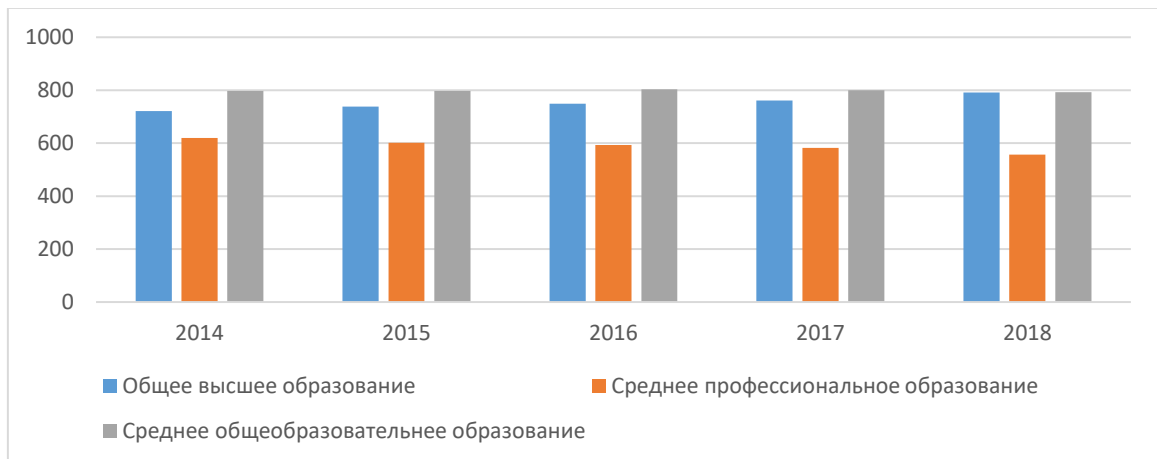
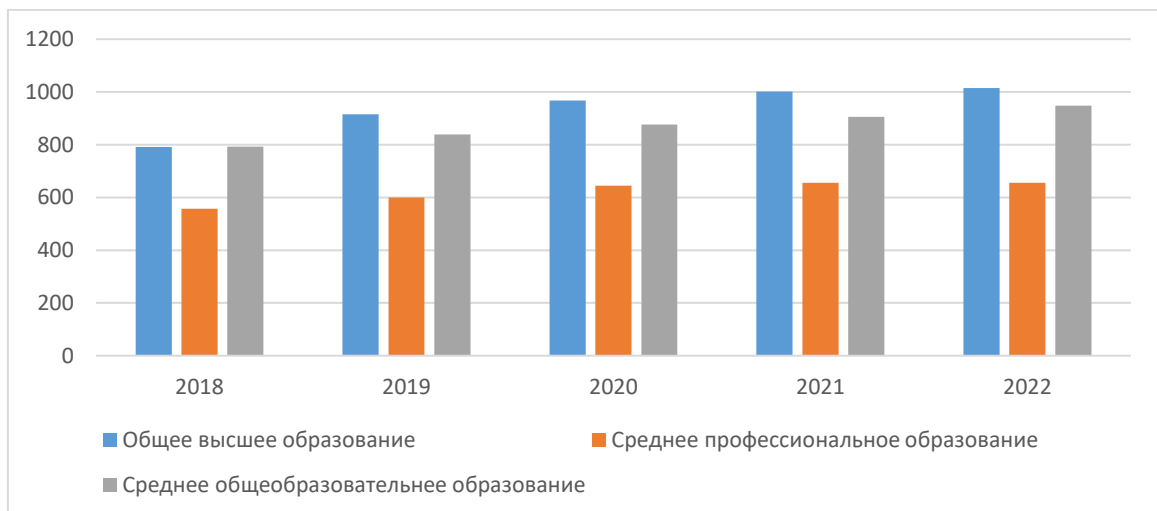

Диаграмма 3. Прием на программы высшего, среднего профессионального и общего среднего образования, 2018-2022 гг.

Из диаграмм 1, 2 и 3 видно, что более очевидно, что с каждым годом в средние специальные (профессиональные) учебные заведения поступает все меньше выпускников общеобразовательных школ, в то время как в высшие учебные заведения - все больше. Количество студентов, поступивших и окончивших высшие учебные заведения, средние специальные (профессиональные) учебные заведения и средние общеобразовательные школы, ежегодно увеличивается. Эта тенденция была не слишком заметной очевидна в 2014-2018 годах, но, начиная с 2020 года число выпускников общеобразовательной средней школы, поступающих в заведения среднего специального (профессионального) образования, составляет лишь две трети от числа поступающих в высшие учебные заведения. Подобное явление вызывает беспокойство в китайском обществе.

«Общество дипломов» и массовизация высшего образования сегодня являются актуальными вопросами для китайской системы образования. Сейчас в Китае уже существует соперничество за высокие академические звания, что связано с «переизбытком образования». Повсеместное стремление к высшему образованию представляет традиционную китайскую культуру обучения, но также указывает на недостатки существующего аппарата проверки образования. Это свидетельствует о недостатках в управлении образованием и низком социальном престиже профессионального образования.

На данный момент в Китае насчитывается 2 688 высших учебных заведений, из которых 1 423 предлагают 4-летние программы бакалавриата и 1 388 - 3-летние программы колледжей (Министерство образования Китая, 2019). Однако при этом, как мы уже указывали, «масштабы высшего образования в Китае растут, но его структура не является рациональной» [128; с. 155]. Количество ресурсов, получаемых каждым учебным заведением, различно. В 1954 году Коммунистическая партия признала шесть китайских учебных заведений в качестве первого набора элитных университетов («重点大学» на китайском языке), положив начало институциональной стратификации высшего образования в Китае. В 1959 году таких престижных учебных заведений было шестнадцать, в 1960-е - шестьдесят четыре, в 1970-е - восемьдесят восемь, а в 1980-е - девяносто девять. Элитные университеты объединяет то, что их курирует федеральное правительство или Министерство образования, в то время как неэлитные учебные заведения находятся

под юрисдикцией провинций или местных органов власти. Неэлитные учебные заведения ограничены в приеме оставшихся студентов, в то время как элитные университеты получают право первоочередного приема студентов. Им также помогает льготная финансовая политика. С запуском Министерством образования в 1995 году «Проекта 211», целью которого было создание 100 элитных учебных заведений к началу XXI века, расслоение китайского высшего образования стало очевидным (Министерство образования Китая, 2000). Китайское правительство оказывало вузам, входящим в консорциум, финансовую поддержку, а также предоставляло преференции (например, отдавало предпочтение при поступлении лучшим студентам). Восемьдесят процентов аспирантов и семьдесят процентов национального финансирования научных исследований были направлены в 112 учебных заведений, которые входили в «Проект 211» в период с 1995 по 2008 год (Tang & Yang, 2008). Чтобы стимулировать создание китайского аналога Лиги плюща в США, Цзян Цзэминь, в то время президент Китайской Народной Республики, основал в 1998 году «Проект 985» (Jiang, 1998). В последующие два года к инициативе присоединились еще 30 колледжей, после того как в 2009 году их стало девять. Хотя они получают дополнительное финансирование, все 39 из этих университетов являются членами «Проекта 211».

Кроме университетов «Проекта 211», ряд университетов, находящихся в ведении провинциальных правительств, подписали соглашения о сотрудничестве и получают финансирование как от провинциальных, так и от центральных правительственных департаментов. Они также считаются престижными университетами. До введения программы «Двойной первый класс» в 2017 году в стране насчитывался 141 престижный колледж. Министерство образования отвечает за надзор за этими национальными программами. Хотя участие в программе якобы определяется уровнем исследований, преподавания и репутацией, конкретные критерии никогда не обнародовались. Геополитика также играет роль при включении в эти категории, поскольку Министерство образования обязало каждую провинцию иметь хотя бы один университет в рамках «Проекта 211». Чтобы создать лучшую систему высшего образования с «первоклассными» учебными заведениями и «первоклассными» специальностями, китайское правительство запустило программу «Двойной первый класс» («双一流» на китайском языке) в 2017 году. В это время проекты 985 и 211

были формально завершены. Тем не менее идеи, лежащие в основе обеих инициатив, до сих пор используются в промышленности, науке и образовании [см.: 154: с. 327].

Равенство и качество образования являются важнейшими условиями его прогресса. В «Основных положениях Четырнадцатого пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития Китайской Народной Республики и Перспективах до 2035 года» прямо говорится о построении системы высококачественного образования и намечается новый путь к тому, чтобы в новую эпоху стать сильной образовательной державой. Однако в сезон выпускных вечеров часто обсуждается тема «высокого и низкого» для выпускников престижных университетов. Так, например, выпускники Ренминского университета Китая и Уханьского университета попали на сигаретную фабрику, где их выпускники на упаковочных линиях составляют более 30% всех работников, а в Шанхае есть колледж, который принимает на работу охранников только с аспирантскими дипломами. После более чем 40 лет реформ и открытости Китай постепенно достиг двойного преобразования - модернизации и маркетизации, - однако неравномерное распределение ресурсов усугубило дифференциацию интересов и социальное расслоение, а нерациональная структура социальных слоев серьезно затруднила стремление людей к лучшей жизни и поставила под угрозу устойчивое, здоровое и стабильное развитие социально-экономической системы. Поэтому новой проблемой социального управления в нынешнем веке становится создание достаточно открытой социально-классовой структуры и преодоление воспроизводства социальных классов [см.: 24: с. 30].

Образование является одной из ключевых стратегий формирования капитала, поскольку оно способствует повышению уровня человеческого капитала, социальной справедливости и устойчивому росту. Издавна считается, что образование помогает людям преодолеть классовые различия и достичь более высокого социального положения. Средний уровень образования трудоспособного населения Китая составляет 10,9 лет, а общий коэффициент охвата высшим образованием, как мы уже отмечали, достигает почти 60% (согласно результатам Национальной статистики образования). Высшее образование в Китае достигло стадии высокой популярности, что делает все более трудным достижение «классового разворота» с помощью образования. «Поколение 1959 года получило

образование, словно ступив на эскалатор, который автоматически поднимается вверх, - заметил Р. Д. Патнэм. – Они могли подниматься, когда стояли на нем. Но пятьдесят лет спустя этот эскалатор остановился, когда на него сели их потомки» [93; с. 291]. Очевидно, что в современный период образование несет сотням миллионов семей и их детям стремление к классовому развитию, желание лучшей жизни. Поэтому, анализируя диалектическую логику образования и социально-классовой структуры, предлагая стратегии преодоления воспроизводства социальных классов в образовании в новое время с точки зрения распределения ресурсов, построения дисциплины, управления образованием и тем самым оптимизируя систему, мы можем способствовать постоянному расширению возможностей получения качественных образовательных ресурсов для малообеспеченных классов и достижению их восходящей мобильности.

Любой социальный порядок должен признавать и решать проблему взаимоотношений между социальными классами, где основными вопросами являются то, как доминирующий класс может сохранить свое нынешнее господство в устойчивой социальной структуре и как обездоленный класс может преодолеть воспроизводство социальных классов. Совершенствование социально-классовой структуры в значительной степени зависит от образования как основополагающего метода повышения человеческого капитала. Однако взаимосвязь между образованием и социально-классовой структурой изменилась под влиянием колоссальных социальных потрясений, произошедших в современный период.

В соответствии со степенью владения социальными ресурсами людей можно разделить на различные социальные классы, и жизнь каждого человека несет на себе отпечаток класса [см.: 111; с. 99]. Т. Парсонс писал: «Образование является основным способом придания индивидам профессиональной квалификации и социальных навыков и одновременно выполняет функцию социальной стратификации и социальной мобильности. Особенно в индустриальных обществах приобретенные индивидом факторы, в центре которых находится элемент образования, имеют решающее значение для достижения восходящей социальной мобильности» [88; с. 127]. П.А. Сорокин также считал, что «в открытых обществах больше возможностей для индивидуальной восходящей классовой мобильности, в отличие от закрытых обществ, где границы между различными классами закреплены

и меньше возможностей для вертикальной мобильности ... Школы - это социальный лифт для перемещения из низов общества в верхи» [100; с. 260]. Иначе говоря, образование - это путь к достижению восходящей мобильности индивидов. Это утверждение иллюстрирует важную роль образования в социальной стратификации и социальной мобильности, а социальный класс - это ресурсы или престиж индивида по отношению к другим. Некоторые ученые также анализировали функцию социальной мобильности образования с точки зрения гетерогенных групп и пришли к выводу, что образование существенно влияет на приобретение индивидом социального статуса среди различных гендерных или возрастных групп.

С древних времен в Китае существовала образовательная идеология «быть ученым значит быть чиновником», «быть ученым в поле, а вечером быть ученым в зале Неба» и т.д. «Система императорских экзаменов в древнем Китае служила каналом и средством достижения восходящей мобильности для детей из низших слоев общества», согласно анализу и исследованию этой взаимосвязи, проведенному Пань Гуанданем и Фэй Сяотуном в 1940-х годах [85; с. 11]. «Высшее образование является важным фактором, способствующим развитию карьеры, что напрямую связано с продвижением человека по карьерной лестнице после вхождения в общество», - пишет Лю Цзинмин, обнаруживший «весьма значительную связь между уровнем диплома и возможностями людей войти в средний и старший классы "белых воротничков" в обществе» [72; с. 22]. Согласно исследованиям Лу Сюэи и его коллеги, «посвященным взаимосвязи образования и профессионального статуса при первом трудоустройстве, лица с более высоким уровнем образования имеют относительно более высокий профессиональный статус на тот момент, и это явление существовало всегда, независимо от исторических периодов». По мнению Цзун Хао, «более высокий уровень образования связан с большими социальными ресурсами, возможностями для восходящей мобильности и повышенной вероятностью повышения своего социального положения» [116; с. 122]. Чжао Синь указывает, что «расширение доступа к высшему образованию усиливает индивидуальные возможности членов общества и повышает их шансы на продвижение по социальной шкале» [121; с. 27-28]. Ли Ваньянь в своем исследовании роли образования по различным направлениям межпоколенной мобильности предположил, что «образование вносит существенный вклад в межпоколенную восходящую или

нисходящую мобильность профессионального статуса» [48; с. 62] [114; с. 63]. Чжоу Синь обнаружил, что «образование значительно снижает вероятность нисходящей мобильности поколений и повышает вероятность восходящей» [137; с. 366].

Сплоченность и исключительность групп, имеющих общие условия образования или разделяющих общую культуру, - все это факторы процесса социальной стратификации, которые способствуют различным условиям образования, необходимым для достижения определенного профессионального статуса, или конфликту между различными группами идентичности в борьбе за выгодные ресурсы [см.: 119; с. 135]. Сам термин «воспроизводство» является экономическим понятием. По словам К. Маркса, «всякое общество, если в нем часть продукта не будет постоянно перерабатываться в средства производства или новые факторы производства, не сможет продолжать производить, то есть не сможет воспроизводиться» [82; с. 519]. Понятие воспроизводства социальных классов является социологическим. Социологический подход определяет воспроизводство социальных классов как процесс накопления капитала и передачи классовых привилегий от поколения к поколению. По мнению Коллинза, «общество - это арена, на которой различные группы интересов вступают в борьбу друг с другом за богатство, власть и престиж, а образование - это важный инструмент, используемый каждой группой для реализации своих интересов, так что характер школьного образования в значительной степени обусловлен различными группами идентичности» [54; с. 1]. Такие исследователи, как Чжан Мин, продемонстрировали, что «доступ к образованию зависит от социально-экономического уровня семьи» [123; с. 19]. Согласно исследованию Лю Цзинмина, «образование для выживания и престижное образование демонстрируют относительное преимущество привилегированного класса, которое имеет тенденцию к снижению и повышению, соответственно» [73; с. 161]. Кроме того, Ли Чуньлин проиллюстрировала «культурное воспроизводство» того, как семейное происхождение влияет на возможности получения образования, утверждая, что «культурный капитал оказывает кумулятивное воздействие на образование и социализацию, что, в свою очередь, способствует развитию социально-экономического статуса человека» [61; с. 55].

Все вышеупомянутые ученые утверждают, что существует значительное неравенство в доступе к образованию, что в определенной степени социальный статус доминирующего класса передается из поколения в поколение через институт образования и что, поскольку представители доминирующего класса часто являются самыми крупными бенефициарами высококачественных образовательных ресурсов, образование становится инерционным механизмом для сохранения существующего состояния дел.

В докладе на XIX съезде КПК председатель партии Си Цзиньпин отметил, что рыночный социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, и главным социальным противоречием на данном этапе является противоречие между растущими потребностями людей в лучшей жизни и несбалансированным и недостаточным развитием. В связи с бурным развитием новых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей, и изменением концепции социальной занятости появляются новые отрасли и новые профессиональные группы, а также новый тип рабочей силы, тесно связанный с новыми технологиями и отличающийся от традиционных отраслей. Новые отрасли предоставляют людям больше возможностей для выбора занятости, способствуют реструктуризации экономики и социально-классовой мобильности и в то же время выдвигают новые требования к трудовым навыкам и развитию человеческого капитала работников.

В августе 2021 года под председательством председателя Си Цзиньпина состоялась 10-я конференция Центральной финансово-экономической комиссии, посвященная вопросам прочного роста общего благосостояния. Рост группы со средним уровнем дохода и формирование современной социально-классовой структуры, движущей силой которой является квалифицированный и образованный рабочий класс, являются важными символами и факторами, способствующими всеобщему процветанию. Средний класс является мощной силой, обеспечивающей социальную стабильность и мирный рост. Однако только менее 30% граждан Китая имеют зарплату среднего класса, и до формирования «оливковой» социально-классовой структуры еще далеко. Продвижение интересов всех социальных классов часто оказывается игрой с нулевой суммой, не приносящей взаимной выгоды, из-за различий во владении ресурсами, а продвижение интересов доминирующего класса

часто происходит за счет ущемления разумных интересов обездоленного класса [см.: 109; с. 88].

Глубокая вовлеченность власти и капитала в современную классовую мобильность усугубила подрыв справедливости привилегиями, что привело к определенной степени «закрытости» и «застывания» классовой структуры Китая, а проблема воспроизводства социальных классов стала более заметной [см.: 76; с. 109]. Поэтому образование должно быть более эффективным для увеличения доли групп со средним уровнем дохода, преодоления отчуждения социально-классовой структуры в новое время [см.: 16; с. 43], преодоления предвестников воспроизводства социальных классов и достижения цели всеобщего процветания для всех людей.

Из 293 млн студентов, обучающихся сейчас в китайских университетах, менее 20% - выходцы из сельских и слаборазвитых районов, причем около 60% из них поступают по программе самосовершенствования и национальной специальной программе. Если бы не национальная специальная программа, то среди студентов Университета Цинхуа количество выходцев из сельской местности не превышало бы 10%. В последние годы доля сельских студентов в Пекинском университете снизилась примерно до 20% по сравнению с 1980-ми - серединой 1990-х годов, когда она постоянно превышала 30%. В 2020 году сельские школьники составляли 54,6% от общего числа школьников в стране, однако в Пекинском университете обучалось менее 20% сельских студентов, что составляет 45,4% от общего числа школьников. Напротив, Пекинский университет посещают более 80% городских студентов, а вероятность того, что городской студент поступит в Пекинский университет, гораздо выше, чем у сельского [см.: 75; с. 19]. Сложность процесса и неопределенность результатов образования, а также неравномерное распределение доступа к образованию между различными слоями населения способствуют серьезному социальному расслоению. В результате образование во многом является основой воспроизводства существующей социальной стратификации в китайском обществе.

2.2. Современное состояние образовательного неравенства в КНР в контексте географических (региональных) различий, разницы в доходах и различий университетов

С началом XXI века китайские ученые и китайское общество в целом уделяют большое внимание вопросу образования детей из малообеспеченных семей. С этим напрямую связаны расширение масштабов высшего образования в конце 1990-х годов, а также реформа и открытие Китая в конце 1970-х годов. Дети из малообеспеченных сельских семей называются в Китае *«скромными студентами»*, и в научных исследованиях особое внимание уделяется их образовательным возможностям, доступу к школьному образованию и социальной мобильности. Взаимоотношения между государством, обществом и личностью в результате реформ и открытости существенно изменились в двух ключевых областях. Государство и общество стали уделять значительное внимание вопросам выживания групп, представленных низшим классом, и возможностям индивидуальной социальной мобильности. Во-первых, изменились социальная структура и социальная стратификация - от изначальной «двух классов и одной страты» до современной десятистратовой структуры китайского общества [см.: 66; с. 57]. Во-вторых, в обществе, условия и перспективы жизни в котором обуславливаются наличием диплома о высшем образовании, по мере развития экзаменационной системы и академических стандартов, академическая эффективность постепенно сменяется эгалитаризмом, различия в обеспеченности ресурсами увеличивают разрыв между образовательными возможностями, доступными детям из разных семей. Возможности получения высшего образования при классовом разрыве также демонстрируют тенденцию к расширению [см.: 144; с. 22]. Наконец, в социальном плане, дети из нижней части социального класса, находятся в неблагоприятном положении, а достижение восходящей социальной мобильности является сложной задачей.

Чтобы проиллюстрировать проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди из неблагополучных семей при получении образования и социальной мобильности, сетевые СМИ сегодня часто опираются на реальные случаи из жизни и поднимают шум вокруг «образования и социального расслоения» с помощью «умных»

заголовков, таких как обсуждение «решателей задач из маленького городка⁵», «классовых путешественников⁶» и других групп. Дискуссия о «классовых путешественниках» и «решателях задач из маленького города» описывает барьеры на пути к образованию и социальной мобильности, с которыми сталкиваются молодые люди из малообеспеченных слоев населения. Социальный феномен, описываемый фразой «бедной семье трудно произвести на свет благородных детей» углубляется и расширяется, что не только усиливает осознание обществом социального расслоения и вызывает раздражение по причине невозможности его изменить, но и повышает социальную напряженность. «Подготовка к успеху⁷, стремление в известные школы, выбор жилья в школьных районах⁸» – все это не для детей из семей из низших классов. Представления о «бесполезности учебы⁹» все еще распространены во многих бедных районах страны.

Словарь современного китайского языка определяет «ханьмэнь» как бедную и скромную семью. Китайские специалисты иногда называют молодежь из сельских

⁵ «Решатель задач из маленького городка»: изначально это звучало как своего рода самоуничижение. Те, кто окончил престижные школы, недовольны своей нынешней жизнью ("я не умею делать ничего другого, кроме решения задач; в любых других аспектах не хорош"), потому что в Китае вступительный экзамен в колледж предполагает решение большого количества однотипных задач и похожих типов вопросов). В настоящее время термин "решатели проблем из маленького городка" скорее отражает типичное состояние современной молодежи: ни капитала, ни биографии, ни статуса. Рожденные в сельской местности или небольших городах, окончившие или обучающиеся в известных университетах - единственное, что они могут делать, - это прикладывать неустанные усилия. [см.: 135; с. 73].

⁶ «Классовые путешественники» (передвигающиеся из одного социального класса в другой): суть классовых путешественников состоит в социальной мобильности, что конкретно относится к детям из бедных семей, которые добились восходящей мобильности благодаря собственным усилиям по изменению идентичности и принадлежности к классу. Но пока сохраняются различные связи с семьей происхождения, комплекс неполноценности и неуверенность в душе будут оказывать большое влияние. Классовые путешественники обычно имеют сильную мотивацию, но после достижения ближайших целей они переживают растерянность и неопределенность из-за отсутствия культурного капитала в семье происхождения и социального опыта. В результате одна из основных характеристик этой группы людей – это ощущение раскола между своим изначальным классом и целевым классом восходящей мобильности [см.: 118; с. 7].

⁷ «Подготовка к успеху»: это аббревиатура, означающая движение к совершенству, приобретение хороших привычек и развитие лучших качеств.

⁸ Жилье в школьных районах: это дома для проживания, расположенные рядом с «хорошей» школой. В Китае хорошие школы обычно имеют строгую политику приема и высокое качество образовательных ресурсов, поэтому многие родители хотят отправить своих детей именно в такие школы. Чтобы увеличить шансы на поступление своих детей в престижную школу, многие родители предпочитают покупать недвижимость в школьной зоне.

Преимущество покупки недвижимости в школьной зоне заключается в том, что у учеников, живущих в школьной зоне, больше шансов быть зачисленными в хорошую школу по соседству, которая может предоставить лучшие образовательные ресурсы и возможности развития для их детей. Кроме того, недвижимость в школьной зоне обычно имеет более высокую стоимость и окупаемость, поскольку репутация и спрос на хорошие школы приводят к росту цен на недвижимость.

⁹ «Бесполезность учебы»: речь идет о ряде негативных установок и взглядов на образование, знание, обучение, которых придерживаются определенные люди или группы людей при оценке социальных явлений в силу их сложности и по причине их непонимания.

регионов «ханьмэньскими учеными», учитывая социально-экономические реалии современного Китая [см.: 110; с. 38]. Эта характеристика подразумевает, что социальная реальность неравномерного распределения ресурсов в условиях разрыва между городом и деревней обусловливается сельским происхождением и является побочным продуктом системы регистрации домохозяйств. Сегодня ставится задача уделять больше внимания истории каждой конкретной семьи, а не только ее физическому местоположению. Важно более внимательно изучать реальные характеристики каждой семьи, включая такие моменты, как ее структура, этническая принадлежность, доход, культура родителей [см.: 74; с. 83] [см.: 142; с. 59]. Четкое определение понятия «скромные (т.е. малообеспеченные) школьники» необходимо в связи с географическими различиями в сельской местности Китая и поляризацией обеспеченных и бедных слоев сельского общества на фоне социального развития страны. Также точное определение термина «малообеспеченные студенты» позволяет понять первоначальный замысел политики приема малообеспеченных студентов, известной как «национальная специальная программа», «специальная программа для колледжей и университетов», «местная специальная программа». Под «бедными студентами» обычно понимают «детей фермеров» [см.: 85; с. 12] и «первое поколение студентов колледжа» [см.: 11; с. 101]. В настоящей работе под «студентами из бедных семей» имеются в виду студенты из сельских семей, испытывающие большие экономические трудности.

В настоящее время проводимыми эмпирическими исследованиями установлено, что большинство «студентов из бедных семей» поступают в местные колледжи и университеты. Поступление в ведущие национальные колледжи и университеты для них затруднено. Это является одной из основных проблем доступа к образованию для «студентов из бедных семей» (в сравнении с представителями благополучных классов). Кроме того, при поступлении в престижные школы и университеты они по-прежнему испытывают трудности, связанные со сменой идентичности, что является «скрытым вредом», который наносит людям классовое разделение [см.: 140; с. 31]. Многие «скромные студенты», поступившие в престижные школы и вузы, у которых есть перспективы, но нет будущего. Как положение «скромной семьи» влияет на возможности получения образования и доступ к нему молодых людей из низших слоев общества в современном Китае, переживающем рост высшего

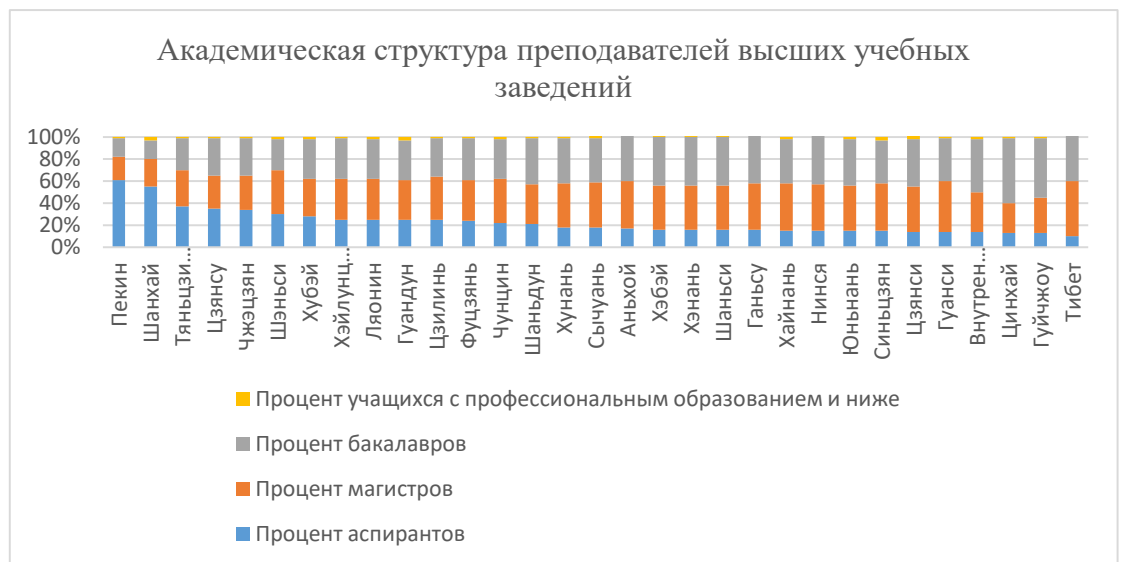
образования? В следующих разделах диссертации эта тема будет проанализирована и рассмотрена с точки зрения географических (региональных) факторов, разрыва в уровне благосостояния семей/родителей, а также различий самих университетов.

1. Географические (региональные) различия: неравный доступ в «хорошие университеты» для городских и сельских учеников

Разрыв между городом и деревней, дисбаланс между распределением образовательных ресурсов и присущим им экономическим и культурным развитием лежат в основе различий в стартовых точках индивидуального образования в зависимости от территориального распределения. Для людей с самым низким социальным положением субъективное желание получить высшее образование ниже, чем реальная возможность, как отмечает П. Бурдьё в работе «Наследники, студенты и культура» [см.: 86; с. 6]. Китайские исследователи также установили, что «более низкие образовательные достижения родителей в семьях низшего класса являются основной причиной культурных особенностей низшего класса» [9; с. 188], например, «более низкие образовательные устремления родителей в отношении своих детей по сравнению с городскими семьями» [145; с. 83]. В сельских культурах Китая в переходный период происходит распад традиционных семейных структур, наблюдается значительная миграция молодежи из трудовых коллективов, в результате чего многие дети остаются без присмотра, будучи еще совсем маленькими. Пробелы в семейном воспитании детей обусловлены низким уровнем образования старших и отсутствием отцовства или материнства. Некоторые подростки в результате недостатка воспитания и руководства со стороны старших не контролируют свое поведение с точки зрения морали, что повышает вероятность совершения ими преступлений и отчисления из школы. Одним из ключевых факторов здесь является «демонстрационный эффект», который оказывает воспитание детей из низших социальных слоев на других подростков. Очевидны различия между городскими и сельскими школами по количеству и качеству образования: «социальная структура Китая состоит из дуалистической системы городских и сельских районов. Китайский "дуализм города и деревни" относится не только к двойной экономической структуре городских и сельских районов, но и к двойной социальной структуре городских и сельских районов, что также отражает двойственность отношений между городом и деревней, когда сельские районы

находятся в подчинении у городов» [129; с. 47]. Дуальная система города и села приводит к дисбалансу в экономическом развитии, а миграция учителей в города вызывает приток в городские школы сельских педагогов с высоким уровнем преподавания и хорошими деловыми качествами, даже из менее развитых городов в развитые. При этом качество обучения в сельских школах может быть не гарантировано. На рисунке 4 показаны различия в академической структуре преподавателей университетов в 31 регионе Китая. Чем выше доля высокообразованных преподавателей, тем более развит регион и тем более он привлекателен для притока талантов [см.: 30].

Диаграмма 4. Региональные различия в академической структуре преподавателей вузов

Как показано на диаграмме 4, регионами с самой высокой долей докторов наук среди преподавателей китайских университетов являются Пекин, Шанхай и Тяньцзинь.

Если при поддержке семейного экономического капитала сельские семьи смогут помочь учащимся обрести самостоятельность в выборе школы и выбрать школы с хорошим качеством преподавания, то в реальности очень немногие сельские семьи способны помочь своим детям в выборе школы, и большинство сельских школьников в период обязательного обучения попадают в ближайшую школу.

Выражение «один шаг, чтобы догнать, один шаг, чтобы перегнать¹⁰» означает, что качество школы, которую ребенок посещает в настоящее время, напрямую влияет на качество последующей ступени школы, которую он сможет посещать. Кроме того, пространственные ограничения, накладываемые на сельских детей системой регистрации домохозяйств, затрудняют принятие ими решений о качественных образовательных ресурсах, стимулируя дальнейшее погружение в трясину социальной инерции. В современном «обществе дипломов¹¹» диплом «хорошего университета», помимо признака высокой одаренности, может означать богатство, социальное положение и культурный капитал. «Хороший» вуз - это что-то вроде покупки билета в первый класс для длительной поездки, а «плохой» вуз подобен билету для поездки стоя. Двойственная социально-экономическая структура города и села объективно привела к тому, что на протяжении всего процесса модернизации Китая в развитии образования наблюдались ярко выраженные различия между городом и деревней. В последнее время произошел качественный сдвиг в развитии сельского образования, существенно обновилось как материальное, так и программное обеспечение сельских образовательных учреждений. Но при этом надо иметь в виду, что сельское образование по-прежнему остается самым слабым звеном в развитии образования в Китае, а разрыв между сельским и городским образованием все еще достаточно велик. В качестве примера можно привести вступительные экзамены в колледжи: каждый год большинство лучших студентов приезжают из города, а детям из села становится все труднее поступить в «хорошие» учебные заведения.

Отсталость сельского образования не преодолена, несмотря на всеобщее введение обязательного образования, которое дало толчок его развитию. Поскольку

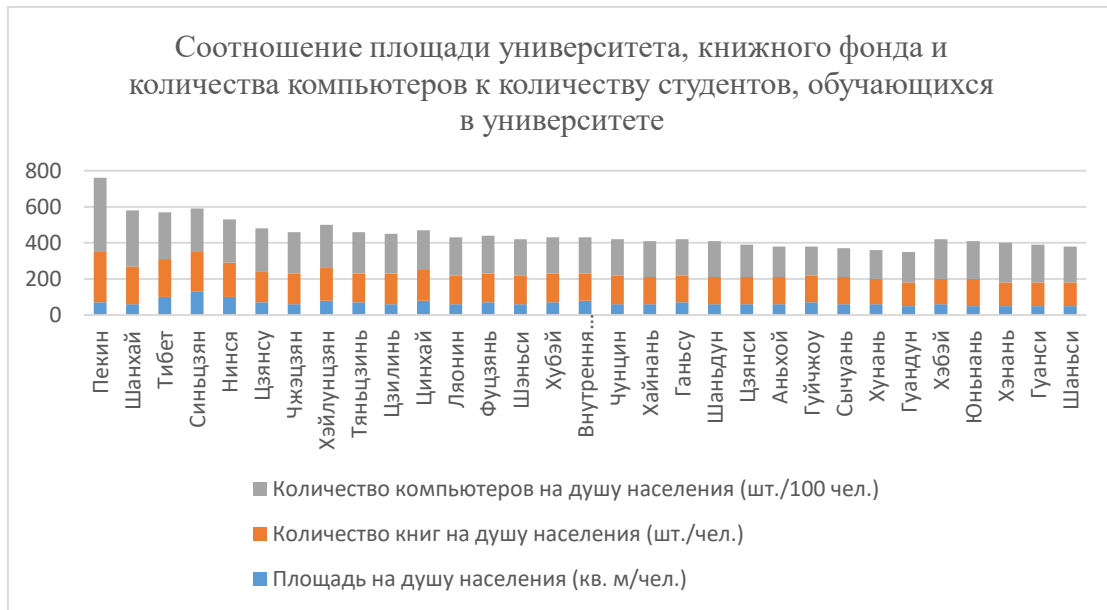
¹⁰ Один шаг, чтобы догнать, один шаг, чтобы перегнать: это пословица. В ней говорится о том, что если вы отстали на решающем этапе, то никогда не сможете наверстать упущенное и впадете в пассивность.

¹¹ Дипломное общество: это общество, в котором академическая квалификация является единственным критерием оценки людей. В современном Китае в связи с резким увеличением числа студентов университетов, обладателей магистерских и докторских степеней с начала XXI века соискатели работы вынуждены получать высокий уровень образования, чтобы сделать лучшую карьеру и занять более высокий социальный статус, что постепенно сформировало тенденцию к получению академических квалификаций и дипломов. Поскольку академическая квалификация определяет профессию, статус, отношение, продвижение по службе, оценку и социальные отношения, у людей сформировалась такая концепция: уровень академической квалификации = уровень социального статуса = уровень ценности человека. Эта концепция привела к тому, что люди отчаянно стремятся получить высокую академическую квалификацию и поступить в престижные университеты, что привело к несоответствию между требованиями людей при поступлении, возможностями школ и объективными потребностями общества в талантливых людях, а также повлияло на школьное образование на всех уровнях и во всех типах образования.

высшее образование стало доступным для всех, все больше сельских ребят «перепрыгивают порог фермы¹²» и поступают в вузы. В результате поступление в хороший университет становится все более и более сложной проблемой [см.: 133; с. 3]. Рост числа колледжей и университетов дал детям из малообеспеченных семей возможность учиться в колледже, но не увеличил их шансы на получение качественного высшего образования. Даже наоборот: чем больше возможностей они имеют, тем труднее их достичь [см.: 71; с. 120]. Общеизвестно, что существует значительная разница в уровне и качестве образования между городскими и сельскими районами, причем городские школы имеют лучшие учебные материалы и преподавателей более высокого уровня, а сельские отстают от мегаполисов в плане компьютерного и программного обеспечения [см.: 109; с. 88]. На диаграмме 5 показаны различия в распределении активов колледжей и университетов в 31 регионе Китая [см.: 41]. В качестве показателей для измерения различий в распределении активов колледжей и университетов используются соотношения площади колледжей и университетов, количества книг и компьютеров к количеству студентов в колледжах и университетах в каждом регионе. Чем больше это соотношение, тем выше уровень обеспеченности университетов в регионе, тем лучше материально-техническая база университетов в регионе; чем меньше это соотношение, тем ниже уровень обеспеченности университетов в регионе, тем хуже материально-техническая база университетов в регионе. Общее качество обучения сельских школьников, как правило, не столь высокое, как у городских. Сельские дети в конкурентной борьбе за семейный культурный капитал находятся в явно невыгодном положении, большинству «бедных студентов» остается только прилагать больше усилий, чтобы получить доступ к тем же возможностям получения высшего образования. Однако в эпоху растущих инвестиций в образование недостаток семейного культурного капитала и ограничение усилий собственными силами приводят к тому, что многим сельским детям просто не под силу поступить в колледж или успешно сдать вступительные экзамены для поступления в «хороший университет».

¹² Перепрыгивать порог фермы: Это означает, что дети из сельской местности, которые усердно учатся, будут приняты в идеальный университет, а когда они преуспеют в учебе, они успешно «выскочат за ворота фермы», и родители надеются, что их дети смогут успешно избавиться от статуса фермеров.

Диаграмма 5. Региональные различия в распределении активов в системе высшего образования

Как показано на диаграмме 5, регионы с наибольшим распределением университетских активов - Пекин, Шанхай и Тибет, а регионы с наименьшим распределением университетских активов - Сычуань, Гуандун и Хунань.

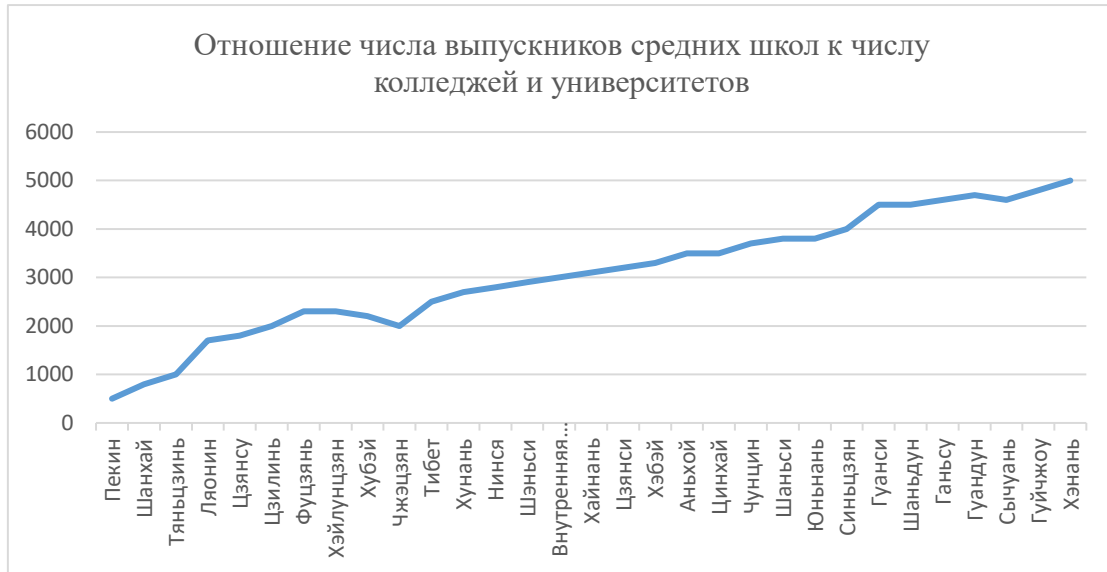
Сегодня существует реальная проблема сложности доступа к качественному высшему образованию для учеников из менее развитых регионов. Согласно общественной оценке, лучшими («вдвойне первоклассными») до 2021 г. признавались только 137 колледжей и университетов. В 2022 г. их число возросло до 147, однако общее количество колледжей и университетов все еще недостаточно. Предложение высококачественного высшего образования пока не соответствует растущему спросу. Ресурсы высококлассного высшего образования распределены сконцентрированы в основном в Пекине, Цзянсу, Чжецзяне, Шанхае и других экономически развитых регионах. Это ставит в невыгодное положение колледжи и университеты «вдвойне первого класса» в экономически слаборазвитых регионах. В 2022 году министерства образования, финансов и Национальная комиссия по развитию и реформам объявили о создании новых «вдвойне первоклассных» колледжей и университетов, которые в основном будут располагаться в Гуандуне, Шанхае, Нанкине и других крупных городах. Исторически сложилось так, что большая часть ресурсов высококачественного высшего образования в стране направлялась в восточный прибрежный регион, что привело к значительному региональному неравенству в развитии высшего образования между центральными

и западными регионами и восточным прибрежным регионом. Это неравенство продолжает увеличиваться с течением времени [см.: 103; с. 54]. Кроме того, поскольку в Китае применяется стратегия «локализованного¹³» приема в высшие учебные заведения, дети, родившиеся в экономически благополучных восточных регионах, где имеется достаточно ресурсов для получения качественного высшего образования, имеют больше возможностей для получения высшего образования высокого уровня. Дети же из менее развитых районов центра и запада страны не имеют доступа к той же доле высококачественных образовательных ресурсов, и их ожидания в отношении качественного высшего образования трудно реализовать. В результате они могут лишь «с нетерпением ожидать приема в знаменитые школы или университеты¹⁴». На диаграмме 6 показаны различия в ресурсах высшего образования между 31 регионом Китая [см.: 41]. Соотношение числа выпускников средних школ и числа высших учебных заведений в каждом регионе в 2022 году используется в качестве показателя различий в ресурсах высшего образования в данном регионе. Чем меньше это соотношение, тем больше местных ресурсов высшего образования, которыми пользуются выпускники средних школ региона, и тем более богаты ресурсы высшего образования в регионе. И наоборот, чем больше это соотношение, тем меньше местных ресурсов высшего образования, которыми пользуются выпускники средних школ региона, и тем более скудны ресурсы высшего образования в регионе.

¹³ «Локализованный»: здесь: привязанный к локальной (региональной) территории.

¹⁴ «С нетерпением ожидать приема в знаменитые школы или университеты»: это просто продолжение китайской идиомы «смотреть и вздыхать», которая первоначально означала сетование на собственную незначительность перед великими вещами. Сейчас оно часто используется как метафора для обозначения того, что не под силу или не по силам человеку, и ощущения беспомощности. «С нетерпением ожидать приема в знаменитые школы или университеты» означает, что человек может только смотреть на знаменитый университет, но чувствовать себя беспомощным, потому что не может учиться в нем по собственным причинам или другим факторам.

Диаграмма 6. Региональные различия в ресурсах высшего образования

Как показано на диаграмме 6, самыми богатыми ресурсами высшего образования в Китае являются Пекин, Шанхай и Тяньцзинь, а районами с наименьшими ресурсами высшего образования - Хэнань, Гуйчжоу и Сычуань.

Мы уже указывали, что «в современном китайском обществе наличие местного хукоу не считается преимуществом, а напротив - препятствием» [130; с. 175]. Географические факторы изменить невозможно, а политические перекосы усугубляют неравные преимущества всех слоев общества в распределении образовательных ресурсов, тем более что объективное противоречие между спросом и предложением в сфере образования усиливает напряженность в борьбе за ресурсы, делает развитие высшего образования более восприимчивым к вторжению и влиянию капитала и еще более усугубляет неблагоприятное положение студентов из менее развитых регионов в конкуренции за образовательный выбор.

2. Разница в доходах семьи/родителей.

По мере того, как высшее образование переходит в стадию универсализации и возможности людей получить высшее образование значительно увеличиваются, влияние таланта и усилий на получение образования относительно снижается, а значение таких факторов, как культурный капитал и возможности семьи в распределении ресурсов для получения высококачественного высшего образования растет с каждым днем [см.: 10; с. 7]. Термин «высококачественное высшее образование» означает, во-первых, высшее образование высокого стандарта (учебные заведения, предлагающие такой тип образования, обычно строятся по

стандартам «дважды первоклассные»); во-вторых, это высшее образование *особого* стандарта (учебные заведения, предлагающие такой стандарт, обычно являются колледжами и университетами, обладающими отличительными особенностями). Оба вида колледжей считаются «хорошими университетами» на рынке высшего образования с точки зрения трудоустройства. Все университеты в Китае делятся на пять категорий, включая и так называемые «хорошие университеты». Независимо от того, окончили ли они так называемый «хороший университет» или обычный университет, существуют значительные различия в квалификации, полученной детьми из городских и сельских районов. Подробнее см. таблицы 1 и 2 [см.: 40].

Таблица 1. Различия между сельскими и городскими районами в образовательном профиле выпускников университетов

	Город	Село
Профессиональное обучение	19.8%	34.3%
Бакалавриат	69.0%	58.0%
Академическая магистратура	6.5%	5.0%
Профессиональная степень магистратуры	3.4%	2.2%
Аспирантура	1.2%	0.5%

Таблица 2. Различия между городскими и сельскими территориями в форме учебного заведения для выпускников высших учебных заведений

	Город	Село
Университеты, входящие в проекты 985 и 211	36.7%	18.3%
Обычные программы бакалавриата	40.7%	43.1%
Профессиональные колледжи	15.2%	30.4%
Учебные заведения, создаваемые на средства населения	3.6%	6.6%
Независимые колледжи и университеты	3.7%	1.5%

Из таблиц 1 и 2 видно, что существует значимая разница между выпускниками городских и сельских колледжей с точки зрения академических результатов. Тип

выпускающего учебного заведения и образовательный статус выпускников городских колледжей значительно выше, чем у выпускников сельских колледжей.

С точки зрения экономических возможностей, уровня образования родителей и социального положения - бедные и богатые - семьи заметно отличаются друг от друга, если смотреть на конкурс при поступлении в вуз. В результате дети из бедных семей и дети из богатых семей получают разные результаты в борьбе за образование. Количество денег, которые семья тратит на обучение, зависит от ее материального положения, и дети из благополучных семей тратят гораздо больше, чем дети из более бедных. Социальные связи коррелируют с уровнем образования родителей и их социальным положением. Сильные социальные ресурсы предоставляют молодым людям дополнительные возможности для выбора качественного высшего образования, а также способствуют приобретению значительных образовательных ресурсов. Еще одним важным компонентом повышения отдачи от образования является участие родителей в образовании своих детей. Родители с высоким уровнем образования лучше понимают интересы своих детей и более целенаправленно вкладываются в их развитие. Это позволяет детям всесторонне развиваться, формировать более сильные навыки обучения и сдачи тестов. Это дает им преимущество на вступительных экзаменах в колледж, повышает их шансы на поступление в «качественные» и «специальные» вузы. Для детей из малообеспеченных семей очень важно улучшать свои способности сдачи тестов и обучения. Для детей из семей с низким достатком вступительные экзамены в вуз - это «одноколейный путь» в высший класс, без которого поступление в один из вузов невозможно. В случае неудачи дальнейшее продвижение будет весьма проблематичным. Следует подчеркнуть, что поступление в «хороший университет» сегодня определяется не только культурными достижениями, продемонстрированными на вступительных экзаменах, но и многими другими факторами. Учитываются также занятия спортом и искусством. Дети из обеспеченных семей используют имеющиеся у них ресурсы и связи, чтобы выбрать спортивную или художественную специальность в лучшем университете. Они также имеют больше возможностей для социальной практики и стажировок, что позволяет воплотить серьезный культурный капитал семьи в высококласное образование для своих детей. «Дети бедных» с самого начала образовательного соревнования

оказываются в невыгодном положении, поскольку эти экономически неблагополучные семьи не в состоянии повысить общее качество образования детей, обеспечивая при этом их базовые образовательные потребности [см.: 14; с. 61].

Безусловно, дети из малообеспеченных семей обладают такими чертами, как трудолюбие, настойчивость и другими положительными качествами. Однако в сфере высшего образования эти положительные черты утрачивают свою первоначальную зависимость от окружающей среды, что затрудняет дальнейшее достижение детьми из бедных семей более высокого уровня финансового успеха. Детям из низких социально-экономических слоев будет значительно труднее конкурировать со своими одноклассниками из более обеспеченных семей даже после более чем десяти лет усердной учебы. Очевидная разница между городскими и сельскими студентами еще более очевидна в плане трудоустройства после колледжа, как показано на рисунках 7, 8, которые иллюстрируют различия в трудоустройстве между выпускниками городских и сельских колледжей по двум параметрам - стартовой зарплате выпускников колледжей и удовлетворенности работой - на основе данных CGSS Общего социального опроса Китая 2017 года [см.: 40]. Что касается удовлетворенности работой, то здесь выделяются пять градаций. «очень доволен», «доволен», «средне», «недоволен» и «очень недоволен», что соответствует баллам 5, 4, 3, 2, 1.

Диаграмма 7. Различия между городскими и сельскими районами в стартовых зарплатах выпускников университетов

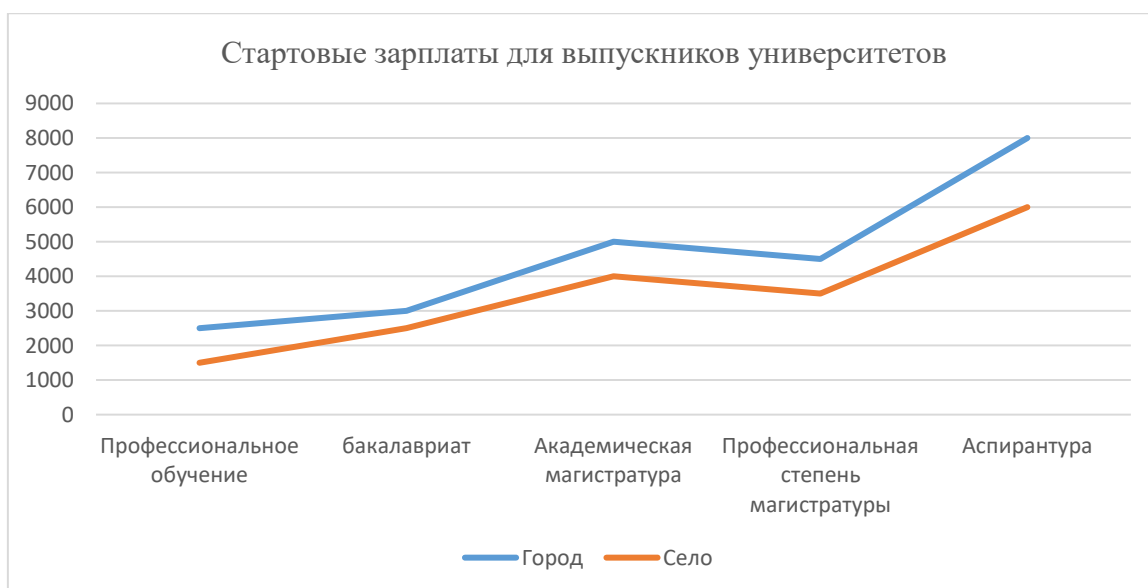
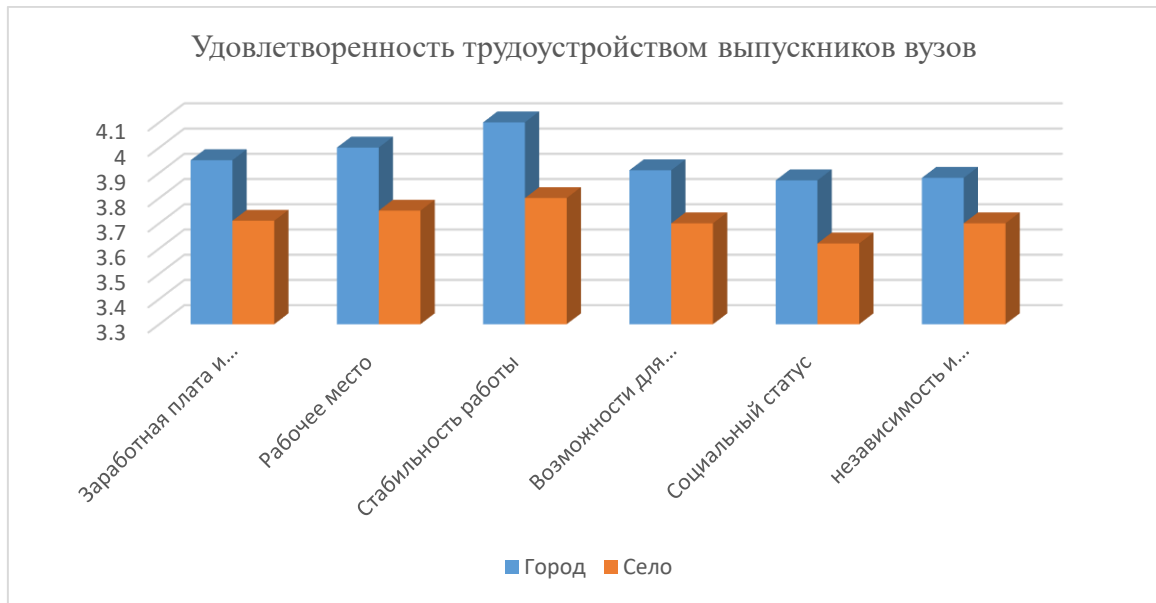

Диаграмма 8. Различия между городскими и сельскими районами в удовлетворенности трудоустройством выпускников колледжей

Результаты исследования показывают, что при одинаковом уровне образования стартовая зарплата выпускников сельских колледжей значительно ниже, чем у выпускников городских колледжей, а удовлетворенность работой у выпускников сельских колледжей ниже, чем у выпускников городских колледжей, по всем параметрам.

3. Различия университетов.

Большинство школьников из малообеспеченных семей не имеют возможности «изменить свою судьбу через получение образования» после окончания средней школы и поступления в «хорошие» вузы и вынуждены по многим причинам вливаться в общество уже в юном возрасте. Некоторые дети из малообеспеченных семей поступают в вузы и техникумы для развития своих профессиональных способностей. Несмотря на позитивный взгляд на будущее профессионального образования, многие студенты, тем не менее, сталкиваются с трудностями социального продвижения. Однако это неизбежный результат развития высшего образования, и им по-прежнему трудно поступить в ведущие академические университеты. Лишь некоторые исключительные, трудолюбивые дети из семей низшего класса поступают в университеты и осуществляют свою мечту о высшем образовании. Несмотря на то что массовая модель образования, как правило, повышает уровень образования для всех, а инфляция дипломов делает выражение «студенты повсюду» привычным, обеспеченные дети из семей среднего класса по-

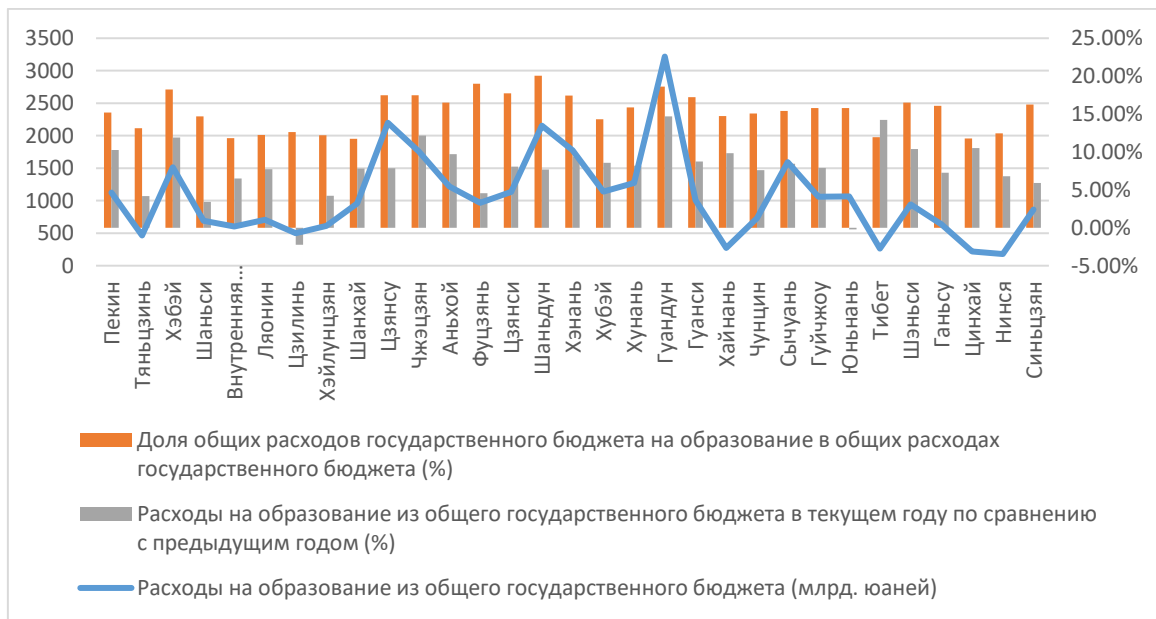
прежнему составляют большинство учащихся в элитных школах [см.: 152; с. 1671]. Несмотря на то, что в 2011-2015 гг. они составляли 70-75%¹⁵ всех студентов вузов, только 3,37% «студентов первого поколения¹⁶» обучались в учебных заведениях «985 проекта», 8,59% - в «проекта 211», а 45,58% - в местных колледжах и университетах [см.: 138; с. 37]. Развитие новой «теории бесполезности учебы» на этапе массового образования, дальнейшая инфляция дипломов о высшем образовании усилили обеспокоенность семей низшего класса относительно инвестиций в образование, а также породили ощущение несправедливости при его получении. В результате наличия соответствующих культурных символов, таких как диплом престижного учебного заведения и яркий стиль взаимодействия с окружающими, в большей степени соответствующий предпочтениям рекрутеров, социальная мобильность человека через диплом об образовании оказалась связанной с его происхождением и качеством резюме в обществе дипломированных специалистов. Таким образом, несмотря на то, что все большее число молодых людей из низших социальных слоев получают высшее образование, им по-прежнему сложно продвигаться по социальной шкале используя ресурс образования.

Проблема образовательного неравенства в Китае чаще всего отражается в несбалансированном распределении образовательных ресурсов, что более точно можно проиллюстрировать, используя в качестве отправной точки финансовые инвестиции в образование в разных регионах. На диаграммах 9-12 приведены официальные данные «Статистических ежегодников Китая» за период 2019-2022 гг. по 31 крупной провинции, автономным районам и муниципалитетам, находящимся в непосредственном подчинении центрального правительства (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), из данных «Статистики расходов на национальное образование» [см.: 161]: Диаграмма 9 [см.: 162], Диаграмма 10 [см.: 163], Диаграмма 11 [см.: 164], Диаграмма 12 [см.: 165]

¹⁵ Данные получены в рамках проекта «China College Student Survey (CCSS)» под руководством профессора Ши Цзинхуана из Высшей школы образования Университета Циньхуа.

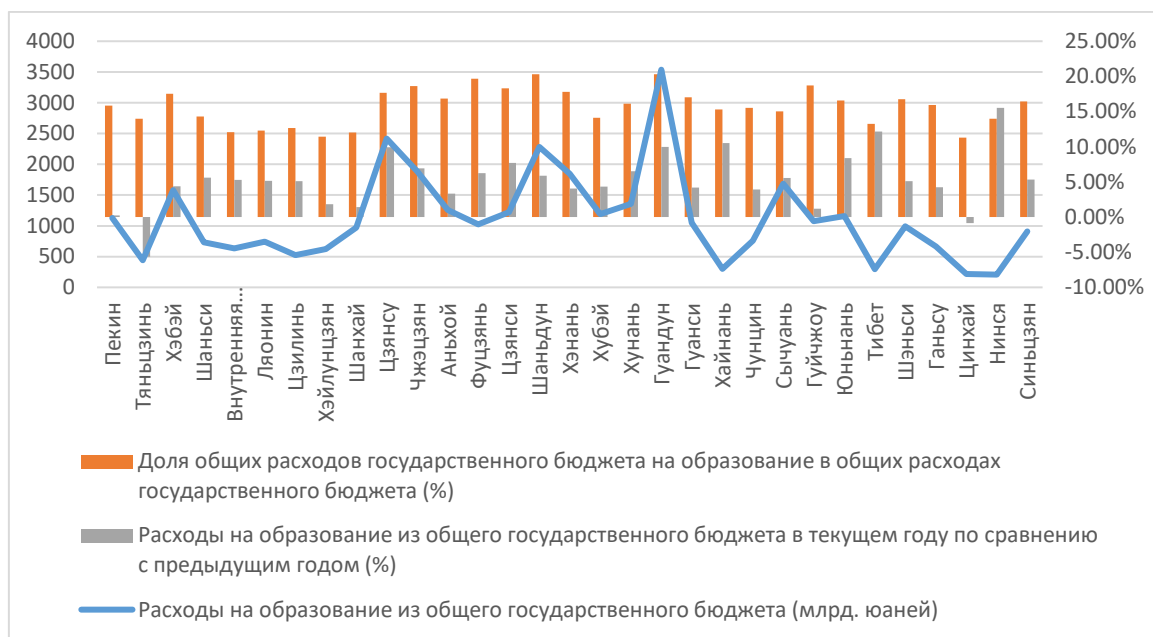
¹⁶«Студент первого поколения»: это первый человек в семье, который посещает университет.

Диаграмма 9. Общий государственный бюджет: Финансирование образования в 2019 г.

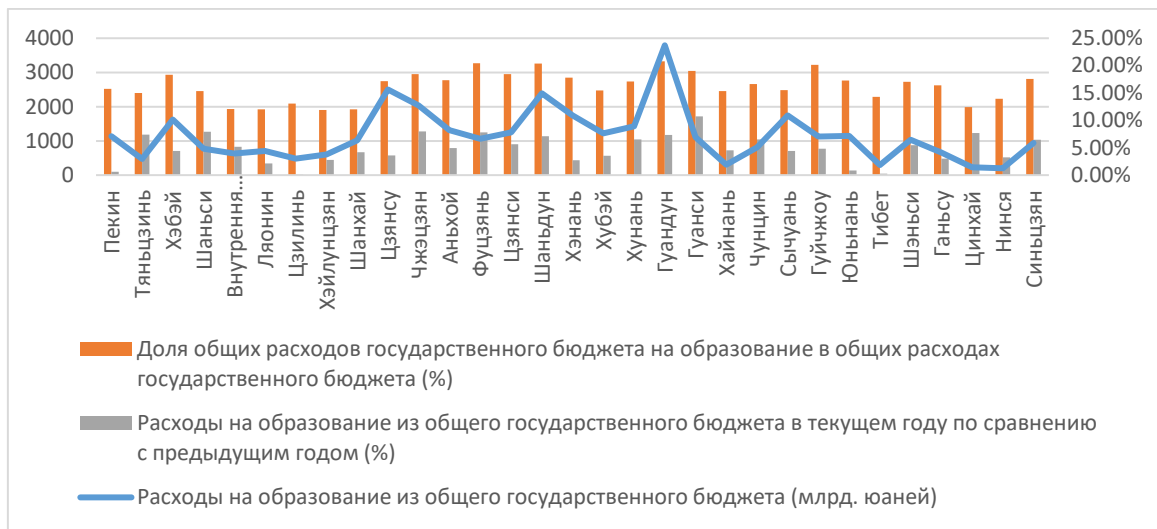
Согласно диаграмме 9, Муниципалитеты, находящиеся в непосредственном подчинении центрального правительства, и некоторые крупные образовательные провинции вкладывают в образование больше средств, чем подавляющее большинство провинций Китая. В северном регионе финансовые вложения муниципалитетов Пекина и Тяньцзиня почти такие же, как у всей провинции Хэбэй; а совокупность финансовых вложений трех северо-восточных провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин даже не сравнимы с финансовыми вложениями одной из южных провинций, Чжэцзян или Цзянсу. На севере выделяются провинции Шаньдун и Хэнань, но из-за большого количества населения и большого числа университетов фактические средние финансовые вложения каждого города уровня префектуры несопоставимы с такими городами, как Пекин или Тяньцзинь.

Диаграмма 10. Общий государственный бюджет: Финансирование образования в 2020 г.

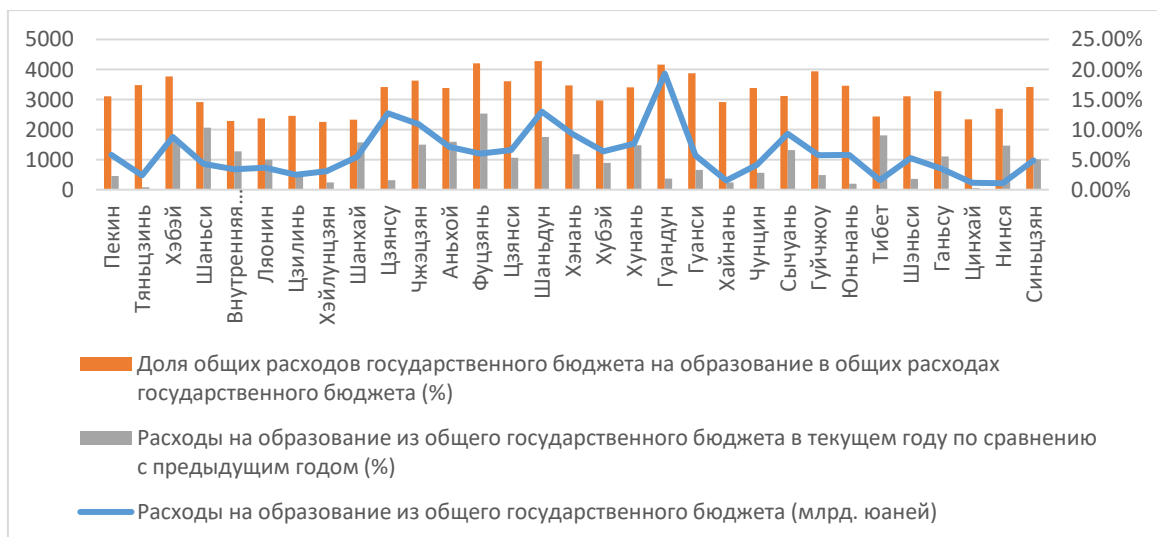
В Китае пять автономных районов, все четыре из которых, за исключением Гуанси-Чжуанского автономного района, расположены на севере и северо-западе страны. Из этих четырех автономных районов совокупность бюджетных расходов на образование лишь немного превышает аналогичный показатель Гуанси-Чжуанского автономного района из-за включения в него Синьцзяна, что поддерживается государственной политикой. В графе "Расходы на образование из общего государственного бюджета в текущем году по сравнению с предыдущим годом", по сравнению с 4,2% в Гуанси, Тибет составляет 12,26%, а Нинся - 15,53%, разница составляет около 10%, что сильно подчеркивает дисбаланс в расходах на образование и несбалансированное распределение образовательных ресурсов между различными регионами.

Диаграмма 11. Общий государственный бюджет: Финансирование образования в 2021 г.

Согласно диаграмме 11, несмотря на принадлежность к одному и тому же региону, финансовые расходы на образование также сильно различаются из-за разной политики распределения образовательных ресурсов. В южном регионе провинции Хайнань и Гуандун разделяет только пролив Цюньчжоу, но в трехлетней статистической таблице за 2019-2021 годы финансовые расходы на образование в провинции Гуандун в 10 раз больше, чем в провинции Хайнань. Провинции Шаньдун и Ляонин, расположенные в восточном прибрежном регионе и на севере Китая, разделяет только Бохайское море, но финансовые расходы провинции Шаньдун на образование почти в три раза превышают расходы провинции Ляонин.

Диаграмма 12. Общий государственный бюджет: Финансирование образования в 2022 г.

Если рассматривать общий государственный бюджет на образование по регионам в 2022 году, то Гуандун, Цзянсу и Шаньдун занимают три первых места, выделяя на эти цели более 250 млрд юаней. Двенадцать провинций и два муниципалитета, непосредственно подчиняющиеся центральному правительству, включая Чжэцзян, Хэнань, Сычуань, Хэбэй, Хунань, Аньхой, Цзянси, Хубэй, Юньнань, Пекин, Гуйчжоу, Гуанси, Фуцзянь, Шанхай и Шэньси, потратят от 100 до 200 миллиардов юаней. Из перечисленных регионов, за исключением Шаньдуна, Хэнани, Хэбэя, Шэньси и Пекина, остальные расположены в южной и восточной частях Китая, Шаньдун, Хэнань и Хэбэй с их многочисленным населением и большим количеством колледжей и университетов также оказались гораздо менее эффективными с точки зрения фактического эффекта от финансовых инвестиций в образование, чем другие регионы. Неудивительно, что муниципалитеты Пекина и Шанхая, в силу своего особого положения в Китае (политические и культурные центры, а также центры экономического притяжения), тратят на образование больше.

Из приведенных выше четырех диаграмм 9-12 видно, что текущее распределение образовательных ресурсов в Китае можно представить, используя в качестве отправной точки национальные расходы на образование. Общая картина представляет собой дисбаланс между Востоком и Западом, между Севером и Югом, между регионами, поддерживаемыми национальной политикой, и другими регионами, а также между мегаразвитыми городами и другими городами, что в целом можно охарактеризовать как неравенство между территориями. Конечно, неравномерное распределение образовательных ресурсов между регионами анализируется не только на макроуровне страны, но и с точки зрения платы, взимаемой разными университетами в разных регионах за обучение по разным специальностям, а также с точки зрения расходов на повседневную жизнь студентов. В таблице ниже представлены тарифы для представительных провинций и городов, а также представительных профессий в 2023 году [см.: 30] [см.: 165] [см.:166] (см. Табл. 3):

Таблица 3: Оплата обучения в университетах и по разным специальностям в репрезентативных провинциях/городах в 2023г.

Провинция/город	Текущие цены на обучение
Шанхай	<p>17 апреля 2023 года Шанхайская муниципальная организация провела оптимизацию государственных колледжей и университетов по формированию механизма платных слушаний, чтобы скорректировать базовые стандарты платного обучения для гуманитарных наук до не более чем 6500 юаней/студент - учебный год, научно-технических и физических классов базовые стандарты платного обучения до не более чем 7000 юаней/студент - учебный год, медицинских базовые стандарты платного обучения до не более чем 7400 юаней/студент - учебный год, искусства базовые стандарты платного обучения до не более чем 13000 юаней/студент, учебный год, искусства базовые стандарты платного обучения до не более чем 13000 юаней/студент, учебный год, искусство базовых стандартов платного обучения. Средняя стоимость обучения в государственных колледжах и университетах корректируется с 5 420 юаней/студент, учебный год, до 7 215 юаней/студент, учебный год, с коэффициентом корректировки около 33%. После корректировки расходы на оплату обучения для новых студентов увеличились, и в среднем дополнительные расходы составят около 1 795 юаней на одного студента за учебный год (за два семестра). Новую политику оплаты предлагается ввести в действие с осеннего учебного года 2023 года.</p>
Цзилинь	<p>17 марта 2023 года провинция Цзилинь выпустила Уведомление о структурной корректировке платы за обучение студентов государственных общеобразовательных колледжей и университетов</p>

	<p>провинции Цзилинь, в котором структурно скорректированы стандарты платы за обучение и определен верхний предел базовой платы за обучение, который составляет 4600 юаней для гуманитарных наук, 4800 юаней для общественных наук, 5000 юаней для естественных наук, сельского хозяйства и физического воспитания, 5400 юаней для инженерных наук и 5600 юаней для медицинских наук на одного студента в течение учебного года и поддержка и стыковка "вдвойне первый класс" строительства, в базовой основе обучения, Министерство высшего образования обучение вверх не более чем на 15 процентов, национальных и провинциальных первого класса профессионального обучения может быть увеличена не более чем на 10 процентов.</p>
Сычуань	<p>18 января 2023 года Комиссия по развитию и реформам провинции Сычуань опубликовала объявление о слушаниях по корректировке стандарта оплаты обучения в государственных колледжах и университетах провинции Сычуань (2-е), в котором предлагается скорректировать стандарт оплаты обучения в гуманитарных, естественных и медицинских вузах с осеннего учебного года 2023 года и далее. После корректировки стоимость обучения в гуманитарных вузах составит 4800 юаней за год, в естественных и инженерных вузах - 5200 юаней за год (оба показателя увеличены на 1100 юаней); в медицинских вузах - 5800 юаней за год (800 юаней за год для клинической медицины, 1700 юаней за год для неклинической медицины); в медицинских вузах - 5800 юаней за год. Год, неклиническая медицина увеличилась на 1700 юаней/студент - год).</p>

<p><i>Шаньси</i></p>	<p><i>В августе 2022 года Комиссия по развитию и реформам провинции Шэньси, Департамент финансов провинции, Департамент образования провинции и Провинциальное управление по надзору за рынком объявили пункты и стандарты платы и сборов для обычных колледжей и университетов на осень 2022 года в провинции Шэньси. В частности, плата за обучение для государственных студентов дневного отделения (студенты, зачисленные в 2021 класс и последующие учебные годы) составляет 5 000 юаней за учебный год для специальностей гуманитарного профиля, 6 000 юаней за учебный год для специальностей естественно-научного и инженерного профиля, 6 500 юаней за учебный год для специальностей медицинского профиля, 11 000 юаней за учебный год для специальностей теоретического искусства, 14 000 юаней за учебный год для специальностей практического искусства. Плата за обучение на соответствующих специальностях в некоторых школах может быть увеличена максимум на 7-10% на основе вышеуказанных стандартов для тех же специальностей.</i></p>
<p><i>Шаньдун</i></p>	<p><i>В августе 2022 года Комиссия по развитию и реформам провинции Шаньдун, Департамент финансов провинции и Департамент образования совместно выпустили «Уведомление об уточнении стандартов оплаты обучения в высших учебных заведениях», в котором уточняются базовые стандарты оплаты обучения для бакалавров, колледжей и университетов на каждого студента за учебный год: 4 000 юаней для специальностей по литературе, праву, истории, философии и образованию, 4 500 юаней для специальностей по естественным наукам, инженерному делу, агрономии, экономике, менеджменту, а также для</i></p>

	<p><i>специальностей по физической культуре и спорту. 4 500 юаней, 5 400 юаней для магистров медицины, 8 000 юаней для магистров искусства в нехудожественных колледжах и университетах (6 000 юаней для магистров теории искусства и других магистров, зачисленных в соответствии с категориями искусства). Новые тарифы на обучение вступили в силу с 1 сентября 2022 года.</i></p>
<i>Аньхой</i>	<p><i>В июле 2021 года Комиссия по развитию и реформам провинции Аньхой, Департамент финансов провинции Аньхой, Департамент образования провинции Аньхой выпустили документ о корректировке стандартов обучения студентов государственных обычных колледжей и университетов провинции Аньхой, после корректировки новый стандарт делится на стандарты обучения в колледжах университетского класса и стандарты обучения в колледжах университетского класса. Например, в колледжах и университетах университетского класса: 4900 юаней на студента за академический год для гуманитарных наук, 5200 юаней на студента за академический год для естественных наук, 5500 юаней на студента за академический год для медицины, 8000 юаней на студента за академический год для искусства. Университет Аньхой - 5000 юаней за учебный год на гуманитарных специальностях, 5400 юаней за учебный год на естественных науках; Университет науки и техники Китая, Хэфэйский технологический университет, общепрофессиональные специальности - 5500 юаней за учебный год.</i></p>
<i>Ляонин</i>	<p><i>В марте 2021 года Комиссия по развитию и реформам провинции Ляонин, Департамент финансов провинции и Департамент образования провинции совместно выпустили Уведомление о корректировке политики</i></p>

	<p><i>обучения студентов государственных общеобразовательных колледжей и университетов провинции, в котором оптимизировали структуру обучения студентов государственных общеобразовательных колледжей и университетов по четырем категориям: искусство, история, наука и техника, медицина и искусство, и определили верхний предел стандарта обучения для каждого студента на учебный год следующим образом: искусство, история, наука и техника, медицина без права присвоения степени магистра - 4 400 юаней, 4 900 юаней и 5 200 юаней для искусств, истории, науки и медицины и 4 800 юаней, 5 200 юаней и 5 500 юаней для колледжей и университетов, имеющих право присваивать степень магистра (включая экспериментальные подразделения); плата за обучение искусству определяется в соответствии с действующим стандартом платы за обучение в размере 10 000 юаней (6 000 юаней для теории искусства).</i></p>
<p><i>Хэнань</i></p>	<p><i>В июне 2020 года Комиссия по развитию и реформам провинции Хэнань, Департамент финансов провинции и Департамент образования провинции совместно выпустили Уведомление о корректировке стандартов платы за обучение в государственных общеобразовательных колледжах и университетах, в котором разъясняется, что с нового учебного года осенью 2020 года будет введен новый стандарт платы за обучение для новых студентов, зачисленных в государственные общеобразовательные колледжи и университеты. Конкретные стандарты корректируются следующим образом: бакалавриат гуманитарных и естественных наук - 4400 юаней на студента в год; естественные и инженерные науки - 5000</i></p>

	<p>юаней на студента в год; медицинский класс - 5500 юаней на студента в год; художественный класс - 8000 юаней на студента в год. В то же время были соответствующим образом расширены полномочия колледжей и университетов по установлению независимых цен, что позволило колледжам и университетам самостоятельно определять стандарты обучения в пределах установленного диапазона.</p>
<p><i>Хэбэй</i></p>	<p><i>В июле 2018 года провинция Хэбэй реформировала механизм формирования платы за обучение в государственных общеобразовательных колледжах и университетах. Соответствующим образом был скорректирован стандарт платы за обучение студентов. Он составил: 4600 юаней на студента в год для художественных и научных категорий, 4900 юаней на студента в год для естественных наук и 5200 юаней на студента в год для медицины. Искусство и спорт - 8000 юаней на студента в год.</i></p>
<p><i>Пять автономных районов Китая</i></p>	<p><i>Средняя стоимость обучения в колледжах и университетах автономного района Внутренняя Монголия составляет 3000-3500/студент за учебного года; Гуанси-Чжуанский автономный район, средняя стоимость обучения в колледжах и университетах региона составляет 3200-4500/студент за учебного года; Нинся-Хуэйский автономный район, средняя стоимость обучения в колледжах и университетах региона 3000/студент за учебного года; Синьцзян-Уйгурский автономный район, средняя стоимость обучения в колледжах и университетах региона 3500/студент за учебного года. (Поскольку в Тибетском автономном районе всего четыре высших учебных заведения общего профиля, одно из которых расположено в городе Сяньян</i></p>

	<i>провинции Шэньси и не является репрезентативным, оно не было включено в сферу охвата.)</i>
--	---

Из-за различия в географическом положении и уровне экономического развития стандарты платы за обучение в провинциях, муниципалитетах, автономных районах некоторых колледжах и университетах не совпадают. С 2018 по 2023 год ряд провинций выпустили документы о корректировке стандартов платы за обучение в колледжах и университетах своих провинций. Колледжи и университеты Аньхой, Хэнань, Шаньдун, Шэньси, Ляонин и многих других провинций объявили о повышении платы за обучение, в основном от 20 до 35 %. Понятно, что одним из основных различий между государственными и частными колледжами и университетами является уровень оплаты. Плата за обучение в государственных колледжах и университетах значительно ниже, чем в частных, и поэтому привлекает большое количество кандидатов в борьбе за места в государственных вузах. Из текущей сводки о размерах платы за обучение в государственных колледжах и университетах видно, что в большинстве колледжей и университетов общий размер платы за обучение в основном колеблется между 5000-6000 юанями. В то же время уровень платы за обучение на таких направлениях, как искусство, спорт и т.п., значительно выше и верхний предел может составлять более 100 000 юаней - то есть существует широкий диапазон цен за обучение в разных колледжах и университетах и на разных направлениях подготовки. Что касается платы за обучение в государственных колледжах и университетах различных провинций, то в Ляонине, Внутренней Монголии, Синьцзяне, Цзилине, Хэнане и других, расположенных на севере и западе Китая, она относительно невысока. Оплата проживания в большинстве государственных колледжей и университетов плата варьируется в пределах 500-1500 юаней за одного студента за учебный год. В Китае плата за обучение в университетах взимается по учебным годам: студенту обычно приходится готовить 5000-8000 юаней на год, а тем, кто учится на творческих или спортивных специальностях - от 8000 до 15000 юаней. Плата за обучение в университете обычно включает в себя стоимость обучения и проживания. Кроме того, необходимо учитывать ежедневные расходы (питание, проезд и т.п.), которые обычно составляют от 1000 до 2000 юаней в месяц. Если ребенок более бережлив, то, не считая летних и зимних каникул, годовые расходы на проживание

практически совпадают с платой за обучение, которая составляет около 5000-8000 юаней. Таким образом, для обучения в обычном университете потребуется 10000-15000 юаней в год. Но это только базовые расходы. Например, если университет находится в мегаполисе – таком, как Пекин, Шанхай или новом городе первого уровня, таком, как Чэнду, Сиань – этой суммы может хватить на лишь на пару месяцев.

2.3. Социальные барьеры в системе образования и образовательной политике Китая

Наряду с отмеченными выше такими факторами образовательного неравенства в Китае, как неравенство между регионами страны, неравенство в доходах населения и неравенство в распределении образовательных ресурсов, необходимо отметить и наличие ряда социальных барьеров, препятствующих обеспечению равных возможностей доступа к качественному образованию. К таковым относятся: недостаток необходимого семейного культурного капитала, ухудшение образовательной ситуации для выходцев из бедных семей, в том числе при зачислении в учебные заведения.

1. Культура семейного происхождения: отсутствие изначальных преимуществ у студентов из бедных семей

В своей «теории культурного капитала» П. Бурдьё утверждает, что, поскольку накопленный отцами культурный капитал может быть немедленно трансформирован в образовательные достижения детей, семья как первичная среда производства культурного капитала оказывает непосредственное влияние на образовательный рост детей. Прежде всего, образовательный уровень родителей влияет на траекторию образования детей и определяет, чего ожидает от образования детей вся семья и какие обязательства она берет на себя. Если родители имеют высокий уровень образования, они демонстрируют высокие ожидания, предъявляют высокие требования к образованию своих детей и готовы делать предварительные инвестиции в образование. Кроме того, они находятся под влиянием семейного воспитания и имеют прочную мировоззренческую основу. Поэтому даже если дети из семей, относящихся к высшему классу, менее способны, чем их родители, они все равно могут использовать культурный капитал, накопленный отцами, для поиска путей своего развития.

В отличие от них, родители из бедных семей, как правило, менее образованы, они не способны увидеть за образованием возможности для развития. Они не осознают, что образование - это инвестиции «одной книги на миллион прибыли¹⁷». В их сознании еще смутно присутствуют идеи мелких фермеров, не понимающих того, что инвестиции в образование могут приносить хорошие плоды. В таких семьях, в силу реального положения дел, прежде всего преследуются сиюминутные интересы, а поскольку в отношении образования детей не существует достаточных ожиданий и долгосрочных планов, то создать благоприятную среду для обучения детей бывает непросто.

Кроме того, на культурный капитал детей влияют взгляды их родителей на образование. Некоторые родители из экономически неблагополучных семей не могут обеспечить эффективное образование своих детей, поскольку зачастую не имеют правильных образовательных представлений и обучают своих детей архаичными методами. В результате они не только не могут дать детям разумные наставления, но и могут способствовать потере у них интереса к учебе. Некоторые родители даже придерживаются представлений о «бесполезности учебы», ограничивая возможности своих детей посещать школу в надежде на то, что они как можно скорее вольются в трудовую жизнь и начнут зарабатывать деньги для поддержания семьи. В то же время отсутствие у родителей доступа к современным знаниям не позволяет им идти в ногу со временем, что также может препятствовать их эффективному взаимодействию с детьми.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что важнейшим компонентом культурного капитала является благоприятное семейное окружение. Интересы и гуманистические взгляды родителей могут оказывать позитивное влияние на их детей в сфере семейного воспитания. Бедным семьям трудно создать для своих детей благоприятную среду обучения, поскольку сами родители не обладают развитыми навыками чтения и необходимым культурным капиталом. Родители являются самыми важными воспитателями, поскольку находятся в постоянном контакте с детьми с момента их появления, а их слова и поступки оказывают значительное влияние на малышей. Родители из малообеспеченных семей ежедневно тратят много

¹⁷ Одна книга на миллион прибыли - китайская идиома, означает вкладывать наименьший капитал в погоне за наибольшей прибылью.

времени и сил на то, чтобы свести концы с концами. В результате им не хватает времени на общение с детьми. Им трудно помогать им выработать у своих детей реальные навыки учебы. По этой причине упускаются лучшие возможности для развития интересов и увлечений у молодого поколения. Тем самым, низкий уровень культурного капитала является реальностью для экономически неблагополучных домохозяйств, что затрудняет формирование у детей стремления к развитию и в конечном итоге препятствует формированию стремлений к восходящей мобильности.

2. Дисбаланс в распределении образовательных ресурсов: ухудшение образовательной ситуации для студентов из бедных семей

Хотя китайское общество обладает большим культурным богатством, далеко не все имеют к нему доступ. Из-за неравенства в количестве культурного капитала, существующего в разных регионах, учащиеся, живущие там, могут иметь совершенно разный образовательный опыт. Во-первых, экономическая неразвитость сегодня является основным фактором, препятствующим развитию образования в слаборазвитых регионах. В результате, учащиеся, живущие в разных регионах, имеют доступ и к разным образовательным ресурсам. С одной стороны, высококачественные образовательные ресурсы и среда в Китае в целом скудны и сосредоточены в экономически развитых регионах. Экономически отсталые территории часто сталкиваются с дефицитом образовательных ресурсов, низким качеством преподавателей, некачественным оборудованием и программным обеспечением школ. С другой стороны, в китайском обществе усилилось расслоение среди низших слоев населения и возникло явление «бедности, вызванной образованием¹⁸», возникающее из-за необходимости тратить средства в условиях конкурентного потребления образовательных услуг. Родители из бедных семей вынуждены участвовать в состязании на получение дипломов, чтобы их дети смогли получить высшее образование. Чтобы устроить ребенка в солидную школу, некоторые родители берут кредиты или заемные средства на аренду (или даже

¹⁸ «Бедность, вызванная образованием» - означает, что расходы на образование членов семьи (как правило, речь идет о высшем образовании) явно превышают возможности семьи, в результате чего фактический уровень жизни семьи оказывается ниже национального стандарта по борьбе с бедностью. На современном этапе бедность в основном не связана с расходами на образование на этапе обязательного образования, а главным образом обусловлена более высокими расходами на образование на уровне средней школы и университета.

покупку) недвижимости в городе, но такие решения весьма рискованны и могут привести к дополнительной финансовой нагрузке на всю семью. Также при нынешней системе образовательного отбора нельзя не учитывать различий в семейном происхождении и культурном капитале. Богатые семьи имеют возможность вырастить несколько поколений хорошо успевающих студентов благодаря своим преимуществам в экономическом развитии, в то время как бедным приходится сталкиваться с жестокой реальностью: «в бедных семьях трудно вырастить благородных детей».

Во-вторых, с точки зрения распределения культурного капитала, образовательная политика достигла переломного момента. Экономически развитые регионы в дополнение к своим экономическим преимуществам получают схожие выгоды и в образовательной практике. В силу доминирования «локализованного» процесса поступления в вузы, а также в связи с тем, что в восточном прибрежном регионе сосредоточено большинство лучших колледжей и институтов страны, студенты этого региона, естественно, имеют доступ к образовательным ресурсам более высокого класса. В прошлом государство также совершало перекося в распределении важных образовательных ресурсов в пользу восточного региона, что привело к существенному неравенству в распределении этих ресурсов между студентами из разных регионов. По сравнению с экономически развитыми регионами, общий объем культурного капитала в отсталых регионах изначально находится в состоянии дефицита, и студенты неизбежно оказываются в невыгодном положении при получении образования. Можно сказать, что отсталые регионы имеют «врожденные изъяны и приобретенные недостатки» с точки зрения обладания и приобретения культурного капитала. При распределении ресурсов государственного образования в Китае предпочтение отдается восточным развитым регионам, что ставит в невыгодное положение современную образовательную базу и преподавательский состав менее развитых регионов [см.: 143; с. 90]. Такой перекося в распределении образовательных ресурсов затрудняет доступ учащихся слаборазвитых регионов к культурному капиталу общества и, как следствие, повышает уровень образовательной отсталости в этих регионах. Кроме того, детям из малообеспеченных семей труднее вырваться из оков своего социального слоя. Для этого необходимо приложить немало усилий.

В настоящее время конфликт между общественным спросом и предложением в сфере образования переходит от структурного конфликта, вызванного дисбалансом и недостаточностью предоставления качественного образования, к дефициту общего предложения. В апреле 2021 года Министерство образования Китая опубликовало отчет о контрольной оценке сбалансированного роста обязательного общего образования в стране в 2020 году. На конец 2020 года, базовое сбалансированное развитие обязательного образования в уездах было реализовано в 26 провинциях и 2 809 уездах, при этом 95,3% от этого количества приходилось на центральные и западные регионы. Проблема несправедливого распределения ресурсов на обязательное образование в Китае остается серьезной до настоящего времени, а существующая социально-классовая система явно воспроизводит сама себя.

Следует подчеркнуть, что, во-первых, различия в экономическом развитии регионов оказывают непосредственное влияние на различия в уровне образования. Согласно статистике Министерства образования, в 2020 году общие расходы на образование в Пекине составили 112,8 млрд. юаней, увеличившись за год на 0,23%, а общие расходы на образование в расчете на одного ученика начальной и средней школы составили 35411 юаня и 63603 юаня соответственно. В то же время в провинции Цинхай общие расходы на образование из государственного бюджета в 2020 году составили 21801 млн. юаней, что на 0,85% меньше, чем в предыдущем году, а расходы на образование из государственного бюджета на одного ученика в начальной и средней школе составили 15646 юаней и 19603 юаней соответственно, что составляет лишь 44% и 30% от общего объема. Расходы на образование младших школьников на душу населения из государственного бюджета составили 15646 юаня и 19603 юаня, всего 44 % и 30 % по сравнению с Пекинским муниципалитетом [см.: 156]. Нетрудно заметить, что в распределении образовательных ресурсов Китая в географическом разрезе все еще существует большой разрыв.

Данные седьмой национальной переписи населения показывают, что в 2020 г. уровень урбанизации постоянного населения Китая достиг 63,89%, при этом ускорение процесса урбанизации и давно сложившаяся в Китае дуальная структура «город – деревня» ускорили перетекание сельской рабочей силы в город. Социальная дилемма «город переполнен, поселки слабы, деревни пусты» усугубила дисбаланс в распределении высококачественных образовательных ресурсов между

городом и деревней. Кроме того, разрыв в распределении качественного образования между школами стал более заметным. За десять лет реализации политики сокращения и слияния школ, начавшейся в мае 2001 г. и завершившейся в сентябре 2012 г., количество начальных и средних школ в сельских районах Китая сократилось вдвое, Образование перестало быть инструментом «изменения судьбы», а проблемы далекого, трудного и дорогого обучения стали кандалами для восходящей мобильности крестьянского класса. В условиях новых социальных изменений «дисбаланс и недостаточность» образовательных ресурсов характеризуют реальную картину происходящего в образовательной сфере.

В июле 2021 г. Генеральная канцелярия ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «Мнения о дальнейшем снижении нагрузки домашних заданий для учащихся обязательного образования и бремени внеклассного обучения» (далее – «двойное сокращение»), а также предметного обучения и воспитания в рамках политики «двойного сокращения» в образовании. Названная политика практически положила конец предметному обучению. Очевидно, что у студентов из семей с большим достатком будет больше возможностей для участия во внеклассном обучении, чем у студентов из семей с меньшим достатком, и у них будет больше возможностей для выбора. Неравенство образовательных возможностей и разрыв между учащимися из неблагополучных и привилегированных классов неизбежно будут увеличиваться, если все большее число родителей будет обращаться к внешкольным консультациям, что приведет к сокращению или даже отказу от школьного образования. Таким образом, качественные образовательные ресурсы монополизируются богатыми, причем не через «черный ход», а именно в условиях «справедливой» системы образования, когда за деньги можно купить качественные образовательные ресурсы, получить преимущество на всех вступительных экзаменах, поступить в лучшие вузы, создать качественные социальные сети, найти лучшие возможности для получения и продолжения образования. Раскол в воспроизводстве социальных классов - это именно то, что подразумевается под термином «эффект Матфея» в образовании¹⁹. В результате произошедших социальных сдвигов степень дифференциации ресурсов в

¹⁹ «Эффект Матфея»: имеется в виду феномен неравномерного распределения преимуществ, в котором сторона, уже ими обладающая, продолжает их накапливать и приумножать, в то время как другая, изначально ограниченная, оказывается обделена ещё сильнее и, следовательно, имеет меньшие шансы на дальнейший успех. Сам термин был впервые предложен Р. Мертоном.

образовании становится все более очевидной, что также затрудняет полноценное использование роли образования в обеспечении социальной мобильности, когда доминирующий класс монополизирует ресурсы для получения качественного образования.

3. Неравенство в практике зачисления в вузы и отборе талантов: барьеры для продвижения студентов из малообеспеченных семей

Согласно «теории культурного капитала» П. Бурдьё, «академические квалификации и дипломы являются важным институционализированным культурным капиталом» [см.: 79; с. 13], а школа - ключевым местом передачи институционализированного культурного капитала. По словам Бурдьё, преимущества культурного капитала, созданного семьей, «должны быть институционализированы через образование, которое не только укрепляет классовые отношения производства, но и придает легитимность производству и передаче иерархий» [см.: 19; с. 34]. В контексте образования, вклад родителей в культурный капитал семьи оказывает значительное влияние на детей. Культурный капитал, которым обладают родители, играет важную роль в том, что влияет на их детей в современной системе образования, ориентированной на отбор, где каждый вынужден конкурировать за получение диплома. Культурный капитал напрямую связан с материальным благосостоянием и благополучием. Прежде всего, культурный капитал родителей обуславливает возможность выбора школы их детьми. Наиболее распространенным методом приема в школы в Китае в настоящее время является районирование, которое, с одной стороны, представляется справедливым и разумным, но в то же время затрудняет поступление в лучшие школы детей из бедных семей. Семьи со значительным культурным капиталом могут позволить себе потратить много денег на покупку современных школьных девайсов и т.п., могут не только проявить инициативу в выборе качественной школы, но и больше инвестировать, чтобы помочь своим детям понять и реализовать собственные увлечения (что даст ребенку большее преимущество, независимо от того, где он находится в процессе обучения). Семьям же с низким уровнем культурного капитала трудно оплатить высокие расходы на выбор школы; это вынуждает их детей посещать местную районную школу или брать учебники в других учебных заведениях. Дети из малообеспеченных семей оказываются не в

состоянии поступить в хорошие школы и воспользоваться высококачественными образовательными ресурсами вследствие такого неравенства в выборе школы, обусловленного в свою очередь неравенством в культурном капитале семьи. На академическую успеваемость в значительной степени влияет образование, которое ученик получает в школе, и, если успехи на одном этапе обучения недостаточны, то это напрямую скажется на последующих этапах дальнейшего обучения [см.: 115; с. 55]. Дети из малообеспеченных семей не имеют возможности самостоятельно выбрать учебное заведение, им трудно добиться успеха при прохождении практики и устройстве на работу. Студенты из обеспеченных семей пользуются поддержкой своих семей, что помогает им найти больше вариантов работы. Несмотря на то, что способности являются одним из основных факторов, определяющих трудовую деятельность, в некоторых высокооплачиваемых секторах общества для поступления на работу в значительной степени требуется высокий уровень материального благосостояния семьи, что затрудняет доступ к ним детей из бедных и среднеобеспеченных семей.

Неравный доступ к школьному образованию в определенной степени является результатом образовательной политики. Так, несмотря на тенденции урбанизации, сохраняется проблема охвата школьным образованием детей трудящихся-мигрантов. Хотя государство проводит ряд мер по решению этой проблемы, детям трудовых мигрантов по-прежнему сложно претендовать на то же образование, что и детям в городах, и в школах, созданных специально для них. Это связано с высоким уровнем мобильности семей мигрантов и не позволяет большинству их детей, приехавших в города, получить хорошее образование.

Между тем, с момента введения в действие в 1999 году программы расширения университетов высшее образование развивается ускоренными темпами. Согласно «Основным статистическим данным по национальному образованию», в 2022 году в высших учебных заведениях обучалось 46 млн. студентов, а общий коэффициент охвата образованием составил более 60% [см.: 156]. Согласно имеющейся статистике, в Китае насчитывается более 240 млн. человек, получивших высшее образование. По данным Министерства образования, в 2021 году в стране насчитывалось 3,7 млн. кандидатов на получение степени магистра, в то время как в 1990-х годах их число составляло менее 250 тыс. человек. Это свидетельствует о том,

что высшее образование Китая переживает исторический переход от массового к универсальному.

Действительно, все больше детей из бедных слоев населения имеют возможность получить высшее образование, что повышает их шансы на восходящую социальную мобильность и делает возможным успешное преодоление классового разрыва. Активное инвестирование в образование представителей среднего класса и малообеспеченных слоев населения является подтверждением общепринятого мнения о том, что с помощью образования представители этих группы могут увеличить свой капитал, получить преимущество перед конкурентами на рынке труда и совершить социально-классовый скачок за счет повышения уровня доходов и социального статуса. Кроме того, начиная с 1999 года, для детей из неблагополучных семей появилось больше возможностей для поступления в высшие учебные заведения, что дает им возможность конкурировать с выходцами из более обеспеченных слоев. В то же время развитие общества обусловило острую необходимость повышения качества рабочей силы, что привело к существенному расширению сферы образования и значительному росту образовательного сектора. Однако предельная выгода от образования имеет разумные верхние и нижние границы. Например, в Китае в 2003 году количество новых рабочих мест в четыре раза превышало количество выпускников вузов, а в 2020 году - только в 1,36 раза. В результате, прежняя функция диплома об образовании постепенно ослабевает, и это уменьшает возможности представителей низших классов повысить свой статус и преодолеть тенденции воспроизводства своего социального класса. Дети из бедных слоев в процессе роста популярности высшего образования могут оказаться лишь на маргинальной позиции школьного стратификационного порядка, а стратификация высшего образования в условиях новых преобразований приведет к разделению трудового капитала студентов на ряд категорий. В результате получение высшего образования перестает быть для обездоленного класса значимым способом изменить свою судьбу.

Научно-техническая революция радикально изменила способ социально-экономического роста, перейдя от факторного к инновационному, в результате реализации нового сценария, не наблюдавшегося ранее. Это оказало существенное влияние на характер, масштабы и структуру спроса на рабочую силу. Как

сбалансировать несоответствие между спросом и предложением на рынке образования и рынке труда, стало новой задачей образования в новую эпоху. Образование является важным каналом и эффективным звеном предложения на рынке труда, поэтому неизбежно, что оно будет тесно связано с технологическими изменениями и потребностями рынка. Отчет о трудоустройстве студентов китайских колледжей в 2020 г., опубликованный исследовательским институтом McKesson, показал, что в настоящее время наиболее высокооплачиваемыми являются специальности, связанные с компьютерами, электронной информацией и автоматизацией. Традиционные специальности, такие как юриспруденция, филология и другие, превратились в «красные карточки», а статус «зеленых»²⁰ приобрели специальности в области информационной безопасности, программной инженерии, компьютерных наук, цифрового медиаискусства и прикладных технологий Интернета вещей. В последние годы на рынке труда все большим спросом пользуются специалисты в междисциплинарных областях, тогда как в традиционных профессиях, таких, например, как правоведение, издательское дело, бухгалтерский учет и т.п. уровень безработицы растет: потери за последние пять лет составили около 75 млн. рабочих мест.

В то же время такие перспективные области, как разработка программного обеспечения и приложений, аналитика данных, как ожидается, добавят 100 млн. новых рабочих мест к 2035 году [см.: 124; с. 11]. Для того чтобы адаптироваться к потребностям развития рабочей силы в условиях рыночной экономики и не быть снесенной волной технологической революции, трансформация экономической структуры в условиях новых социальных изменений предъявляет повышенные требования к общему развитию личности. Это требует корректировки целей подготовки кадров с «профессионального» на «всесторонний» уровень, а это в свою очередь предполагает смещение акцентов и в практике поиска и развития талантов, начиная со школьной скамьи – от специализации к комплексности.

²⁰ Из «красных карточек» в «зеленые карточки»: под «зеленой карточкой» понимаются специальности с меньшим уровнем безработицы, более высоким уровнем занятости, заработной платы и удовлетворенности трудоустройством, это специальности с растущим спросом на них, причем непрерывность «зеленой карточки» свидетельствует о постоянстве преимуществ трудоустройства на соответствующих специальностях; под «красной карточкой» понимаются специальности с большим уровнем безработицы, более низким уровнем занятости, заработной платы и удовлетворенности трудоустройством.

2.4. Социальные ресурсы решения проблемы образовательного неравенства в современном китайском обществе

В период правления династии Северная Сун (960-1127 гг.) возник феномен *«благородных сыновей из скромных семей»*. Чжан Цянь пишет: причиной его появления было то, что «с одной стороны, в результате политических и образовательных реформ, направленных на разрушение древней социальной структуры богатых и влиятельных слоев населения, учащиеся из бедных семей должны были полагаться на образовательную конкуренцию для обеспечения социальной мобильности; с другой стороны, это было связано с действиями самих бедных студентов, которые добились восходящей мобильности своими собственными усилиями» [135; с. 73]. До появления колледжей и университетов людей, получивших высшее образование, считали и называли «благородными». Получить специальность означало иметь в будущем «железную миску для риса²¹» и возможность питаться «национальной пищей²²», а для студентов из бедных семей – перспективу профессионального роста. После увеличения числа университетов, особенно после того, как высшее образование перешло в стадию массового набора, выпускников вузов и студентов старших курсов перестали считать и называть «благородными детьми». Поскольку государство больше не распределяет в плановом порядке рабочие места, а число выпускников вузов растет с каждым годом, то массовизация высшего образования и рост числа университетов привели к тому, что стало трудно рассчитывать на качественное образование. Как уже указано выше, валовой показатель охвата населения Китая высшим образованием по итогам 2022 г. достиг 59,6%. (для сравнения: в 2019 году этот показатель составлял 51,6%). Значительное число высших профессиональных колледжей и университетов стало доступным для многих старшеклассников без особых усилий. (При этом, в

²¹ «Железная миска для риса»: как следует из названия, сделана из железа, очень твердого, ее невозможно разбить. Люди обычно расширяют значение этих слов, чтобы обозначить, например, стабильную работу, отсутствие беспокойства о доходах и т.п. Долгое время «железная миска для риса» была предметом зависти и устремлений людей: если получить эту чашу, то можно будет питаться, иметь одежду, жить счастливо. А если у человека нет этой «миски», он будет жить в лишениях и не иметь душевного покоя.

²² «Национальная пища»: в буквальном смысле это выражение относится к группе людей, которые получают продовольствие от государства, и, соответственно, - к несельскохозяйственным домохозяйствам. Как только человек получает несельскохозяйственный хукоу, он, как правило, получает работу. Это означает, что у него есть регулярный источник дохода и базовое социальное обеспечение, значит, он может вести стабильную и относительно достойную жизнь. В настоящее время этот термин относится именно к тем участникам системы, которые пользуются финансовой поддержкой государства.

престижных вузах исторически низка доля первокурсников из сельской местности, она гораздо ниже, чем доля сельских жителей в составе населения в целом [см.: 53; с. 86]).

Слова «скромная семья» добавлены к словам «благородный сын» для создания контраста, подчеркивающего трудности, с которыми сталкивается «благородный сын из скромной семьи» в процессах социальной мобильности в городе и сельской местности. В современном Китае, где происходят быстрые изменения и различия между городом и деревней сокращаются, детям из бедной семьи уже не так сложно поступить в колледж и университет, а их самих уже можно называть «благородными сыновьями».

Как «благородному сыну» удастся преодолевать различные институциональные и культурные барьеры в условиях многочисленных неблагоприятных факторов, таких как неравномерное распределение образовательных ресурсов по причине влияния географических факторов и в силу различий высших учебных заведениях?

Различные эмпирические исследования, теоретической основой которых являлась теория культурного воспроизводства П. Бурдьё, показали, что она имеет ограничения применительно к китайским условиям. Так, Ма Хунцзе и коллеги утверждают, что «модель культурного воспроизводства подходит для объяснения нынешней стратификации образования в Китае, но при этом не следует переоценивать роль культурного капитала для академической успеваемости и уровня образования» [153; с. 28]. Они также отмечают, что роль различных типов культурного капитала неодинакова, существуют классовые различия. Также обсуждение концепции культурного воспроизводства в китайском контексте выявило как нюансы взаимосвязи между культурой и образованием, так и теоретические пробелы в представлениях о классовой мобильности для социально незащищенных групп.

Уровень образования «благородных детей из бедных семей» в Китае был предметом многочисленных исследований, большинство из которых преследовали две цели: во-первых, они пытались объяснить, как возникает почему феномен «благородных детей», и, во-вторых, вступали в дискуссию с теорией культурного воспроизводства, пытаясь расширить, частично выйти за рамки, а частично и опровергнуть эту теорию культурного воспроизводства, которая почти достигла

академической гегемонии. В своих работах Ян Чуньхуа предложил концепцию «нематериального культурного капитала», утверждая, что «нематериальный культурный капитал является ключевым фактором в приобретении социального статуса сельскими семьями», и что этот «нематериальный культурный капитал» относится к «'менталитету выживания' через личные усилия или обмен культурным капиталом» [139; с. 361]; Анчао пишет, что «трудовая семья воспитывает в детях уважение к ценности труда как качеству ума, это качество делает детей более адаптированными к современному образованию, подобному марафонским соревнованиям на длинные дистанции» [1; с. 60]; Ху Сюлон считает, что «ядром культурного капитала сельских семей, который обеспечивает сельским школьникам базовую идентичность, является только то обучение, которое помогает обрести ощущение смысла» [112; с. 106]; Чэн Манг выдвинул концепцию «базового культурного капитала» - уникального культурного капитала сельских детей, который является основой их собственной идентичности, являющейся своего рода «телесным культурным капиталом» [119; с. 40].

Многие проведенные китайскими учеными исследования показали, что университетское образование ослабляет эффект влияния семейного окружения [см., напр.: 108; с. 15]. Чжу Яньлун подчеркивает важность микрофакторов в цепочке доступа к высшему образованию, особенно в форме поддержки со стороны представителей разных поколений; при этом механизм действия микрофакторов в основном воплощается в двух стратегиях поддержки семьи – «пополнении капитала» и «самоанализе и эмпатии», которые могут сделать процесс получения образования малообеспеченными студентами более плавным [11; с. 96]. Ван Чжаосинь использует эго-этнографию для объяснения важности культуры и семейной образовательной среды, утверждая, что «чтение и учеба - это путь к индивидуальному успеху и достижениям, а стремление человека к “хорошей жизни” в будущем и обретение семейной идентичности являются важнейшими движущими силами для повышения мобильности и устойчивости личности» [11; с. 27].

Существует довольно много исследований о том, как дети из семей низшего класса поступают и учатся в элитных учебных заведениях. При этом их авторы указывают на то, что «дети из низшего класса продолжают испытывать нежелательные последствия классового разделения даже после поступления в

лучшие университеты» [134; с. 33]. Их родители, как правило, не имеют опыта обучения в университетах, им не хватает знаний и умений, необходимых для элитной университетской культуры, в том числе стиля общения, академических стандартов и т.д. В краткосрочной перспективе они могут просто пережить кризис идентичности, что приведет к формированию низкой самооценки, затворничеству и т.д. Кроме того, по сравнению со сверстниками из семей среднего класса у них, как правило, отсутствуют рациональные планы относительно собственного будущего, а ограниченность кругозора или шаблонность, обусловленная происхождением, мешает им использовать те возможности в школе, которые могут сыграть важную роль в их судьбе. Кроме того, Ли Чуньлинь отмечает, что «они часто испытывают материальные трудности и вынуждены работать, чтобы покрыть свои основные потребности, а это негативно сказывается на их успеваемости» [62: с. 82]. Хотя колледжи предоставляют множество возможностей для получения образования и занятий спортом, эти возможности, тесно связаны с культурными интересами и способностями студентов, а также с их материальным положением. В результате дети из семей низшего класса не могут воспользоваться многими благами, которые дает университет.

Китайское общество в целом придает большое значение образованию. Эта ценность разделяется всеми социальными слоями. С одной стороны, существует традиционная культура уважения к учителям и обучению; с другой стороны, существование системы регистрации домохозяйств так или иначе стимулирует сельских жителей переезжать в город, чтобы включиться в городскую жизнь. Они ожидают, что образование их детей изменит жизнь семьи и приведет к лучшему будущему. Существующая в Китае система вступительных экзаменов в вузы связывает классовую мобильность и отбор талантов в первую очередь со способностью человека конвертировать классовую культуру в баллы, а не с принадлежностью к тому или иному классу. Несмотря на многочисленные недостатки, «гаокао» (всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы) как метод отбора талантов в этом отношении вполне справедлив. Он повышает вероятность продвижения по социальной шкале за счет образования и дает возможность учащимся с низкими доходами приобщиться к культурным ценностям.

Очевидно, что преодоление или, по крайней мере, снижение уровня образовательного неравенства, существующего в современном китайском обществе, требует реализации комплекса практических мер, среди которых особо можно выделить следующие: ориентация на «скромную семью» как инструмент восполнения недостатка семейного культурного капитала; повышение уровня мобильности образовательных ресурсов; усиление политического контроля и взаимодействия с целью прекращения межпоколенческой трансляции образовательной бедности²³; обеспечение взаимосвязи образования и технологий, содействие всестороннему развитию личности через создание новых учебных дисциплин, повышение социального статуса и социальной жизнеспособности обучающихся из малообеспеченных слоев населения; усиление взаимосвязи промышленности и образования в целях обеспечения влияния интеграции профессионального образования и трудовых навыков на процессы социальной мобильности.

1. Ориентация на «скромную семью» как инструмент восполнения недостатка семейного культурного капитала.

Теория культурного капитала указывает на то, что «семья является отправной точкой для передачи культурного капитала, семейное воспитание оказывает глубокое влияние на развитие жизни потомства; для того, чтобы прервать передачу бедности из поколения в поколение, необходимо разорвать круг семейной бедности» [15; с. 106].

Когда страна реализует комплексную борьбу с бедностью и переходит к этапу консолидации результатов этой борьбы, ей необходимо обратить внимание на реальность образовательной бедности. Экономически неблагополучные домохозяйства по ряду причин не обладают достаточным культурным капиталом, это неоспоримо. Государство должно досконально разобраться в образовательных потребностях малообеспеченных семей и предложить им более широкую и качественную образовательную поддержку. Прежде всего, необходимо подойти к вопросу с идеологической точки зрения и помочь родителям из малообеспеченных семей в формировании правильных принципов воспитания. Для того, чтобы

²³ Под «образовательной бедностью» имеется в виду недостаток финансовых средств для покрытия расходов на получение образования

малообеспеченные семьи действительно понимали важность образования и повышали свою осведомленность об образовательной политике помощи бедным, правительство должно усилить пропаганду и продвижение образовательной политики помощи малоимущим, исходя из конкретной ситуации на местах. Кроме того, правительство должно взять на себя инициативу по повышению способности бедных семей принимать эту политику. Это позволит им воспользоваться соответствующими льготами. Оказание помощи малообеспеченным семьям состоит в приобщении к культурному капиталу с помощью различных средств. Несмотря на материальное неблагополучие, бедные обладают особыми культурными ценностями. Например, их детям, как правило, присущи обостренное чувство справедливости, готовность за нее бороться, стремление достичь более высокого материального статуса и т.п. Поэтому родители могут использовать это преимущество, помогая своим детям в реализации внутренних стимулов к учебе. В работе с бедными семьями следует поощрять инициативу по поиску социальных ресурсов, способствующих развитию детей, их духовному воспитанию, формированию установки на рост и позитивное мировоззрение [см.: 141; с. 10].

Наконец, чтобы помочь малообеспеченным семьям улучшить свое материальное положение, необходимо сдерживать рост расходов на образование. Это поможет избежать существенного вытеснения других семейных расходов [см.: 108; с. 19]. Для снижения уровня бедности в сфере образования правительство должно не только увеличивать экономические инвестиции, но и сосредоточиться на наращивании потенциала, улучшить «кровеносную» функцию образования в борьбе с бедностью. Правительство должно сохранить социальную защиту образования для семей с низкими доходами, увеличить субсидии на образование и предложить им финансовую помощь. В то же время государство должно принять долгосрочную программу по искоренению образовательной бедности, ориентированную на расширение возможностей малообеспеченных семей вырваться из бедности и повысить своё благосостояние.

2. Повышение уровня мобильности образовательных ресурсов.

В условиях продолжающейся урбанизации в Китае наблюдаются заметные различия в уровне развития образования в разных регионах, а также городских и сельских районах. В соответствии с идеей культурного капитала, необходимо

создать поток высококлассных образовательных ресурсов и создать систему общего культурного капитала для всего общества. Для этого, во-первых, необходимо устранить «раскол» между городом и деревней, выражающийся в вопиющем неравенстве в распределении образовательных ресурсов внутри дуальной системы «город – село». Только устранение подобных институциональных барьеров может создать возможность развития образования в слаборазвитых регионах. С одной стороны, государству важно увеличить инвестиции в образование в сельской местности и слаборазвитых регионах, покончить с проблемой нехватки образовательных ресурсов и бедностью учителей, а также добиваться устранения различий между городским и сельским образованием. С другой стороны, важно расширить возможности получения высшего образования для студентов этих регионов и сместить «градоцентричную» ориентацию государства. Например, городские школы могут опираться на такие ресурсы, как библиотеки, музеи и культурные центры для разработки высококачественных учебных программ, а сельские школы могут использовать местную географию и локальный культурный капитал. Созданные специальные школьные программы, например, в области гуманитарных наук, можно в конечном итоге использовать в качестве средства для достижения более глубокой интеграции городских и сельских школ [см.: 36; с. 139].

Во-вторых, в настоящее время в Китае внедрена система ротации директоров и учителей, способствующая высокой мобильности культурного и человеческого капитала в системе образования. В «Мнениях о содействии обмену и ротации директоров и учителей в школах обязательного образования на территории уездов (районов)», изданных Министерством финансов КНР в августе 2014 года, четко сказано следующее: «Обмен и ротация директоров и учителей - это важная мера по укреплению дополнительного штата директоров и учителей в сельских школах и слабых школах, по решению проблемы выбора школ, обеспечению справедливости образования и сбалансированного развития обязательного образования» [140; с. 30]. Для повышения качества образования в школе необходима сменяемость директоров и учителей. Активное поощрение этой ротации внутри районов и между городской и сельской местностью способствует сближению культурных особенностей различных школ, взаимопроникновению и устранению культурных барьеров между ними. Это уменьшает неравномерность распределения ресурсов для развития

качественного образования и сокращает разрыв между городскими и сельскими районами с точки зрения конкурентоспособности.

В-третьих, использование стратегии научно-технического развития образования для малообеспеченных слоев населения позволило обедневшим и отсталым районам получить более качественные образовательные ресурсы с помощью информационных технологий. Например, в некоторых учебных заведениях появились первоклассные онлайн-курсы, которые позволяют улучшить учебный материал для студентов из слаборазвитых регионов и в определенной степени восполнить пробел, возникший из-за отсутствия на местах качественных образовательных ресурсов. Соединить студентов с известными преподавателями стало возможным с помощью развитых онлайн-систем и социальных сетей, которые естественно вписывают в повседневную жизнь больших групп студентов образцы преподавания из элитных школ. Технологии могут в определенной степени освободить образование в слаборазвитых регионах от временных и пространственных ограничений, стимулировать приток различных видов высококачественных образовательных ресурсов по всему региону, полностью активизировать образование в слаборазвитых регионах и уменьшить различия в развитии образования в разных регионах. Это безусловно повышает шансы студентов на реализацию своего потенциала.

3. Усиление политического контроля и взаимодействия с целью прекращения межпоколенческой трансляции образовательной бедности.

Для того чтобы обеспечить рост образования в менее развитых регионах, необходимо активно отстаивать разумную и справедливую образовательную политику. Развитие образования в менее развитых регионах тесно связано с общенациональной политикой. Сегодня шансов на получение образования достаточно. Рост образования, как в городских, так и в сельских регионах, упирается в наличие качественных образовательных ресурсов. Богатые и влиятельные семьи могут выбирать для своих детей лучшие школы, в то время как дети из бедных семей не могут позволить себе больших затрат на выбор школы и соответственно не имеют доступа к лучшим образовательным ресурсам. Школы разного уровня имеют четко выраженное классовое деление. Так, в «Основных положениях Национального плана среднесрочной и долгосрочной реформ и развития образования (2010-2020

гг.)» четко прописано, что необходимо отменить создание ключевых школ и классов, сократить разрыв между городскими и сельскими районами центральных и западных регионов по уровню обязательного образования, активно содействовать сбалансированному развитию обязательного образования. «Проведение политики равенства в области образования должно обеспечить органичный приток высококачественных образовательных ресурсов и децентрализованное распределение высококачественных образовательных ресурсов, сократить различия между регионами и школами, а также обеспечить развитие обязательного образования в городах и сельской местности в направлении интеграции» [12: с. 99].

Вторая задача состоит в продолжении и расширении реформы высшего образования. Несмотря на то, что в настоящее время у молодежи появилось несравненно больше возможностей для получения высшего образования, это не уменьшает общего неблагополучия, с которым сталкиваются дети из бедных семей. Государство и сфера образования должны начать с макроуровня общества и жизнедеятельности людей, реформировать систему распределения образовательных ресурсов, усилить борьбу с бедностью и помощь слабым, увеличить материальную и денежную помощь студентам из малообеспеченных семей, установить стипендии, гранты, студенческие займы и другие формы финансовой помощи студентам из малообеспеченных семей. Кроме того, необходимо повысить доступность высококласных образовательных ресурсов, усовершенствовать правила приема в вузы, снизить планку требований для приема детей из малообеспеченных семей.

В-третьих, детям из малообеспеченных слоев населения должны предоставлены возможности для развития и роста. Дети из богатых семей обладают значительным культурным капиталом, способствующим карьерному росту их детей, в отличие от «слабых» детей из бедных семей. На данном этапе все общество должно работать над созданием справедливой среды занятости, причем особое внимание должно уделяться использованию правовых, политических, экономических и других инструментов для контроля рынка занятости во всех аспектах. Улучшение текущей ситуации в сфере занятости должно стать ведущей стратегией. Государство, общество, колледжи и университеты должны совместно работать над увеличением числа возможностей трудоустройства студентов-выпускников из малообеспеченных семей, а также над улучшением их карьерных возможностей с помощью таких

инициатив, как повышение гарантий занятости. Усиление профессионального образования и подготовки особенно важно для повышения трудоспособности студентов из малообеспеченных слоев населения. Государство должно ускорить разработку нормативных актов по борьбе с дискриминацией при трудоустройстве и создать в обществе атмосферу трудового равенства, чтобы положить конец предрассудкам, с которыми сталкиваются студенты из малообеспеченных семей в процессе поиска работы. Для того чтобы дети из малообеспеченных семей имели доступ к справедливым возможностям трудоустройства, необходимо также совершенствовать административные инструменты, средства судебной защиты и общественное сознание в борьбе с дискриминацией при найме на работу.

4. Обеспечение взаимосвязи образования и технологий: содействие всестороннему развитию личности через создание новых учебных дисциплин, повышение социального статуса и социальной жизнеспособности «благородных сынов из скромных семей».

Образование в новую эпоху эволюционирует от «инструментального» к «технологическому», от использования одного учебного инструмента к новому этапу применения информационных приложений для повышения качества образования и всестороннего развития личности. Технологические инновации становятся все более зависимыми от слияния и интеграции различных дисциплин, что повышает потребность в развитии разносторонних талантов. В 2019 году Министерство образования и другие ведомства официально объявили о начале реализации плана 2.0 «Шесть совершенств и одна вершина»²⁴, который предусматривает всестороннее развитие новой инженерной, новой гуманитарной, новой медицинской и новой сельскохозяйственной науки. В декабре 2020 г. Министерство образования объявило о создании в Комитете по академическим степеням Государственного совета при Министерстве образования «междисциплинарных категорий» - «наука и инженерия интегральных схем» и

²⁴ План 2.0 «Шесть совершенств и одна вершина» включает несколько программ: программа «Совершенство в образовании и подготовке инженеров 2.0», программа "Совершенство в образовании и подготовке врачей 2.0", программа "Совершенство в образовании и подготовке талантов в области сельского и лесного хозяйства 2.0", программа "Совершенство в подготовке учителей 2.0", программа "Совершенство в образовании и подготовке талантов в области верховенства закона 2.0", программа "Совершенство в образовании и подготовке талантов в области журналистики и коммуникации 2.0" и программа "Воспитание высококлассных студентов по основным дисциплинам 2.0" [см.: 157].

«национальная безопасность». Тем самым междисциплинарность стала отдельной категорией. Некоторые ученые высказали мнение, что настоятельной необходимостью для высшего образования в нынешних условиях экономического развития становится новая практика подготовки талантливой молодежи в колледжах и университетах, модернизация и трансформация традиционной профессиональной учебной программы. Создание «новых дисциплин» требует значительных усилий и направлено на поддержку целостного развития человека и удовлетворение потребностей в талантах в современную эпоху. Талантливая молодежь - это главный ресурс национального развития и социального прогресса, а также основополагающая сила социальной стабильности.

В июле 2021 г. Министерство образования Китая выпустило «Уведомление об установлении специальностей бакалавриата в общеобразовательных колледжах и университетах на 2021 г.», в котором «требует от компетентных отделов колледжей и университетов усилить руководство, раннее предупреждение и прогнозирование, чтобы избежать большого количества повторяющихся «перегретых» специальностей в одном и том же регионе» [79; с. 14]. Для формирования и обмена ресурсами высококачественного образования между городами и селами, а также между регионами, государство должно координировать работу муниципалитетов по созданию образовательных инновационных сервисных платформ в особо неблагоприятных районах, а также в полной мере использовать агломерационный и побочный эффект высшего образования в центральных и западных регионах страны, особенно в колледжах и «вдвойне первоклассных» университетах.

Необходимо создать все условия для развития высшего образования в центральных и западных регионах страны, ориентируясь на их уникальные потребности, ускоряя развитие «новых дисциплин» и воспитывая таланты, ориентированные на их деятельность в конкретном регионе. Это предполагает создание инновационной сети региональных вузов, совершенствование классификации университетов, максимальное использование взаимодополняющих преимуществ различных типов колледжей и университетов с точки зрения преподавания дисциплин, концентрации талантов и инновационных ресурсов. Требуется более тесная интеграция бизнеса, академической, исследовательской и прикладной деятельности с целью подготовки одаренных специалистов с широким

спектром навыков для удовлетворения спроса. Также требуется создание платформы для стыковки университетов востока и запада, необходима поддержка развития «новых дисциплин» в западных регионах и формирование всесторонне развитой рабочей силы, обладающей как теоретическими, так и прикладными знаниями. Это позволит преодолеть образовательный разрыв в классовом воспроизводстве, эффективно удовлетворить спрос на всесторонне развитые талантливые личности в новую эпоху социальных перемен, повысить трудоспособность и рыночную конкурентоспособность низших классов, а также обеспечить концептуальное руководство для закрепления успехов в борьбе с бедностью в образовании и реализации насущных перемен в относительно бедных районах центральной и западной частей страны.

5. Усиление взаимосвязи промышленности и образования: влияние интеграции профессионального образования и трудовых навыков на процессы социальной мобильности.

Недостаток навыков и трудности с трудоустройством являются важными причинами бедности, а также возвращения людей в бедность. Чжан Шези и Ли Юньпин отмечают: «Профессиональное образование, являясь важной частью системы образования, сосредоточено на развитии практических навыков, выполняет важные функции «искоренения бедности» и торможения процесса трансмиссии бедности от поколения к поколению... Оно играет важную роль, содействуя борьбе с бедностью и постепенно превращаясь в основной способ формирования трудовых навыков у представителей ущемленных классов в эпоху высокой дифференциации профессий и тем самым способствуя восходящей мобильности» [136; с. 19]. В документе «Некоторые мнения по вопросу углубления интеграции промышленности и образования», подготовленном Главным управлением Госсовета, предлагается углублять интеграцию промышленности и образования, а также - органично сочетая «образовательную цепочку», «цепочку талантов», «промышленную цепочку» и «инновационную цепочку» - определять общий курс развития профессионального образования в новую эпоху. Однако бизнесу, ориентированному на получение прибыли, не хватает стремления к интеграции сфер промышленности и образования - даже несмотря на проводимую национальную политику и звучащие призывы к участию в соответствующем сотрудничестве. Это нередко приводит к тому, что в

Китае профессиональная интеграция происходит по принципу «с одного конца горячо, с другого - холодно²⁵».

Кроме того, система профессионального образования в стране устроена так, что не слишком стимулирует выпускников университетов и колледжей продвигаться по профессиональной лестнице. Тем самым, формируется рынок труда с относительно закрытым и застойным пространством мобильности, выбор в котором ограничивается профессиями с низким социальным статусом, не позволяющим двигаться вверх с помощью социальных лифтов. По статистике, на этом рынке оказываются более 70% студентов из семей, проживающих в сельских и горных районах. Низкий процент отдачи от профессионального образования, несомненно, усиливает закрепление социальных классов и усугубляет социальное неравенство. Для того, чтобы обеспечить мобильность на рынке труда и улучшение социального положения малообеспеченных слоев населения, профессиональное образование в новую эпоху должно уделять особое внимание созданию новой системы подготовки талантливой молодежи.

В сентябре 2021 г. в опубликованном Государственным советом «Национальном плане действий в области прав человека (2021-2025 гг.)» предлагается построить систему профессионального образования, в которой профессиональное среднее и профессиональное высшее образование будут эффективно взаимосвязаны, а профессиональное и общее образование будут взаимно интегрированы. Такая система призвана способствовать развитию интеграции индустрии и образования, совершенствованию системы сотрудничества школы и предприятия, формированию политических ориентиров в создании нового типа интеграции промышленности и профессионального образования.

«Национальный план» выделяет ряд особо значимых задач, выполнение которых позволит значительно уменьшить неравенство в сфере образования. Во-первых, государство должно продолжать реализацию политики расширения доступа к профессиональному образованию и увеличения возможностей для получения образования по принципу «конверсии рабочих мест». Это означает постепенное освобождение среднего профессионального образования от платы за обучение,

²⁵ Выражение «С одного конца горячо, с другого - холодно» описывает ситуации, где в связи с обсуждением какого-либо вопроса участвуют две стороны, при этом одна сторона очень воодушевлена, а другая проявляет безразличие.

расширение образовательного цикла, создание системы непрерывного профессионального образования, а также привлечение особого внимания к обучению студентов в профессиональных колледжах и университетах с целью повышения уровня профессиональной адаптации студентов

Во-вторых, в целях экономического развития промышленных регионов и возрождения сельских районов необходимо формирование рабочей силы нового типа, обладающей всесторонними трудовыми навыками. Ее социальную базу должны составить прежде всего выходцы из малообеспеченных слоев населения («новые рабочие», «новые фермеры»), поддерживаемые средствами из специальных государственных фондов.

В-третьих, колледжам и университетам, высшим и средним профессиональным учебным заведениям в относительно бедных районах страны рекомендуется создавать механизм «интеграции производства и профессионального обучения²⁶» в целях достижения стыковки целей образования с потребностями производства, установления соответствия дисциплинарной структуры профессиональным навыкам, усиления трудового потенциала экономического и социального развития районов.

В-четвертых, школы, вузы и предприятия должны всемерно поддерживать инновации и предпринимательство среди студентов, интегрировать курсы по инновациям и предпринимательству в существующую систему учебных программ профессионального образования, создавать инкубационные площадки и базы практического обучения инновациям и предпринимательству. Способствуя неуклонному повышению профессионального мастерства и социального статуса малообеспеченных слоев населения, новый тип профессиональной интеграции позволит эффективно преодолеть образовательный разрыв в воспроизводстве социальных классов и способствовать процессу социалистической модернизации.

²⁶ Интеграция промышленности и образования означает глубокое сотрудничество между организациями, связанными с промышленностью, и организациями, связанными с образованием и исследованиями, в области совместного образования и инноваций, а также способ повышения качества подготовки талантливой молодежи в индустриальных предприятиях и учреждениях образовательного и исследовательского профиля, что способствует глубокой интеграции и развитию обеих сторон.

Китайская кампания по искоренению бедности одерживает убедительную победу, и одна из пяти ее основных частей²⁷ - развитие образования - играет в этом решающую и инновационную роль. В новую эпоху китайская экономика и система образования перешли от ускоренного развития к стабильному: усложняется общественное разделение труда, обостряется рыночное соперничество, возрастает роль поддержки творческих талантов. Стабильность социальных слоев и успешное проведение социалистической модернизации напрямую зависят от образования, которое служит базовой стратегией для роста и устойчивого экономического и социального развития. Однако в развитии образования пока существует немало проблем, в том числе обусловленных конкуренцией социальных классов и слоев в борьбе за образовательные ресурсы. В новую эпоху образование неизбежно сыграет важную роль в преодолении воспроизводства социальных классов на пути в будущее, ускорит формирование современной социально-классовой структуры, проложит путь к выполнению Четырнадцатого пятилетнего плана и достижению долгосрочных целей развития Китая до 2035 года. В настоящее время Китай вступает в новую фазу качественного развития образования и движется к превращению в мощную образовательную державу.

2.5. Выводы по главе 2

1. Дифференциация по уровню образования - важный компонент структуры социальной стратификации. Эволюция народного образования в Китае в основном совпадает с процессом развития социальной структуры и социальной стратификации, которые прошли две фазы изменений. В рамках первой фазы (1949-1978) - периода образовательного ренессанса, начавшегося сразу после основания Китайской Народной Республики, благодаря введению политического регулирования и большого количества образовательных реформ и других средств после 30 лет напряженной работы начальное образование стало в основном всеобщим, а среднее и высшее образование было восстановлено и развивалось относительно быстрыми темпами. Китай создал полноценную социалистическую систему образования и преподавания, а также добился значительных успехов в этой области.

²⁷ Под «пятью частями» понимаются пять этапов: развитие производства для выхода из бедности, выход из состояния бедности, экологическая компенсация для выхода из бедности (в 2060 году китайские власти планируют достичь нулевых выбросов в атмосферу), развитие образования, социальное обеспечение.

Вторым этапом постепенного развития китайского образования стал период реформ Дэн Сяопина, начавшийся в 1978 году и продолжающийся по сей день. За это время Китай встал на путь развития радикальных рыночных модернизации и создания «рыночного социализма с китайской спецификой». За прошедшие годы реформ и открытости руководство Китая продолжало продвигать стратегию приоритета образования, развитие страны через образование, науку, информационно-технологический прогресс и т. д. Была создана правовую основу для социалистической системы образования с китайской спецификой. Высшее образование достигло массовости и продвинулось к универсализации, а качество образования постоянно неуклонно повышалось. Однако быстрое развитие рыночной экономической системы повлияло на социальное разделение и неравенство в образовании.

2. Современную проблему неравенства в образовании в Китае стоит анализировать как по вертикали, так и по горизонтали. С одной стороны, неравенство отражается в трех сферах: в неравенстве в доступе к образованию; неравенстве в распределении высококачественных образовательных ресурсов в процессе обучения; неравенстве в результатах, полученных по окончании высшего образования. С другой стороны, оно отражается в географических различиях, различиях в благосостоянии семей и различиях в университетах.

Что касается географических различий, то, во-первых, уникальная китайская система регистрации домохозяйств оказала огромное влияние на развитие как городских, так и сельских районов, усугубив дихотомию города и деревни и приведя к неравенству в развитии образования между городской и сельской местностями. В настоящее время дети в селе всё ещё не могут получить такие же возможности доступа к образованию, как их сверстники в городах. Во-вторых, поскольку центр национального развития в начальный период реформ и открытости был в основном сосредоточен в юго-восточной части Китая, где наблюдался большой приток высококачественных образовательных ресурсов, это привело к нехватке образовательных ресурсов и низкому качеству образования в центральных и западных регионах.

Поскольку высшее образование вступило в стадию универсализации, доступ людей к высшему образованию значительно расширился, а разрыв между богатыми

и бедными семьями стал все более очевидным. Дети из бедных семей и дети богатых родителей получают разные результаты в борьбе за образование. Сколько семья тратит на образование, зависит от ее финансового положения, а на образование детей из богатых семей тратится гораздо больше денег, чем на детей из бедноты. Сильные социальные ресурсы предоставляют молодым людям больше возможностей для выбора качественного высшего образования и способствуют их доступу к большому количеству образовательных ресурсов. А для того чтобы ребенок мог успешно получить высшее образование, бедной семье часто приходится отдавать все, что у нее есть. В Китае политическое регулирование оказало положительное влияние на развитие образования, но оно также разделило университеты страны на разные уровни, От так называемых «хороших» университетов высшего уровня, входящих в «Проект 985» и «Проект 211», до профессиональных учебных заведений низшего уровня, хотя и называемых в совокупности высшим образованием, образовательные ресурсы, качество образования и содержание диплома, получаемого по окончании каждого из этих университетов, сильно отличаются.

3. Помимо вышеперечисленных факторов, обуславливающих образовательное неравенство в Китае, необходимо также отметить наличие ряда социальных барьеров, препятствующих равному доступу к качественным образовательным возможностям. Например, отсутствие необходимого семейного культурного капитала и ухудшение качества образования в бедных семьях. Во-первых, уровень образования родителей влияет на образовательную траекторию их детей, а родители в бедных семьях, как правило, менее образованы и не способны осознать важность образования. Во-вторых, из-за различий в культурном капитале в разных регионах и различий в уровне экономического развития, а также дисбаланса государственных финансовых вложений в образование в разных регионах, экономически отсталые регионы часто сталкиваются с такими проблемами, как нехватка образовательных ресурсов и слабые учителя. Наконец, не следует забывать и о препятствиях, мешающих охвату детей школьным образованием в Китае. Наиболее распространенным методом зачисления в школы в Китае является зонирование, которое, с одной стороны, кажется справедливым и разумным, но в то же время затрудняет поступление в «хорошие» школы детей из более бедных семей и

усиливает неравенство в образовании, получаемом детьми в городах и сельской местности, а также в различных географических районах.

4. Мотивом предпринятого в диссертации анализа проблемы «студентов из скромных семей», стало то обстоятельство, что эта тема является актуальной для китайского общества и для китайской социологии. Можно выделить три периода ее развития. На начальном этапе ученые, опираясь на результаты эмпирических исследований, просто выявляли ограниченные возможности детей из низшего класса при получении образования. Позже ученые подчеркивали трудности, с которыми сталкиваются дети из низшего класса в процессе продолжения образования, с точки зрения их идентичности, а затем объясняли причины успеха некоторых из них с разных точек зрения (социальная поддержка, индивидуальные усилия и т. д.). Теперь круг исследований «студентов из скромных семей» расширяется, фокусируясь на их успеваемости в высшем учебном заведении, последующем личностном развитии и т.д. Изучается, например, связь между развитием личности и семьей происхождения, социально-экономическим статусом человека, которого он в итоге достиг, и т. д.

5. Для преодоления или хотя бы уменьшения степени образовательного неравенства, существующего в современном китайском обществе, необходимо принять ряд практических мер: во-первых, стоит усилить пропаганду и продвижение политики борьбы с бедностью в сфере образования и помочь бедным семьям, в том числе путем внедрения культурного капитала различными способами, чтобы восполнить недостаток культурного капитала в бедных семьях. Во-вторых, необходимо увеличить инвестиции в образование в сельских районах и слаборазвитых регионах, покончить с нехваткой образовательных ресурсов и бедностью учителей, а также попытаться устранить разрыв в образовании между городскими и сельскими районами; при помощи политических и научно-технических средств необходимо повысить мобильность образовательных ресурсов. В-третьих, следует усилить политический контроль и взаимодействие, продолжать и расширять реформы высшего образования, чтобы обеспечить возможности для развития и роста детей из семей с низким уровнем дохода и остановить трансляцию образовательной бедности из поколения в поколение. Наконец, укрепление связи между промышленностью и образованием, должно содействовать развитию

интеграции промышленности и образования и становлению новой системы образования.

Заключение

В заключение подведем некоторые итоги диссертационного исследования.

Анализ образования как важного фактора, влияющего на социальную стратификацию китайского общества, показывает, что в современном китайском обществе существует серьезное неравенство в распределении образовательных ресурсов, а также имеет место неоднородность и в значительной степени элитарный характер образования. Девятилетнее образование стало обязательным, высшее образование становится всеобщим, доступ к высшему образованию быстро расширяется и растет его доступность. Однако в этой сфере все еще существует неравенство, которое проявляется в трех основных измерениях: в неравенстве между географическими районами; в неравенстве в доступе к образованию и в качестве получаемого образования в результате неравенства доходов; в неравенстве между различными университетами. С точки зрения географического фактора из-за дисбаланса в развитии городской и сельской местностей, различий, существующих между юго-востоком Китая и регионами в центральной и западной частях страны, высококачественные образовательные ресурсы сосредоточены в городах развитых регионов, а из-за ограничений, накладываемых системой регистрации домохозяйств, детям, родившимся в экономически слаборазвитых регионах или в сельской местности, зачастую очень трудно получить доступ к качественному образованию. С другой стороны, в сельских и слаборазвитых районах отсутствует понимание важности образования, родители не уделяют особого внимания образованию своих детей, и даже существуют представления о «бесполезности учебы». Из-за того, что инвестиции в образование непропорциональны полученным результатам. Несмотря на то что с начала XXI века государство сделало девятилетнее обязательное образование всеобщим, вопрос о том, продолжать ли обучение в средней школе или профессиональном учебном заведении после завершения девятилетнего обязательного образования, стал сложной проблемой для бедных семей.

С точки зрения разницы в доходах, между бедными и богатыми семьями существует явная разница при поступлении в вузы и, зачастую бедной семье приходится тратить все имеющиеся средства, чтобы дать возможность своему ребенку поступить в «хороший» университет и получить «хороший» диплом. В

процессе получения образования, семьи из низших и даже средних слоев общества сталкиваются с неравенством, связанным с разницей в уровне зарплат, а также и недостатком финансовых вложений в создание образовательной инфраструктуры и привлечение высококлассных преподавателей. После получения высшего образования детям из бедных социально-экономических слоев после долгих лет прилежной учебы тем не менее трудно конкурировать со своими однокурсниками из обеспеченных семей в плане образа жизни, работы и других социальных вопросов. Даже при одинаковом уровне образования выходцы из сельской местности и бедных семей по причинам своего происхождения или изначального социального слоя не могут конкурировать с представителями обеспеченных семей

Степень развития университетов в Китае неодинакова и связано это в основном с дисбалансом в распределении национальных образовательных ресурсов. С момента создания университетов «Проекта 211» (1995 г. – 100 вузов) и «Проекта 985» (1998 г. – более 30 вузов) университеты разделены на разные классы, имеющие качественно различные образовательные ресурсы и разные капиталовложения, разумеется, крупнейшие из которых выделяются «лучшим» университетам. В последние годы в Китае начался процесс универсализации высшего образования, в рамках которого все больше детей из бедных семей начинают получать качественное образование благодаря собственным усилиям. Однако инфляция дипломов о высшем образовании повысила обеспокоенность семей из низших и средних слоев общества по поводу инвестиций в образование, и благодаря наличию соответствующих престижных достижений, как, например, диплом рейтингового университета, а также большому количеству внешних стажировок, стало очевидным, что социальная мобильность, которую люди получают благодаря диплому, связана, прежде всего, с их социальным происхождением и качеством их резюме в обществе выпускников. В результате, хотя все больше молодых людей из низших слоев общества получают высшее образование, но им по-прежнему сложно использовать обретенные образовательные ресурсы для достижения восходящей социальной мобильности.

Решение проблемы образовательного неравенства между социальными стратами современного китайского общества требует совместных усилий власти и всего гражданского общества с использованием политических и экономических средств.

В долгосрочной перспективе государство призвано скорректировать стратегию развития образования, чтобы не просто сделать образование всеобщим, но добиться всеобщего *качественного* образования, блокировать передачу образовательной бедности от поколения к поколению, увеличить финансовые инвестиции в образование в слаборазвитых районах, разрушить образовательные барьеры между селом и городом. На этапе универсализации высшего образования необходимо придавать большее значение и среднему профессиональному образованию, продолжая проведение политики расширения возможностей для получения профессионального образования, усилить механизм «интеграции между промышленностью и образованием», обеспечить соответствие целей образования потребностям производства, а также соответствие дисциплинарных структур профессиональным навыкам. На микроуровне важно усилить пропаганду важности образования в сельских и слаборазвитых районах и поощрять практику непрерывного образования; увеличить финансовые инвестиции в образование в бедных районах, сократить расходы на образование для малоимущих семей и разработать программы по ликвидации бедности через образование.

Необходимо усилить внимание к образованию в сельских и слаборазвитых районах, способствовать притоку высококачественных образовательных ресурсов и обеспечить лучший доступ к информационным технологиям. В процессе планирования и строительства университетов следует избегать чрезмерной концентрации или даже перелива качественных образовательных ресурсов в «лучшие» и «хорошие» университеты, стремиться к совместному использованию высококачественных образовательных, научно-исследовательских и человеческих ресурсов городскими и сельскими районами и географическими регионами.

С момента образования Китайской Народной Республики и до сегодняшнего дня в результате изменений, произошедших в социально-классовой структуре и социальной стратификации общества, китайское образование достигло значительных успехов с точки зрения как доступности и массовости образования, так и с точки его качества. Однако, вместе с тем, нельзя игнорировать существующую проблему образовательного неравенства между различными слоями общества.

Список литературы

1. Ань Чао, Ван Чэнлун. Опыт ретроспективы и культурной рефлексии: групповые рассказы аспирантов из рабочего класса // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2016. - С. 59-65. (на кит. яз.).
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. // М.: Мысль, 1983. - С. 376–644.
3. Батуренко С.А. Социальная стратификация в исследованиях У.Л. Уорнера // М.: Вестник Московского университета, Серия 18., Политология и социология, Т. 28. № 2., 2022. - С. 86-97.
4. Бельский В.Ю., Беляев А.А., Лощаков Д.Г. Социология: Учебник / Под ред. Д.Г. Лощакова. // М.: ИНФРА-М (Сер. «Высшее образование»), 2002. - 304 с.
5. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство. Элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. – 272 с.
6. Ван Вэйхай. Древнекитайская система регистрации домохозяйств // Шанхай, Шанхайское издательство культуры, 2005. - С. 34-47. (на кит. яз.).
7. Ван Ин. Анализ иерархической структуры социальной трансформации // Харбин, Народное издательство Хэйлунцзян, 1994. - С. 140-174. (на кит. яз.).
8. Ван Тайюань. Эволюция и реформа китайской системы хукоу (I): обзор китайской системы управления хукоу // Пекин, CNKI, 2004. - С. 35-47. (на кит. яз.).
9. Ван Фуцинь, Ши Ивэнь. Семейное происхождение, образовательные ожидания и получение университетского образования: эмпирическое исследование, основанное на данных Шанхайского опроса // Шанхай, Общество, 2014. - С. 175-195. (на кит. яз.).
10. Ван Цзяньхуа. Двойная природа равенства в высшем образовании: скрытая несправедливость и воображаемая справедливость // Нанкин, Высшее образование Цзянсу, 2022. - С. 1-9. (на кит. яз.).
11. Ван Чжаосинь. Прорыв среди студентов из неблагополучных семей: обзор исследований студентов колледжей первого поколения в стране и за рубежом // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2020. - С. 26-36, 48,

94-104. (на кит. яз.).

12. Ван Чжэнхуэй, Цзян Пин. О двойной координации сбалансированного развития обязательного образования в районах проживания этнических меньшинств // Чэнду, Исследования в области образования и преподавания, 2021, - С. 99. (на кит. яз.).

13. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. И. Добренького. // М.: Гардарики, 2000. - 244 с.

14. Вэнь Дунмао. Влияние семейного происхождения на возможности получения высшего образования и трудоустройство выпускников в моей стране // Пекин, Обзор образования Пекинского университета, 2005. - С. 58-63. (на кит. яз.).

15. Вэнь Цзюнь, Ли Шаньшань. Классовые различия и их влияние на передачу культурного капитала из поколения в поколение: сравнительное исследование, основанное на семьях среднего класса и рабочего класса в Шанхае // Шанхай, Журнал Восточно-Китайского педагогического университета, 2018. - С. 101-113, 175. (на кит. яз.).

16. Вэй Чэнлинь. Обнаружение дна: подходы и изменения в классовых исследованиях Китая с 1990 года // Чунцин, Журнал Юго-Западного университета (издание по социальным наукам), 2016. - С. 39-45. (на кит. яз.).

17. Гегель Г. Философия права. // М.: Мысль, 1990. - 524 с.

18. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. Изд. 2-е, перераб. и доп. // М.: Едиториал УРСС, 2005. - 632 с.

19. Го Кай. Культурная столица и образовательная сфера: обзор образовательных мыслей Бурдые // Чанчунь, Современная образовательная наука, 2005. - С. 33-37. (на кит. яз.).

20. Гоббс Т. Левиафан. // М.: Мысль, 2001. - 478 с.

21. Голенкова З.Т. Избранные труды. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 343 с.

22. Горшков М.К. Россия и Китай: молодежь XXI века. [Монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. // М.: Новый хронограф, 2014. - 424 с.

23. Гу Дундун, Ду Хайфэн. Социальная стратификация и мобильность

рабочих-мигрантов в контексте новой урбанизации // Сиань, Журнал Северо-западного сельскохозяйственного и лесного университета науки и техники, 2016. - С. 69-79,87. (на кит. яз.).

24. Гуо Цонгбин, Минь Вэйфан. Образование: создание рационального механизма межпоколенной мобильности - применение моделирования структурных уравнений в исследовании взаимосвязи между образованием и межпоколенной мобильностью // Чэнду, Исследования в области образования, 2009. - С. 27-34. (на кит. яз.).

25. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы // М.: РОССПЭН, 2002. - 288 с.

26. Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Т.1. / Пер. с англ. // М.: Вече, АСТ 1999, - 543 с.

27. Добренков В.И., Кравченко, А.И. Социология: учебник // М.: Инфра-М, 2009. - 624 с.

28. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации / Пер. с англ. А.И Кравченко. // М.: Социология, № 3., 2016. С. 3-7.

29. Дэн Сяопин. Альманах Дэн Сяопина: 1975-1982 // Пекин, 1983. - 393 с. (на кит. яз.).

30. Ежегодник статистики цен Китая. Федеральное бюро статистики. 2022. (на кит. яз.).

31. Епихина Ю.Б. Работа по специальности, профиль образования и образовательная мобильность / Информационно-аналитический бюллетень., Социальная адаптация молодежи на рынке труда. // М.: ИНАБ., № 4., 2019. - С. 112-129.

32. Епихина Ю.Б., Социальная справедливость в российском образовании / Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М. К. Горшков [и др.], Отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. // М.: Издательство Новый Хронограф, 2021. - С. 295-313.

33. Жун Нин. Развитие социальных классов и демократический организм в Китае // Хэншуй, Вестник института Хэншуй. № 4, 2007. - С. 1-4. (на кит. яз.).

34. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А. Существует ли

система высшего образования? // М.: Социологические исследования, № 11., 2017. - С. 76–86.

35. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная стигматизация как социальный феномен: социологический анализ // Мир России. Т. 32. 2023. № 2. С. 6–29.

36. Инь Цзяньфэн. Пространственная справедливость и ее реализация мобильности учителей из города в деревню // Пекин, Образовательные исследования, 2020. - С. 136-147. (на кит. яз.).

37. История Китая: Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова., 2-е изд., испр. и доп. // Изд-во МГУ. Изд-во «Высшая школа», 2002. - 736 с.

38. Ключарев Г.А., Горшков М.К. Непрерывное образование в современном контексте: монография, 2-е изд., перераб. и доп. // М.: Издательство Юрайт, 2023. - 200 с.

39. Козырева П.М. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние [Монография] / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш. ФНИСЦ РАН. // М., Новый Хронограф, 2023. – 720 с.

40. Комплексное социальное обследование Китая 2019. (на кит. яз.).

41. Комплексное социальное обследование Китая 2021. (на кит. яз.).

42. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы — начало 2000-х) // Самара, ЦСО, 2008. - 551 с.

43. Константиновский Д.Л. Российская молодёжь: образование и занятость / Россия и Китай: молодёжь XXI века / отв. редакторы: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева, // М.: Издательство Новый Хронограф, 2014. - С. 283-307.

44. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Пер. с франц. // Ростов н/Д.: Феникс, 2003, - 256 с.

45. Кравченко А.И., Анурин В.Ф. Социология: учебник для вузов // СПб., Издательский дом, 2007. - 432с.

46. Лавриненко В.Н. Социология. Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. 2-е изд., перераб. и доп. // М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. - 407 с.

47. Лащевский А.Б. Социальная стратификация в условиях трансформации

российского общества. / Дисс. канд. соц. наук. // Майкоп, 2004. - 165 с.

48. Ли Ваньянь. Социальные изменения и различия в профессиональной межпоколенческой мобильности: взгляд на социальную стратификацию // Чанша, Поиск, 2010. - С. 62-64. (на кит. яз.).

49. Ли Лулу. Бюрократия // Пекин, Издательство Китайской энциклопедии, 1992. - 404 с. (на кит. яз.).

50. Ли Лулу. Институциональные преобразования и изменение стратификационной структуры - "двойное воспроизводство" модели классовых отношений // Пекин, Китайская социальная наука, том 6, 2002, - С. 105-207. (на кит. яз.).

51. Ли Лулу, Ван Фэньюй. Социальная структура и ее трансформация в процессе модернизации современного Китая // Ханчжоу, Чжэцзянское народное издательство, 2005. - С. 30-78. (на кит. яз.).

52. Ли Пейлин. Грядет ли великий прилив обратной урбанизации // Пекин, Народная трибуна, № 3, 2017, - С. 60-86 (на кит. яз.).

53. Ли Сяолян. Разрыв между повседневной практикой преподавания в сельских средних школах и реформой вступительных экзаменов в колледж. Почему «трудно родить благородного сына из бедной семьи»? // Шанхай, Глобальный обзор образования, 2020. - С. 75-89. (на кит. яз.).

54. Ли Тифан. Обзор теории конфликтов с точки зрения социологии образования // Ляньюньган, Журнал Технологического института Хуайхай (издание по социальным наукам), 2010. - С. 1-3. (на кит. яз.).

55. Ли Цюаньшэн. Изменения в стратификационной структуре сельского общества после основания Нового Китая // Пекин, Журнал партийной политики и сельских кадров, № 6, 2010. - С. 62-64. (на кит. яз.).

56. Ли Цян. Модернизация и изменение структуры социальной стратификации в Китае // Пекин, Преподавание и исследования, № 2, 2000, - С. 12-17. (на кит. яз.).

57. Ли Цян. Три важных канала для формирования китайского общества среднего класса // Пекин, Исследования и поиски, № 2, 2015, - С. 23-33. (на кит. яз.).

58. Ли Цян. Насколько далек Китай от общества оливковой формы:

социологический анализ развития среднего класса // Шанхай, Исследования и дебаты, № 8, 2016, - С. 1-11. (на кит. яз.).

59. Ли Чуньлинь. Социально-политические изменения и неравенство образовательных возможностей - влияние семейного происхождения и институциональных факторов на доступ к образованию // Пекин, Китайская социальная наука, 2003, - С. 86-98. (на кит. яз.).

60. Ли Чуньлинь. Стратификация престижа в современном китайском обществе - профессиональный престиж и измерение индекса социально-экономического статуса // Пекин, Социологические исследования, 2005, - С. 74-244. (на кит. яз.).

61. Ли Чуньлинь, Лу Пэн. Теория социальной стратификации // Пекин, Китайская пресса социальных наук, 2008. - С. 53-62. (на кит. яз.).

62. Ли Чуньлинь. Расширение высшего образования и неравенство образовательных возможностей: исследование выравнивающего эффекта расширения набора в колледжи // Пекин, Социологические исследования, 2010. - С. 82-113. (на кит. яз.).

63. Ли Чуньлинь, Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: [монография] / М. К. Горшков [и др.], Отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. // М.: Издательство «Новый Хронограф», 2021. - 592 с.

64. Линь Нань, Бянь Яньцзе. Процессы трудоустройства и приобретения статуса в городском Китае, под редакцией Бянь Яньцзе, Рыночная трансформация и социальная стратификация - анализ Китая американскими социологами / Жизнь, чтение и новые знания // Пекин, Книжный магазин "Саньянь", 2002. - 702 с. (на кит. яз.).

65. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова. // Москва; Челябинск, Социум, 2014. - 494 с.

66. Лу Сюэи. Анализ десяти основных слоев современного китайского общества // Хэбэй, Обучение и практика, 2002. - С. 55-63. (на кит. яз.).

67. Лу Сюэи. Доклад о социальной стратификации современного Китая / («Дандай чжунго шэхуй цзецэн яньцзю баогао») // Пекин, 2002. - 407с. (на кит. яз.).

68. Лу Сюэи. Анализ теории о том, что классовая структура социалистического общества - это два класса и одна страта // Нанкин, Цзянсу Социальные науки, № 6, 2004. - С. 88-92. (на кит. яз.).

69. Лу Фуин, Лю Чэнбинь. Деаграризация и социальная стратификация в сельской местности // Пекин, Китайская экономическая пресса, 2005. - 264 с. (на кит. яз.).

70. Лю Баожун, Цю Е. Историческая эволюция и реальные проблемы структуры городских и сельских районов Китая за 70 лет после основания Нового Китая // Чанчунь, Журнал "Чанбай", № 5, 2019. - С. 45-53. (на кит. яз.).

71. Лю Баочжун. Классовые различия и образовательное равенство в контексте вступления высшего образования Китая в стадию универсализации // Пекин, Журнал Пекинского технологического университета, 2021. - С. 116-126. (на кит. яз.).

72. Лю Цзинмин. Образование и изменение структуры социальной стратификации - анализ средних и старших классов белых воротничков // Пекин, Журнал Ренминского университета Китая, 2001. - С. 21-25. (на кит. яз.).

73. Лю Цзинмин. Расширение высшего образования и различия в возможностях доступа: 1978-2003 // Шанхай, Общество, 2006. - С. 158-178. (на кит. яз.)

74. Лю Цзинмин, Хуан Суцзюнь. Как студенты из неблагополучных семей преодолевают трудности — Факторы, влияющие и вдохновляющие жизнестойких студентов Гонконга // Цзянси, Образование Академический Ежемесячник, 2018. - С. 80-86. (на кит. яз.).

75. Лю Юньшань. «Помощь молодежи в получении образования»: внимание к судьбе молодежи в условиях изменений в сельском образовании // Шанхай, Исследования и дебаты, 2021. - С. 19-21. (на кит. яз.).

76. Лю Ян. Анализ классовой структуры моей страны на современном этапе // Пекин, Журнал партийной школы Цзинаньского городского комитета Коммунистической партии Китая, 2019. - С. 108-111. (на кит. яз.).

77. Люй Бувэй. Весна и осень Люя / Пер. Се Кайхуэй. // Хоххот, Народное издательство Внутренней Монголии, 2009. - С. 55-84. (на кит. яз.).

78. Ма Лутин. Новая инженерия, новая медицина, новое сельское хозяйство и новые гуманитарные науки указывают на передний край науки, техники и экономики и нацелены на будущие потребности развития // Пекин, Гуанмин Дейли, 2020, - С. 14. (на кит. яз.).

79. Ма Хуэй, Ли Юфэй. Анализ причин отсева сельских студентов Мяо в соответствии с теорией поля Бурдьё: на примере сельских студентов в городе Цюйцзин // Гуйлинь, Образовательное наблюдение, 2017. - С. 12-14. (на кит. яз.).

80. Макиавелли Н. Государь // М.: Астрель, 2011. - 608 с.

81. Марковчина А.В. Критерии структурирования современного российского общества // Уфа, Вестник Башкирского университета, № 4, 2007. - 171 с.

82. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. // М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 677 с.

83. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 3-х тт. - М., Политиздат. - 1983. - 630 с.

84. Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России // М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж, Издательство НПО «МОДЭК», 2000. - 464 с.

85. Пань Гуандань, Фэй Сяотун. Императорские экзамены и социальная мобильность // Шанхай, Общественные науки, 1947. - С. 1-21. (на кит. яз.).

86. Пань Маюань. Исследование высшего образования в междисциплинарной перспективе // Шанхай, Шанхайское образовательное издательство, 2001. - 260с. (на кит. яз.).

87. Паркин Ф. Социальная стратификация. / ред. Т. Б. Боттоморе и Роберте А. Нисбете // М.: История социологического анализа, 1979. - С. 599-632.

88. Парсонс Т. Структура социального действия / Пер. с англ. // М.: Академический проект, 2002. - 880 с.

89. Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, «Изд-во Олега Абышко», 2007. - 752 с.

90. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учебное

пособие. // М.: Аспект Пресс, 1996. - 237 с.

91. Райт Миллс Ч. Социологическое воображение / Пер. с англ. / Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина // М.: Издательский дом «Nota bene», 2001. - 264 с.

92. Райт Э.О. Класс в постиндустриальном обществе: сравнительное исследование классового анализа // Шэньян, Ляонинское образовательное издательство, 2004. - 637с. (на кит. яз.).

93. Роберт. Д. Патнэм. Наши дети / Пер. Тянь Лэй // Пекин, Издательство Китайского университета политических наук и права, 2017. – 398 с. (на кит. яз.).

94. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. // М.: Новый хронограф, 2012. - 512 с.

95. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // М.: Наука, 1969. - 710 с.

96. Се Личжун. Рефераты шедевров западной социологии // Наньчан, Народное издательство Цзянси, 2000. - 127с. (на кит. яз.).

97. Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. // М., Л.: Академии наук СССР, 1948. - 470 с.

98. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // М.: Эксмо, 2007. - 960 с.

99. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество (Серия «Мыслители XX века») / Под ред. А.Ю. Согомонова. // М.: Политиздат, 1992. - С. 302-373.

100. Сорокин П.А. Социальная мобильность // М.: Academia, 2005. - 588 с.

101. Сорокина Е.М. Изучение социальной стратификации и социальной мобильности в современной китайской социологии: три концепции // Вестник МГУ., Сер.18., Социология и политология, Т. 24., №2., 2018. - С. 30-47.

102. Сорокина Е.М. Рабочие-крестьяне в современном китайском обществе: социальное положение и возможности социального роста // Теория

и практика общественного развития. Социология. – 2020. Вып. 8. С.35-44.

103. Сун Дан, Мяо Гуаньцзюнь. Разработка системы индексов оценки справедливости в высшем образовании с точки зрения региональных различий // Шэньян, Современный менеджмент образования, 2012. - С. 52-56. (на кит. яз.).

104. Сун Хун, Ло Цзиган, Хуан Вэй. Сокращение образовательной бедности и накопление человеческого капитала: факты, механизмы и последствия для политики // Пекин, Мировая экономика, 2022. - С. 3-27. (на кит. яз.).

105. Сунь Ганченг, Тао Юй. Реформа образования сельских школ с точки зрения образования по борьбе с бедностью // Чэнду, Исследования в области образования и преподавания, 2022. - С. 88-99. (на кит. яз.).

106. Сунь Липин. Разрыв - китайское общество с 1990-х годов // Пекин, Издательство литературы по общественным наукам, 2003. - 284 с. (на кит. яз.).

107. Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой / Изд-во «Весь мир», 2022. – 424 с.

108. У Пэн Сэнь. Историческая эволюция структуры социальной стратификации в современном Китае и ее раскрытие // Нанкин, Нанкинский нормальный университет (издание по общественным наукам), № 6, 2002. - С. 13-20. (на кит. яз.).

109. У Чжунминь. Появление социальных конфликтов, вызванных социальными структурными проблемами в переходный период // Пекин, Исследование социализма с китайской спецификой, 2015. - С. 85-90. (на кит. яз.).

110. Фань Сяньцзо. Причины и решения проблемы «Трудно родить благородного сына из бедной семьи» // Шанхай, Глобальный обзор образования, 2020. - С. 36-41. (на кит. яз.).

111. Хоу Юбо, Ван Тин. Влияние социального класса и убеждений справедливого мира на насилие в Интернете среди китайцев // Чунцин, Журнал Юго-Западного университета, 2019. - С. 96-104. (на кит. яз.).

112. Ху Сюэлун, Кан Юнцзюн. Послушные люди, которые проявляют инициативу присутствовать: эмпирическое исследование семейного культурного капитала сельских студентов // Шанхай, Глобальный обзор образования, 2017. - С. 104-116. (на кит. яз.).
113. Хуан Юнтан. Полный перевод национального языка // Гуйян, Народное издательство Гуйчжоу, 1995. - 563 с. (на кит. яз.).
114. Цзе Юйсян, Цзе Чу. Образовательная мобильность, профессиональная мобильность и передача класса из поколения в поколение // Пекин, Китайские демографические науки, 2019. - С. 63-64. (на кит. яз.).
115. Цзи Лин, Чжан Юхао. Родительский капитал и успеваемость детей в семьях сельских иммигрантов: эмпирический анализ на основе CFPS (2018) // Цзинчжоу, Журнал педагогического университета Янцзы, 2005. - С. 51-58. (на кит. яз.).
116. Цзун Хао. Взаимосвязь между социальной стратификацией и высшим образованием // Шанхай, Журнал Шаньсийского педагогического университета, 2013. - С. 122-124. (на кит. яз.).
117. Цю Липин. Семья-школа-фабрика: воспроизводство китайских социальных классов // Пекин, Издательство общественных наук Китая, 2015. - С. 133-136. (на кит. яз.)
118. Чэн Мэн, Культурная цена восходящей мобильности - «Человек-Феникс» как классный путешественник // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2016. - С. 7. (на кит. яз.).
119. Ченг Мэн. «Материалы для чтения» и их культурная продукция - исследование истории развития современных фермерских детей // Пекин, Издательство общественных наук Китая, 2018. - С. 40, 111-149. (на кит. яз.).
120. Черныш, М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: дисс. ... д-ра соц. наук // Москва, 2005. - 314 с.
121. Чжао Синь, Инь Шаоцин. О двусторонней связи между высшим образованием и социальной стратификацией // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2014. - С. 27-28. (на кит. яз.).
122. Чжан Ваньли. Двадцать лет исследования стратификации социальных классов в Китае // Пекин, Институт социологии, № 1, 2000. - С.

24-39. (на кит. яз.).

123. Чжан Мин, Чжан Сюэминь, Ту Сяньсянь. Может ли высшее образование разрушить стереотипы социального класса? - Эмпирический анализ, основанный на упорядоченной оценке параметров Пробита и разложении значений Шепли // Пекин, Финансовые исследования, 2016. - С. 15-26. (на кит. яз.).

124. Чжан Сюэминь, Чжоу Цзе. Образовательный выбор «всестороннего личного развития» в условиях технологических изменений - Переосмысление основных образовательных идей Маркса в новую эпоху // Пекин, Исследование образования Университета Цинхуа, 2020. - С. 7-17. (на кит. яз.).

125. Чжан Хаопэн. Структура модели социальной стратификации китайского общества // Социология. 2022. № 6. – С. 109-113.

126. Чжан Хаопэн. Гендерные аспекты социальной стратификации населения Китая // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. №1. – С. 68-70.

127. Чжан Хаопэн. Воздействие уровня образования на состояние социальной стратификации населения Китая // Социология. Философия. Прикладные исследования. № 1. 2023. – С. 62-64

128. Чжан Хаопэн. Реализация инструментов сокращения социального неравенства в экономическом, политическом и культурной сферах общества // Социология. 2023. № 1. – С. 154-158.

129. Чжан Хаопэн. Дифференциация уровня жизни городского и сельского населения Китая: аспекты социальной стратификации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 1. – С. 46-49.

130. Чжан Хаопэн. Эволюция социальной роли регистрации домохозяйств Китая ("Хукоу") // Социология. 2023. № 1. - С. 174-178.

131. Чжан Хаопэн. Тенденции изменения социальной стратификации населения Китая в период до реформы открытости (1949-1978 годы) // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 1. – С. 64-66.

132. Чжан Хуафэн, Го Фэй, Ши Цзинхуань. Исследования по содействию участию студентов колледжей первого поколения в

высокоэффективной образовательной деятельности // Чэнду, Исследования в области образования, 2017. - С. 32-43. (на кит. яз.).

133. Чжан Цзипин, Тан Лина, Чжао Хуань. Реалистичные дилеммы и решения борьбы с бедностью в сфере высококачественного высшего образования // Ичан, Журнал Китайского университета «Три ущелья», 2020. - С. 1-6. (на кит. яз.).

134. Чжан Цзичжоу, Хуан Шугуан. Кто ходит в профессионально-техническое училище: с точки зрения социального расслоения // Шанхай, Глобальный обзор образования, 2015. - С. 31-37, 114. (на кит. яз.).

135. Чжан Цянь, Лю Циншуйай. Неравные «благородные сыновья»: исследование школьного опыта «писателей городских вопросов» на основе онлайн-этнографии // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2021. - С. 69-76. (на кит. яз.).

136. Чжан Шези, Ли Юньпин. Анализ системы профессионального образования Китая - с точки зрения равенства в образовании // Вучан, Издательство Высшего образования, 2015. - С. 19-20. (на кит. яз.).

137. Чжоу Син, Чжан Пэн. Межпоколенческая профессиональная мобильность и мобильность доходов - эмпирическое исследование городских и сельских семей в Китае // Пекин, Экономика, 2014. - С. 351-372. (на кит. яз.).

138. Чжэн Ханшэн. Новое введение в социологию // Пекин, Народный университет Китая, 3-е изд., 2002. - 332 с. (на кит. яз.).

139. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польского // М.: Логос, 2005. - 664 с.

140. Шэнь Пинсия. Об основном обмене и ротации с точки зрения культурного механизма // Тайюань, Преподавание и менеджмент, 2022. - С. 30-33. (на кит. яз.).

141. Юй Сюлань, Хан Янь. Как вырастить «благородных сыновей» из бедных семей: Классовый прорыв, основанный на перспективе культурного капитала // Вучан, Исследования высшего образования, 2018. - С. 8-16. (на кит. яз.).

142. Юй Хуэй, Трудно ли бедной семье родить благородного сына? Качественное исследование занятости молодежи с учетом двойных атрибутов

- социального капитала // Пекин, Китайские молодежные исследования, 2019. - С. 57-63. (на кит. яз.).
143. Ян Бохан. Анализ социальной структуры Китая и путь к улучшению положения уязвимых групп // Чжэнчжоу, Академический журнал Чжунчжоу, 2022. - С. 88-93. (на кит. яз.).
144. Ян Дунпин. Доступ к высшему образованию: увеличивающийся классовый разрыв // Пекин, Исследование образования Университета Цинхуа, 2006. - С. 19-25. (на кит. яз.).
145. Ян Чуньхуа. Социально-классовые различия в образовательных ожиданиях: взаимосвязь между социальным статусом родителей и образовательными ожиданиями детей // Пекин, Исследование образования Университета Цинхуа, 2006. - С. 71-76, 83. (на кит. яз.).
146. Bowles S., Gintis H. *Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life* / NY.: Basic Books, 1976. (Transl. in Chinese: Li Jinxiu // Taipei, Laurel Book Co, 1989. - 489 с.).
147. Homans G.C. *The Nature of Social Sciences* // NY., Harcourt, Brace & World, 1967. - 109 с.
148. *Inequality in the XXI Century* / Ed. by David B. Grusky and Jusmin Hill. // London, Routledge, 2019. - 506 p.
149. Lenski G. *Power and privilege: a theory of social stratification* // University of North Carolina Press, 1984. - 495 p.
150. Li Peilin. *Changes in China's social stratification since 1978. Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries: Change and Perspective* / Ed. by Li Peilin et al. // Beijing, World Scientific, 2013. - P. 59-83.
151. Li Qiang. *Ten lectures on Social Stratification. - Second Edition* // Beijing, Social Sciences Literature Publishing House, 2011. - 371 p.
152. Lucas Samuel R. *Effectively maintained inequality: education transitions, track mobility, and social background effects* // Chicago, American Journal of Sociology, 2001. - С. 1642 -1690.
153. Ma Hongjie, Zhang Weiguo. *Cultural reproduction or cultural flow: a study of class differences in Chinese secondary school students' academic performance* // Wuhan, Education and Economics, 2019. - С. 25-34. (in Chinese).

154. Shu, F., Sugimoto, C.R., Larivière, V. The Institutionalized Stratification of the Chinese Higher Education System. // MA., Quantitative Science Studies, 2020. - P. 327-334.

155. Xie AL, Reay D. Successful rural students in China's elite universities: habitus transformation and inevitable hidden injuries? // Higher Education, 2020. - С. 21- 36.

Электронные ресурсы:

156. Министерство образования, Министерство финансов, Национальная комиссия по развитию и реформам об объявлении списка университетов и дисциплин второго раунда строительства "двойного первого класса" [Электронный ресурс] // Правительственный портал Министерства образования Китайской Народной Республики.
http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/s7065/202202/t20220211_598710 (на кит. яз.).

157. Министерство образования: Реализация Плана 2.0 «Шесть отличников и один первоклассный» для построения высшего образования высокого уровня, [Электронный ресурс] 2018.
[https://baike.baidu.com/reference/22942990/bf32L5JYrPsNCXdfPXtMCSKsZdRMA vJhLtNxqZ-h4GsmuUoUr_Duj4_G5aMhK7x7nL_9MNR2rdaZzwDWwdYHPekcG8ySFg_S9Ly QeUgJbVPU3sqo](https://baike.baidu.com/reference/22942990/bf32L5JYrPsNCXdfPXtMCSKsZdRmA vJhLtNxqZ-h4GsmuUoUr_Duj4_G5aMhK7x7nL_9MNR2rdaZzwDWwdYHPekcG8ySFg_S9Ly QeUgJbVPU3sqo) (на кит. яз.).

158. Министерство образования. Статистическое сообщение об исполнении республиканского финансирования образования в 2020 году. [Электронный ресурс], 2021. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s3040/202111/t20211130_583343.html. 583343.html (на кит. яз.).

159. Министерство образования: Основные итоги национальной статистики образования в 2021 году. [Электронный ресурс], 2022 http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202203/t20220301_603262.html (на кит. яз.).

160. Статистический ежегодник Китая [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики, 2016. (на кит. яз.).

161. Статистический ежегодник Китая [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики, 2019. (на кит. яз.).

162. Статистический ежегодник Китая [Электронный ресурс] // Федеральное

бюро статистики, 2020. (на кит. яз.).

163. Статистический ежегодник Китая [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики, 2021. (на кит. яз.).

164. Статистический ежегодник Китая [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики, 2022. (на кит. яз.).

165. Статистический ежегодник образования Китая [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики. 2022. (на кит. яз.).

166. Статистический ежегодник расходов на образование в Китае [Электронный ресурс] // Федеральное бюро статистики. 2021. (на кит. яз.).

167. Ян Сюшэн. Всеобщий анализ структуры слоев в современном Китае. [Электронный ресурс]. - URL: www.daiun.com.cn/jieceng.html (на кит. яз.).